

ДНЕВНИК
Б. ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
АНДРЕЯ
ВЛАДИМИРОВИЧА

РЕДАКЦИЯ И ПРЕДИСЛОВИЕ
В. П. СЕМЕННИКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

В Б

ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

ЛЕНИНГРАД, ДОМ КНИГИ, Проспект 25 Октября, 28. Телефоны 1-32-44, 5-70-14;
МОСКВА, Тверская, 51. Телефоны 3-92-07, 4-92-31.

ВОСПОМИНАНИЯ и ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ.

Аграрный вопрос в совете министров (1906 г). (Материалы по истории крестьянских движений в России под редакцией Б. Б. Веселовского, В. И. Пичета и В. М. Фриче. Вып. IV.) Стр. 178. Ц. 1 р. 20 к.

Аксельрод, Л. И. — Этюды и воспоминания. Стр. 61. Ц. 35 к.

Барт, Эмиль. — В мастерской германской революции. Пер. с нем. С. Крицман. С предисловием Я. Вальхера. Стр. 204. Ц. 1 р.

Бисмарк, О. — Вильгельм II. Воспоминания и мысли. С предисл. М. Павловича. Стр. 175. Ц. 75 к.

Борьба за Петроград. — 15 октября — 6 ноября 1919 г. Стр. 283. Ц. 2 р.

Бухбиндер, Н. А. — Материалы для истории еврейского рабочего движения в России Вып. I. Материалы для биографического словаря участников еврейского рабочего движения, с предисловием В. Невского. Стр. 142. Ц. 35 к.

Витте, С. Ю, гр. — Воспоминания. Царствование Николая II. Том I. Стр. XLVII+471. Изд. 2-е Ц. 2 р. 75 к.

Витте, С. Ю., гр. — Воспоминания. Царствование Николая II. Том II. Стр. 518. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 75 к.

Витте, С. Ю., гр. — Том III. Детство. Царствования Александра II и Александра III. (1849—1894.) Стр. XVI+ +395. Ц. 3 р.

Владимирова, Вера. — Революция 1917 г. (Хроника событий.) Том IV. Август — Сентябрь. Стр. 422 Ц. 3 р. 50 к.

Власова, О. И., Е. М. Орловская и И. Г. Бендер. — Первомайские прокламации. Библиографическое описание. Под ред. С. Н. Валка и А. А Шилова. Стр. 95. Ц. 1 р.

Волкенштейн, Л. А. — Из тюремных воспоминаний. Вступительная статья и примечания Р. М. Кантора. С портретом автора. (Серия „Библиотека мемуаров".) Стр. 135. Ц. 1 р. 20 к.

Волконская, М. Н., кн. — Записки. Вступительная статья и примечания П. Е. Щеголева (Серия „Библиотека мемуаров") Стр. 72. Ц. 50 к.

Восстание на броненосце „Князь Потемкин-Таврический". — Воспоминания, материалы и документы. Под редакцией и со вступительной статьей В. И. Невского. Стр. 368. Ц. 2 р. 50 к.

Генкин, И. — По тюрьмам и этапам. Стр. 486. Ц. 2 р.

Гинцбург, Илья. — Из прошлого. (Воспоминания.) С портретом автора и 9 снимками. Стр. 183. Ц. 1 р.

Горев, Б. И. — Из партийного прошлого. Воспоминания. 1895 — 1905. Стр. 91. Ц 50 к.

Кайо, Ж. — Куда идет Франция? Куда идет Европа? Перевод с французского А. Сперанского. Вводная статья М. Павловича. Стр. 208 Ц. 85 к.

Коллонтай, А. М. — Отрывки из дневника. 1914 г. Стр. 79. Ц. 50 к.

Лемке, М. — Политические процессы в России 1860 г.г. По архивным документам. 2-е изд. Стр. VIII+684. Ц 3 р.

Ленинградские рабочие в борьбе за власть советов. 1917 г. — (Статьи, воспоминания и документы.) Под общей редакцией П. Ф. Куделли. („Ленинградский Истпарт".) Стр. 170. Ц. 75 к.

Материалы для истории антиеврейских погромов в России. — Т. II. Восьмидесятые годы (15 апреля 1881 г. — 29 февраля 1882 г.) Под ред. и со вступ. статьей Г. Я. Красного-Адмони. Стр. XXXII+542+V. Ц. 3 р. 50 к.

Падение самодержавия. Сборник материалов для клубов. Под редакцией Я. Нетупской. 17 приложений. Стр. 148. Ц. 1 р. 20 к.

Падение царского режима. — Стенографические отчеты допросов и показаний,

ДНЕВНИК
Б. ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ
АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА

1915 год

РЕДАКЦИЯ И ПРЕДИСЛОВИЕ
В. П. СЕМЕННИКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — 1925 — МОСКВА

Гиз № 10347. Ленинградский Гублит № 14338. 7 л. Отпечатано 7000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Автор этого дневника Андрей Владимирович Романов был одним из близких родственников последнего русского царя [1]). Как и другие представители вырождавшейся фамилии Романовых, Андрей в умственном отношении был человеком вполне посредственным. И, тем не менее, дневник А. Романова представляет некоторый интерес: это объясняется только тем, что автор, в силу своего происхождения, вращался в том кругу, в котором было известно многое об интимной, скрытой от посторонних лиц стороне различных политических и военных событий того времени. Дневник этот никогда, конечно, не предназначался для печати, автор писал его для себя, — и потому был искренен.

Несмотря на полное убожество своей великокняжеской, ура-патриотической идеологии, Андрей Романов, как автор дневника, имел одно хорошее качество: он, несомненно, точно, почти протокольно, заносил на эти страницы все то, что ему приходилось слышать и видеть. И, несмотря на то, что во всем этом автор разбирался плохо, в явно ощущаемой точности его сообщений — несомненное достоинство этого дневника.

Как и все «великие князья», Андрей Романов был военным: во время войны с германцами он болтался где-то при штабах, чем-то номинально «командовал» и, в общем, был в самом центре той высшей военной среды, которая руководила боевыми действиями русской армии. Эта среда, прежде всего, и отражается на страницах настоящего дневника. Кроме того, А. Романов входил иногда в соприкосновение с бывшим царем, с различными своими родственниками, разными, более или менее крупными, деятелями

[1]) Двоюродный брат.

умиравшей монархии, с иностранными послами и т. п. Рассказы обо всех этих встречах также обычно заносились на страницы дневника.

Свой дневник А. Романов вел в течение ряда лет. Но у нас в руках только одна, случайно сохранившаяся тетрадь, охватывающая срок с 18 апреля по 23 октября 1915 г. [1])

Это было время, когда правящая дворянская клика, во главе с Романовыми, уже начинала предчувствовать возможность революции. Эти предчувствия отражаются и на страницах дневника. Но в каких нелепых формах представлялась этой среде грядущая революция! Вот что, например, думал по этому поводу один из самых близких к Николаю II людей, находившийся постоянно при нем в ставке, «церемониймейстер высочайшего двора», польский аристократ граф Адам Замойский.

«По мнению графа Ад. Замойского,— записывает А. Романов,— после войны, безусловно, будет революция, которая отберет земли у помещиков»...

Как видим, пока предвидение вполне правильное; но граф Ад. Замойский не ограничивается этим и даже предугадывает, кто будет стоять во главе этой революции.

«Во главе этого аграрного движения,— утверждает граф Замойский, — станет Данилов-черный...»

Кто же это такой? Оказывается, не кто иной, как генерал-квартирмейстер штаба верховного главнокомандующего, генерал-лейтенант Данилов. И из этого своего прогноза граф Замойский делает тот вывод, что, так как Данилов-черный будет стоять во главе революции, то — «надо быть с ним в хороших отношениях: авось он земли не отберет!»

Но почему Данилов-черный стал, не только в глазах Замойского, но — как видно, из слов А. Романова, — и многих других лиц этого круга, таким «главным революционером»? Оказывается, этот генерал «систематически губит гвардию — губит единственный оплот царя» [2]).

---

[1]) В двух-трех местах рукописи вырвано по одной странице, но это почти не препятствует пониманию текста.

[2]) Дневник, стр. 29—30. — Отголоском тех слухов о Данилове-черном, которые выше приведены, было даже утверждение А. Ф. Романовой, что Данилов — «шпион». Об этом А. Ф. Романова писала Николаю 14 июня 1915 г. В ответ на это Николай заметил, что мысль о шпионстве Данилова «не стоит выеденного яйца» («Переписка Н. и А. Романовых». С предисловием М. Н. Покровского. 1923 г., том III, стр. 212, 223).

В том, что Данилов-черный «губил гвардию» была однако своя правда, — и прежде всего потому, что этот генерал особенно усердно поддерживал план рокового наступления русской армии в Восточную Пруссию. Но характерно, между прочим, то, что в этой среде не возникало даже, видимо, простой мысли, что вообще нельзя губить зря человеческие жизни: ведь гвардию нельзя губить именно потому, что таким путем уничтожается «оплот царя». И ее надо будет губить, когда придется спасать этого царя. И этот мотив бережения гвардии, ради такой именно цели, не раз вырисовывается на страницах дневника А. Романова. Сам Николай признавал, что в этом отношении была сделана его предшественником по верховному командованию «большая ошибка»[1]. И в этих рассуждениях была своя доля основательности, ибо тот факт, что февральская революция не вызвала сильного вооруженного отпора, в некоторой степени объясняется тем, что на войне была уничтожена значительная часть этого, специально подобранного «оплота царя».

Но в то время, как Замойский представлял себе революцию все-таки в широком масштабе — с отобранием земли у помещиков другие лица этого круга, хотя и боялись революции, по мыслили ее себе в виде простого дворцового переворота. Этого, как видно из дневника, очень опасалась прежде всего мать Николая, Мария Федоровна. Когда ее сын сменил в. к. Николая и уволил почти одновременно с тем еще двух преданных себе людей, генералов Джунковского и Орлова, Мария Федоровна плакалась о том, как это ужасно.

«Кто будет около него (Николая)? — сокрушалась М. Ф. Романова. — Он останется совершенно один с этим ужасным «Кувакой». Ни одного преданного друга около него! Я ничего не понимаю. Я не могу понять... Это слишком ужасно, чтобы это можно было выразить словами...»

«Кувака» — это дворцовый комендант ген. Воейков, занимавшийся различными темными коммерческими предприятиями, — в том числе и производством воды, называвшейся «Кувака».

И вот, видя своего сына в единении с одним только «Кувакой», мать царя представляет себе картину грядущего переворота. М. Ф. Романовой политика сына напоминает времена Павла I, — «который начал в последний год удалять от себя всех преданных

[1]) Стр. 96.

людей», и, — прибавляет Андрей Романов, — «печальный конец нашего прадеда ей мерещится во всем своем ужасе»[1]).

Вообще страхи не только придворной клики, но и так называемой «общественности» (дворянской и буржуазной), начавшей побаиваться возможности революции, особенно обострились к тому времени, когда Николай II стал во главе верховного командования (август 1915 г.). Одни находили, что этот шаг, хотя и опасен, но правилен, так как подозревалось, что в. к. Николай собирается сбросить с «престола» своего племянника; другие опасались, что эта смена, обеспечивая полное господство влиянию Распутина, в конце концов, в связи с этим, угрожает революцией.

Об этом моменте в дневнике А. Романова приводится много разных данных. Основываясь на слухах, что эта смена была произведена по настоянию А. Ф. Романовой, автор дневника считал, что она в этом случае поступила «правильно, благоразумно и в высшей степени государственно»[2]).

Тогда Андрей Романов не знал закулисных причин этого решения. Теперь мы знаем достоверно, что именно Распутин, действуя через А. Ф. Романову, прогнал в. к. Николая. Но, когда до Андрея Романова дошли известия о роли в этом деле Распутина, то автор дневника, вместо того, чтобы воздать должное мудрости инициатора этого «в высшей степени государственного» поступка, начинает задумываться о будущем и приходить к заключению, что «опасность» не за горами[3]).

Откуда придет эта опасность, — Андрей Романов понимал смутно. Но еще в 1915 году он указывал то средство, которое было позднее, для предотвращения опасности, применено его родственником Дмитрием Романовым, Юсуповым и др. «Единственный способ, — писал А. Романов, — это обелить себя решительным действием — покончить с Распутиным, виновен он или нет»[4]). Эти недоумки не понимали, что дело не в Распутине, даже не в Романове, а во всей той прогнившей системе, прямым порождением которой были и Распутин и Романовы — в равной степени.

И как Распутин, так и каждый из этих господ Романовых, по мере сил и возможностей, выявляли собой гниение разлагающегося строя.

---

[1]) Стр. 78.
[2]) Стр. 72.
[3]) Стр. 75.
[4]) Там же.

Возьмем, например, роль многочисленных «великих князей» на войне. Несмотря на то, что они всеми мерами подстрекали к энергичным наступательным действиям, ни один из них никогда в эту войну не участвовал в боях. Господа Романовы посылали в бой рабов, а сами со своей сворой только наблюдали со стороны за этой кровавой бойней, а если приезжали в армию, то, в лучшем случае, для безделья, в худшем — для безобразий, пьянства и вмешательства не в свое дело. Особенно в этом отношении отличались старшие братья А. Романова Кирилл (именующий себя ныне комическим титулом «императора всероссийского») и Борис, заслуживние «славу» на этом поприще еще в японскую войну.

Андрей старался в этом отношении не отставать от своих братьев. Это видно, например, из того, что, когда возник вопрос о назначении Андрея в армию, то ген. Янушкевич как-то сказал ему самому, что такого офицера принимать в армию «невозможно», ибо он все время кутит. К тому же, оказывается, если назначить великого князя командиром полка, то этим самым такой полк ставится в полубездейственное положение: его можно отправлять только в далекие от боя места, так как «приходится постоянно думать о безопасности командира» [1].

Это не могло не обращать внимания как в армии вообще, так и среди тех ее высших чинов, которые осмеливались без лакейства отнестись к представителям этой семьи. Вот, например, какой разговор между в. к. Николаем Михайловичем и генералом Борисовым записал Андрей Романов в своем дневнике:

«Разговор, — отмечает А. Романов, — зашел о кухаркиных сыновьях. Ген. Борисов на это заметил Николаю Михайловичу, что встарину князья шли впереди и первые рубились, а в образовавшуюся брешь лезли кухаркины сыновья. Теперь же кухаркины сыновья впереди». «Не знаю, — простодушно замечает А. Романов, — был ли тут скрытый смысл или нет» [2] ...

Но перейдем непосредственно к той высшей военной среде, которая более всего отразилась в настоящем дневнике.

Из фактов, сообщаемых А. Романовым, можно прежде всего лишний раз увидеть, до какой степени призрачным было в некоторых случаях то «руководство» армией, которое должно было лежать на «верховном командовании».

[1]) Стр. 20.
[2]) Стр. 40.

Так, один из характерных в этом отношении примеров представляет знаменитое и столь трагически кончившееся наступление русской армии в Восточную Пруссию. Из дневника видно, что сам «верховный» в. к. Николай был **против** этого наступления. А. Романов рассказывает как в разговоре с «верховным» ген. Палицын, предупреждавший «верховного» и ранее, что «туда нельзя ходить», что это — «ловушка», задал ему следующий справедливый вопрос: «А как же вы допустили, раз вы были против? Ведь это преступление!» [1]) Неизвестно, что ответил на это Николай - главнокомандующий. Но мы теперь уже знаем, что русское командование как в этом, так и во многих других случаях, являлось только простым исполнителем требований французского правительства. Тогда надо было спасать Париж, и ради этого в Мазурских болотах погибла 400-тысячная русская армия.

Но дело было не только в Париже, а и в том, что русская «ставка» не имела простой честности отказаться от заведомо-безнадежной операции.

И это было тем более постыдно, что в русском штабе **знали**, как отнесется к предпринятой операции германское командование: русскому генеральному штабу были известны отчеты о так называемых «военных играх» противника, где, между прочим была предусмотрена неудача всей той операции, которую предприняла позднее русская армия [2]).

Вот что говорилось по этому поводу в германском отчете:

«Почти все, кому приходилось до сих пор руководить русской стороной, наступали неманской армией в вышеуказанном направлении (между Инстербургом и Ангербургом), наревской же армией — в обход Мазурских озер с юга и далее в северном или северо-западном направлении, с радостною уверенностью, что они будут в состоянии уничтожить этим концентрическим наступлением немцев, которых предполагали сосредоточенными за линией Мазурских озер или за рекой Алле. **Но они постоянно ошибались. Немцы, не ожидая этого маневра, отступали, но пользовались предоставляемым им случаем атаковать левый фланг нарев-**

[1]) Стр. 37 — 38.

[2]) Отметим, что подобными русскими «военными играми» руководил как раз ген. Палицын (в качестве начальника ген. штаба).

ской армии в наиболее опасном для нее направлении»[1]).

Таким образом, германский план действий в этом отношении был известен заранее; и тем не менее русская армия должна была итти на заведомую гибель.

Необходимость действовать по указке «союзников», а помимо этого и бездарность русских генералов приводила к тому, что верховное командование, в некоторых случаях, не могло даже разработать какого-либо определенного плана военных действий. Об этом выразительно повествуется в дневнике, в беседе автора с тем же ген. Палицыным. Разговор относится к тому времени, когда русскому командованию приходилось оставлять Варшаву. Генерал Палицын был, очевидно, вполне в курсе стратегических планов штаба.

«Я спросил Ф. Ф. (Палицына), — пишет А. Романов, — что теперь будет делать главнокомандующий? — Не знаю, — ответил Ф. Ф. (Палицын). — А мысли есть? — спросил я. — Мысли есть, хорошие, прекрасные мысли, — ответил Ф. Ф. Палицын. — Но как я ни добивался проникнуть дальше и узнать, какие это хорошие мысли, прекрасные мысли — так-таки ничего не добился». «Я обошел, — пишет А. Романов, — вопрос с другой стороны и спросил: что же, мы будем наступать? — Вот этого нельзя: надо сохранить живую силу. — Тогда мы будем стоять? — Помилуйте, ведь, когда мы стоим, то нас могут бить куда угодно... вот стояли мы у Цеханова, Прасныша, и чем это кончилось! — Тогда надо отступать? — спросил я, и мне казалось, что только это и остается делать. — Боже упаси! Как можно отступать! Теория доказала, что при отступлении теряешь гораздо больше, нежели при наступлении. — Так что же мы будем делать? — почти с отчаянием спросил я: — ни стоять, ни отступать, ни наступать мы не можем — что же осталось делать? — Не знаю (отвечал Палицын), но есть очень хорошие, прекрасные мысли»...

«Я чувствую, — прибавляет А. Романов, — что голова кружится, что мысли заплетаются в страшный узел, где ни логика, ни сила воли, ни разум не в силах помочь[2])...»

Но в некоторых случаях «ставка» решалась принять все-таки твердое решение, и иногда шла вразрез не только

[1]) А. А. Поливанов. «Мемуары». Под ред. А. М. Зайончковского. С предисловием М. Павловича. М. 1924 г., стр. 175.

[2]) Стр. 49 — 50.

с желаниями союзников, но и с волею самого Николая Романова. И в таких случаях русскому царю оставалось только бессильно недоумевать, а министру иностранных дел Сазонову изливать свои жалобы в интимных беседах с разными великими княгинями. Так, во время обеда «у мама̀» Андрея, Марии Павловны, Сазонов жаловался, что начальник штаба Янушкевич «позволяет себе совершенно невероятные вещи». И вот пример:

«Когда союзники решили вести операцию на Галлиполийском полуострове, — рассказывал Сазонов, — то они попросили и нас принять участие в этой экспедиции. Это являлось не только помощью им, но и имело значение в случае взятия Константинополя, где мы должны воспользоваться наибольшими результатами. После сношения со штабом верховного, в Одессе был собран корпус ген. Ирманова. Я даже получил от штаба список всего командного состава и передал союзникам, что экспедиционный корпус готов и на-днях выступит. Через некоторое время я случайно узнаю, что этот корпус двинут в Галицию. На докладе у государя я ему передал об этом, и он мне сказал, что сам об этом лишь случайно узнал от в. к. Георгия Михайловича, которого он назначил шефом одного из пластунских батальонов, входящих в состав этого корпуса. Георгий Михайлович хотел видеть свой батальон в Одессе, но получил ответ, что батальон отбыл с корпусом в Галицию. Вы можете себе представить, — жаловался Сазонов, — мое положение в отношении послов союзных держав. Ведь надо принять во внимание, что этот корпус был назначен по повелению государя, и вдруг его увезли в Галицию, не предупредив государя. Его величество мне только ответил, что все войска переданы верховному, и трудно вмешиваться в его распоряжения».

Столь же характерен и другой случай из области самостоятельной политики ставки. Это касается вопроса о Персии, где русская политика терпела неудачи. Для того, чтобы поправить положение, Николай II (очевидно, по совету Сазонова, который об этом рассказывал) «признал необходимым» послать в чужую страну «карательную экспедицию», полагая, что именно таким путем «можно восстановить престиж (!) России и навести порядок в стране, где царит хаос». Янушкевич в ответ на это распоряжение сообщил, что «дивизия послана не будет»[1]).

[1]) Стр. 68.

Конечно, ни в. к. Николай, ни Янушкевич не руководствовались при этом решении тем соображением, что вообще нельзя в чужую страну посылать «карательные экспедиции», но, вероятно, они просто не желали растрачивать воинскую силу на безнадежную операцию.

До каких пределов доходило в это время поползновение «ставки», руководимой в. к. Николаем, на государственную власть, видно, помимо уже приведенных примеров, также из того факта, что «ставка», — как сообщает А. Романов, — без всякого ведома центральной власти заказала в Америке шрапнелей на колоссальную сумму в 400 миллионов рублей, — и министр финансов получил простое предписание «ставки» произвести к 1 января 1916 г. эту уплату.

Во всяком случае, такие эпизоды показывают, что прогнивший государственный аппарат, под влиянием войны, стал раскалываться на две части: во главе одной становилась «ставка», в другой — оставалось «Царское Село». Влияние ставки росло и упрочивалось, тем более, что и русская буржуазия и русские помещики, непосредственно заинтересованные в войне, тяготели к той «твердой власти», которая вырисовывалась в ставке и, казалось, более успешно обеспечивала интересы войны.

В конце концов, Г. Распутин уверил Николая и Александру Романовых, что усиливающееся влияние в. к. Николая создает опасность свержения Николая-царя. Вследствие этого в. к. Николай был смещен с должности, и направляющую роль в государственном аппарате с этого времени стали играть сам Распутин, А. Ф. Романова и стоявшие за ними дельцы.

Обрисовывая некоторые моменты деятельности ставки, Андрей Романов дает часто характеристику различных военных деятелей. К этим характеристикам следует однако отнестись чрезвычайно осторожно.

Надо заметить, что, скрываясь в тылу и занимаясь кутежами, различные великие князья (в том числе и Андрей) старались по мере своих сил содействовать усилению кровавой интенсивности войны. Дешевенькое ура-патриотическое настроение этих людей, как и всего того высшего помещичьего класса, плотью от плоти которого они были, требовало наступлений везде и всегда, требовало тех бесчисленных жертв, которые русский народ должен был нести ради интересов помещиков. И народ должен был их нести, между прочим и потому, что

«гром победы», казалось, мог быть некоторым громоотводом от той грозы, которая зрела над головой русской монархии.

С этой мнимо-патриотической точки зрения обычно оценивает Андрей Романов и действия тех генералов, которые стояли во главе русской армии; конечно, все эти оценки А. Романов не сам придумал: он лишь отражает общее мнение того правящего круга, к которому сам принадлежал. Вот, например, как горько жалуется А. Романов на генерала Алексеева:

«За последнее время, — записывает А. Романов в дневнике 9 июля, — ген. Алексеев проникся идеей отступления и ни о каких бы то ни было попытках не только наступления, но даже о контр-атаках слышать не желает» [1]).

Эти господа толковали о наступлении, и толковали как раз тогда, когда русская армия была, в смысле недостатка снарядов, в три раза слабее, чем в начале войны. Об этом сам Николай Романов писал жене 23 июля 1915 г.: этот недостаток снарядов, — сообщал он, — «кладет предел энергичному движению вперед, ибо через три дня серьезных боев снаряды могут иссякнуть» [2]).

Но, принижая всячески ген. Алексеева, умевшего иногда отстаивать самостоятельность действий русской армии, Андрей Романов, вместе с тем, всеми мерами возвеличивает ген. Рузского, который был сторонником необузданных наступательных тенденций. И так как Рузский стремился к безудержному наступлению, а Алексеев отстаивал тактику более осторожных действий, то первый, в глазах А. Романова, был героем, а второй ничего не стоящей, никчемной личностью.

Таким образом, в дневнике А. Романова имеют значение, конечно, не характеристики, а лишь сообщаемые автором факты, — иногда они говорят сами за себя. Вот, например, что пишет А. Романов, со слов Сазонова, относительно начальника штаба верховного главнокомандующего ген. Янушкевича:

«Янушкевич — низкий, грязный человек, совершенно опутавший Николая Николаевича. Его главное наслаждение копаться в перлюстрациях самого низкого свойства. Когда я у него был, он мне показал дело о шпионаже графини Ностиц, — в деле была вшита фотография графини Ностиц, лежащей в постели в голом виде. Документы, вшитые тоже в деле, указывали, сколько раз ее

---

[1]) Стр. 48.

[2]) «Переписка Н. и А. Романовых», том III, стр. 241.

любовник был у нее. С самодовольным видом он меня спросил, как это мне нравится» [1]).

Таков был, согласно дневнику великого князя, начальник штаба верховного главнокомандующего.

Вообще в дневнике найдется много фактов, ярко характеризующих эту высшую военную среду: если начальник штаба «верховного» занимался в это время не стратегическими операциями, а порнографическими картинками, то интересы других высших чинов, — как это наглядно видно из дневника, — были прикованы к получению разных наград, чинов, орденов, а эти ордена приобретались ценой тысяч напрасно загубленных жизней. Борьба мелких самолюбий, грязные интриги, невежество и бездарность проявляются здесь на каждом шагу.

В дневнике Андрея Романова представляют интерес также некоторые отдельные эпизоды, касающиеся крупных событий того времени и некоторых более или менее видных лиц. Так, не лишены интереса сообщения А. Романова относительно дела Сухомлинова:

«Странно, — говорит автор дневника, — что великие князья Александр и Сергей Михайловичи, не стесняясь, называют его (Сухомлинова) открыто преступником. Почему это происходит, — я решительно не знаю. Не кроется ли причина в том, что эта война показала, как плохо наша артиллерия подготовлена в материальном отношении. Не желая, вероятно, чтобы его (т.-е. Сергея Михайловича, заведывавшего всей артиллерией) обвинили в этом, он открыто обвиняет Сухомлинова. Но это совершенно несправедливо. Я знаю документально, что Сухомлинов неоднократно обращал внимание на эти вопросы, но из-за личной неприязни все его благие начинания были парализованы. Вообще,— прибавляет А. Романов,—после войны тут многое, что откроется скорее в пользу Сухомлинова, а не в пользу тех, кто его так открыто обвиняет» [2]).

В «деле» Сухомлинова было много сложных причин, значительно превосходящих вопрос о всяких персональных ответственностях. В недостатке снарядов повинна, конечно, вся система, а не отдельное лицо; с другой стороны, самые размеры мировой бойни превзошли все те планы, на которые могли рассчитывать не только русские, но и австро-германские империа-

[1]) Стр. 69.
[2]) Стр. 32.

листы: недостаток боевого снабжения сильно ощущался в то же время, как в России, так и у них. Но когда перед русской воинствующей «общественностью» стал вопрос о том, что при таких условиях вести войну трудно, то те, кто были заинтересованы в продолжении войны, стали искать виновника неудач, постигавших русскую армию. Этот виновник был найден в лице Сухомлинова.

Из дневника А. Романова видно, что Николай в первое время противился тем преследованиям, которым подвергался Сухомлинов; Николай говорил: «я скорее сам восстану (!) за него, по его не тронут» [1]. Это «восстание», как известно, не состоялось, и самодержавию, преданным слугой которого Сухомлинов был, пришлось выдать его головой этой «общественности», чтобы предохранить себя и перенести вопрос из широкой общей плоскости в узкую сферу виновности отдельного лица. Таким образом, виновник был обнаружен, и именно на нем, а не выше, могли сосредоточиться обвинения буржуазной общественности.

Дневник Андрея Романова к ряду причин, вызвавших это крупнейшее и чрезвычайно характерное для старого режима дело, прибавляет еще одну: это желание в. к. Сергея Михайловича, заведывавшего артиллерией, перенести всю вину с себя на военного министра. И этот мотив, надо думать, действительно имел свои основания. Автор дневника приводит, между прочим, характерный пример, как в ноябре 1914 г., когда из армии уже сыпались требования снарядов, главное артиллерийское управление отвечало, что «надобности в снарядах не встречается» [2].

Можно заметить, что позднее А. Ф. Романова, добиваясь, в виду изменения отношения к Сухомлинову Распутина, освобождения подсудимого, в письмах к Николаю ссылалась и на это мнение Андрея Романова:

«В сущности, — писала А. Ф. Романова, — он (Сухомлинов) там сидит также для того, чтобы спасти Кшесинскую и Сергея Михайловича, и именно из-за этих двух не смеют поставить этот предмет на суд, — даже Андрей Владимирович так выразился Редигеру и Беляеву, хотя он и любовник Кшесинской» [3].

В данном случае надо отдать справедливость Андрею Романову: разделяя с вел. кн. Сергеем права на унаследованную от Нико-

[1] Стр. 32.
[2] Стр. 90.
[3] Письмо от 21 сентября 1916 г.

лая II Кшесинскую (которая, по словам А. Ф. Романовой, брала взятки за артиллерийские заказы [1]), Андрей Романов все-таки нашел возможным указать на более крупного виновника. Впрочем, быть может, это вызывалось не чувством справедливости, — а мотивами ревности.

В связи с делом Сухомлинова стоит и казнь Мясоедова, обвиненного в шпионаже. Дневник А. Романова подтверждает имевшиеся уже и раньше сообщения [2]), что предъявленное Мясоедову обвинение осталось недоказанным.

«К сожалению, — пишет Андрей Романов, — ни следствием, ни судом новых фактов, освещающих это дело, установлено не было. Даже факт сообщения сведений неприятелю остался лишь в гипотезе, — правда, почти несомненной, но лишь гипотезой. Она основана на косвенных уликах» [3]).

Переходя от этих военных дел к другим, отметим, прежде всего, приводимый А. Романовым отзыв о Распутине графа Витте. В дневнике рассказывается, что в 1914 г., перед началом войны, граф Витте выражал взгляд, «что есть лишь один человек, который мог бы помочь в данное время и распутать сложную политическую обстановку», — этим человеком был Распутин. Собеседник Витте выразил изумление, «как может Распутин быть опытным дипломатом, он — человек совершенно неграмотный, ничего не читавший, как может он знать сложную политику и интересы России и взаимоотношения всех стран между собою». На это Витте ответил: «Вы не знаете, какого большого ума этот замечательный человек. Он лучше, нежели кто, знает Россию, ее дух, настроения и исторические стремления. Он знает все каким-то чутьем, но, к сожалению, он теперь удален».

К этому Андрей Романов прибавляет:

«Это мнение гр. С. Ю. Витте о Распутине меня прямо поразило. Я всегда считал и до сих пор считаю С. Ю. за из ряда вон выдающегося человека, какого в России давно не было. Думаю, что многие того же мнения. Но каким образом С. Ю. мог прийти к такому странному выводу в отношении Распутина — остается для меня загадкой. Никогда и никто не говорил об его отношении к Распутину; их имена даже заядлые сплетники не могли сопоставить. Знал ли С. Ю. Распутина - не

[1]) См. «Переписка Н. и А. Романовых», том III, стр. 248.
[2]) М. К. Лемке. «250 дней в царской ставке». 1920 г., стр. 190.
[3]) Стр. 20.

знаю. Врядли. Может быть, в будущем эта загадка и разъяснится, пока же решительно ничего не понимаю. Одно знаю, что С. Ю. словами не шутил. Что хотел он этим сказать?»[1])

Едва ли можно сомневаться в том, что Витте иронизировал в своих отзывах о Распутине: Витте, удаленный от дел, досадовал на свое положение и хотел, конечно, намекнуть своему собеседнику именно на то, что теперь, в самое ответственное время, такие люди, как он, Витте, остаются в тени, а к власти пробираются разные проходимцы.

Можно также, отвечая на недоумение автора дневника, указать, что Витте находился в сношениях с Распутиным и даже пытался при его помощи вернуться из отставки к власти[2]). Но в своих мемуарах Витте умолчал об этом обстоятельстве и отзывается о Распутине вполне пренебрежительно.

Впрочем, если бы даже понять приведенное мнение Витте о Распутине в буквальном смысле, то и в этом могла бы быть некоторая доля истины: конечно, никакой «политической обстановки» Распутин распутать бы не мог, так как это совершенно не зависело от воли отдельного лица; но подать Романовым умный совет Распутин имел полную возможность и, между прочим, потому, что он в 1914 г., при начале конфликта с Австрией, высказывался против войны[3]). Витте также относился отрицательно к перспективам войны с Германией. Вследствие этого как Витте, так и Распутин причислялись к «германофильской» партии; так именно смотрел на гр. Витте хотя бы английский посол в России Бьюкенен[4]), смешивая, конечно, в этом случае «германофильство» с тем пацифистским течением, которое существовало как в России, так и у «союзников».

[1]) Стр. 87.

[2]) См. «Воспоминания» А. П. Извольского, 1924 г., стр. 95; С. П. Белецкий. «Убийство Распутина», 1923 г., стр. 10, 20; «Три последних самодержца». Дневник А. В. Богданович. 1914 г., стр. 475, 499.

[3]) См. «Переписка Н. и А. Романовых», том III, предисловие М. Н. Покровского, стр. XIX. Здесь помещены (в конце книги, приложение III) и телеграммы, в которых Распутин высказывался за мирный исход. — Любопытно кстати отметить, что, согласно заявлениям того же Витте, если Николай II не ввязался еще в балканскую войну (в 1912 г.), то это объясняется только влиянием советов, «продиктованных Распутиным в целях сохранения мира» («Воспоминания А. П. Извольского», стр. 95).

[4]) Джордж Бьюкенен. «Мемуары дипломата». М. 1924 г., стр. 128—129.

В дневнике Андрея Романова приведены, уже по другому вопросу, некоторые беседы с только что упомянутым Бьюкененом. Между прочим, приводится взгляд последнего относительно русской политики на Балканах: Бьюкенен находил, что эта политика «не всегда была особенно тактичной». Это, конечно, сказано очень мягко и дипломатично. Но в данном случае дело не в этом: мы хотели бы отметить только то, какие именно методы рекомендовал сэр Бьюкенен для улучшения этой политики. Вот что пишет об этом Андрей Романов:

«Сэр Дж. Бьюкенен по поводу балканской политики добавил еще одну мелочь, хорошо характеризующую политический облик главных руководителей (Болгарии). Разговор зашел о том, что премьеры Болгарии — далеко не выдающиеся лица и мало проникнуты интересами своей родины. На это Бьюкенен заметил: «не удивительно: мы все их совращали деньгами». Из дальнейшего разговора на эту тему, — пишет А. Романов, — выяснилось, что это довольно обычное явление в политике Англии — платить политическим деятелям, и он лишь сожалел, что мы не делали то же самое. Результаты, по его мнению, были бы блестящи. На мое замечание, что, может быть, и Фердинанду следовало бы дать известную сумму, раз идти таким путем, Бьюкенен ответил, что это было бы очень хорошо...» [1]

Так поучал английский посол русского великого князя. Бьюкенен отлично знал действительность указанного им средства на основании обычной европейской буржуазной практики: яркие примеры этого представляет хотя бы отношение Антанты во время войны к Греции, где посредством соответствующих денежных сумм поддерживалось выгодное для держав «согласия» движение венизелистов. Еще более красноречивые явления в этом отношении дает современная практика Антанты, субсидирующей русских белогвардейцев.

Впрочем, и царское правительство применяло иногда подобный прием: стоит только вспомнить, например, историю произведенного Витте подкупа китайского сановника Ли-Хун-Чанга, чтобы видеть, что в этом отношении царская Россия старалась быть «с веком наравне» [2].

[1]) Стр. 81.

[2]) См. С. Ю. Витте. «Воспоминания», том I, стр. 115 и сл. и ст. Б. А. Романова в журн. «Борьба классов» № 1—2 (1924), с 77 — 126 — «Лихунчангский фонд».

Таково, в общих чертах, то главное, что казалось нам желательным отметить в этом дневнике. На страницах его найдется и ряд других, в том или ином отношении интересных записей. Много, конечно, здесь и балласта: различные подробности из области семейных отношений Романовых, некоторые, имеющие только специальный интерес, сообщения о беседах с различными генералами и т. п. Но мы не сочли возможным делать какие-либо сокращения в этом своеобразном историческом документе. Некоторые разъяснения по второстепенным вопросам даны в примечаниях.

В. Семенников.

ДНЕВНИК А. В. РОМАНОВА.

1915 год.

... В дальнейшем были перехвачены все его письма и телеграммы, и скоро целая группа лиц оказалась замешанной в этом деле [1]). И в ночь с 19 на 20 февраля состоялся арест. Между арестованными оказались две дамы, проживающие по Суворовскому проспекту 25. Они посещались генералами высших сфер, но, конечно, прямой связи у них с делом нет. Одна из этих дам даже бывала довольно часто у м-м Сухомлиновой. Конечно, все это бросило тень на Сухомлинова, который несколько лет тому назад горячо защищал Мясоедова от нападок Гучкова с трибуны Гос. Думы. Он, говорят, подавал в отставку, но она не была принята государем.

Уже в тюрьме Мясоедов написал Сухомлинову письмо, полное упреков, что он теперь его не защищает, и напоминает ему, как в былое время он ему доверял такие вещи, которые не мог доверить своим ближайшим помощникам. Он напоминает, как он ему передал военный договор с Францией в незапечатанном конверте, не доверяя фельдъегерям, и прибавляет при этом, что мог бы тогда воспользоваться этим случаем и снять фотографическую копию с этого договора, но этого не сделал, ценя его доверие.

На суде он себя держал довольно развязно, вначале, повидимому, не предполагая, что дело идет к трагической для него развязке. Никаких объяснений он по делу не дал. Отвергал

[1]) Первые две страницы рукописи вырваны, а потому здесь идет уже продолжение текста. Здесь говорится о деле Мясоедова.

все обвинения и лишь при упоминании фамилии Гольдмана, еврея в Копенгагене, через которого он вел всю переписку, он волновался, путался, а на более определенные вопросы говорил: «можно ли верить жидовским россказням».

Суд длился 14 часов. После прочтения приговора, он в камере пытался покончить с собой проволокой от пенснэ. Когда его выводили на казнь, через два часа после приговора, он сильно упирался. В $2^1/_2$ ночи приговор был приведен в исполнение. Теперь предстоит суд над остальными соучастниками этого прискорбного дела. Перед судом предстанет человек 15 всего.

К сожалению, ни следствием, ни судом новых фактов, освещающих это дело, установлено не было. Даже факт сообщения сведений неприятелю остался лишь в гипотезе, правда, почти несомненной, но лишь гипотезой. Она основана на косвенных уликах.

Теперь вообще обратили внимание на контр-разведку, и, весьма вероятно, работа немецких шпионов у нас будет сильно стеснена, доведена до минимума.

19 апреля.

Мама[1]) мне передала свой разговор с ген.-ад. Безобразовым[2], по поводу Бориса[3]) и меня. Когда он был в ставке верховного главнокомандующего, то Янушкевич ему говорил по поводу моего назначения командиром л. гв. конной артиллерии, что это невозможно, ибо я все время кучу в Варшаве, и такого офицера назначать нельзя. Примерно в том же духе был разговор и про Бориса. Но, кроме того, Безобразов в этом вопросе держался и особого мнения. Он находил, что великому князю вообще не следует командовать полком во время войны. Это стесняет его, как командира корпуса, в назначении полка в то или иное место. Приходится постоянно думать о безопасности командира

[1]) Вел. княгиня Мария Павловна, вдова в. к. Владимира Александровича (брата Александра III).

[2]) Ген.-ад. Безобразов, Владимир Михайлович — командир гвардейского корпуса; в декабре 1915 г. был отстранен, получил затем особый гвардейский отряд, но, после неудачных боев, в которых, вследствие бездарности этого генерала, погибли десятки тысяч жизней, был окончательно смещен в июле 1916 г.

[3]) Борис Владимирович, вел. кн., брат Андрея, занимал позднее должность походного атамана при ставке.

и, в конце концов, страдают и интересы, и дело, и доброе имя Бориса. В виду этого Безобразов полагает, что лучше ему командовать бригадой, нежели полком. Насколько все это верно, пока я не берусь судить.

Теперь Безобразов хотел ехать в ставку и устроить Бориса командиром бригады.

20 апреля.

Дня три я не ходил в оперативное отделение. Зашел сегодня и нашел начальника отделения полковника Далера в весьма мрачном настроении. Главное огорчение всего штаба — это новый генерал-квартирмейстер, ген. М. Пустовойтенко [1]). Он все свое внимание обратил на разные мелочи и душит всех. Смотрит, где какой стол стоит, где кто сидит, в какие часы работают и т. д. — делать ему нечего. Всю штабную работу ведет самолично сам главнокомандующий Алексеев [2]). Все бумаги написаны его рукой. Вследствие этого ни начальник штаба, ни генерал-квартирмейстер не в курсе его распоряжений. Кроме того, начальник штаба природный «Обломов» [3]). Решительно ничего не делает, катается себе верхом и в ус себе не дует. Пока на фронте затишье, все это еще терпимо, но при развитии операций, когда все должны работать дружно, эта аномалия может дать себя почувствовать, и очень скверно.

Относительно ген. Пустовойтенко, за то время, что я его видел, он производит впечатление большого педанта, мелочного человека и весьма ограниченного способностями. Пишу пока лишь «весьма ограниченный», но вскоре придется написать, вероятно, «глуп», или еще что-нибудь хуже. Его предшественник, ген. Бонч-Бруевич [4]) был человек идейный, инициативы, жизненный, а этот ровно ничего. Главная его работа — это не оперативная часть, а мелочи делопроизводства. Завели сложнейшую

[1]) Пустовойтенко, Михаил Саввич — генерал-квартирмейстер штаба северо-западн. фронта, а затем ставки верховного главнокомандующего (при Николае II). Лемке в своей книге «250 дней в царской ставке» также дает отрицательный о нем отзыв (стр. 219).

[2]) Ген. Алексеев был тогда главнокомандующим северо-западного фронта.

[3]) Гулевич, Арсений Анатолиевич; до войны был начальником штаба петерб. военного округа.

[4]) Бонч-Бруевич, Михаил Дмитриевич — бывший начальник штаба сев.-зап.-фронта.

журнальную часть, благодаря чему отправка всех телеграмм затягивается, пока по всем журналам разнесут нумера и т. д. С личным составом сух и пренебрежителен. В результате в штабе, где все работали так дружно, где дело наладилось за время войны, и все были проникнуты доверием друг к другу, теперь идет развал. Канцелярщина поставлена на первое место, суть же дела отодвинута куда-то назад. Все это весьма грустно.

Еще есть один тип, который в штабе мозолит всем глаза; это закадычный друг ген. Алексеева, выгнанный уже раз со службы за весьма темное дело, ген. Борисов [1],—маленького роста, грязный, небритый, нечесаный, засаленный, неряшливый, руку ему давать даже противно. Алексеев его считает великой умницей, а все, что он до сих пор делал, свидетельствует весьма ясно, что это подлец, хам и дурак. Конечно, при чтении такой характеристики, можно подумать, что я впал в крайность. Дай бог, чтобы я ошибся, но пока глубоко уверен, что не ошибаюсь.

Ген. Алексеев окружил себя лицами весьма низкого качества. Это не может, во всяком случае, служить на пользу дела. Но не только их вредное влияние на него важно, но тот тон, то недоверие, которое они вносят в дело вообще.

Штаб нашего фронта отличался с самого начала очень удачным подбором отдельных лиц. Дух товарищества, солидарности царил у нас. Но, какая может быть солидарность или чувство товарищества с таким хамом, как ген. Борисов, или сухим педантом, дураком Пустовойтенко? Это прямо немыслимо. Верховный главнокомандующий [2]) в восторге от Алексеева. Но этот восторг имеет свои причины. Первая причина, что при Алексееве не было крупных операций, вторая же причина это—очковтирательство. Я не берусь осуждать прямо Алексеева в том, что он способен обмануть верховного умышленно. Нет, он скорее человек прямой, честный, но все же слишком большой оптимист.

Когда Алексеев был начальником штаба южного фронта, каждая его телеграмма по сводке дел за день непременно имела хоть одну фразу, где говорилось о колоссальных успехах. И это каждый день. Конечно, в конце концов, слагалось впечатление, что на южном фронте все хорошо. Ген. Рузский, наоборот,

[1]) Борисов, Вячеслав Евстафьевич — был одним из ближайших советников по оперативной части ген. Алексеева.

[2]) В. к. Николай Николаевич.

никогда не писал об успехах. Он излагал факты, предоставляя ставке самой оценивать, без подчеркиваний, то, что было. Теперь Алексеёв привез эту же систему и к нам. Даже верховный, после разговора с Алексеевым, послал государю из Седлеца телеграмму, где передавал свое отличное впечатление, вынесенное им из разговора с Алексеевым. Насколько это не соответствовало обстоятельствам, видно из того, что в это самое время немцы подходили к Либаве и Митаве. Я не знаю, чему тут было радоваться. Откуда у верховного сложилось столь прекрасное впечатление о состоянии нашего фронта? Единственное объяснение нужно искать в искусстве Алексеева излагать дело так, чтобы все казалось прекрасным, даже если бы этого и не было.

Как мы все жалеем ген. Рузского[1]), ох, как его жалеем. Это было всё... человек с гением. Талант у него, несомненно, был большой. Лодзинская и Прасныцская операции будут современем рассматриваться как великие бои, где гений главнокомандующего проявился во-всю. Не оценили его, не поняли гений и скромность Рузского. Это большая потеря и для фронта и для России.

20 апреля.

Вечером я получил от командира гв. корпуса ген.-ад. Безобразова следующую телеграмму:

«Прошу ваше императорское высочество не отказать сообщить о согласии принять вами должность командира лейб-гвардии конной артиллерии. № 6245 (подпись).»

21 апреля.

Я ему ответил:

«6245. Согласен принять должность командира лейб-гвардии конной артиллерии.»

Одновременно я послал другую телеграмму верховному главнокомандующему:

«Ген.-ад. Безобразов запросил меня, согласен ли я принять должность командира лейб-гвардии конной артиллерии. Почитал бы себя счастливым стать во главе своей родной части, ежели с твоей стороны последует на это согласие. А.»

---

[1]) Рузский, Николай Владимирович — командующий III армией, а затем главнокомандующий армиями северо-западн. фронта.

История моего назначения имеет некоторую своеобразность, а потому в двух словах напомню, в чем было дело.

Еще осенью 1913 г., когда я был в St. Moritz'e, мама́ [1]) мне писала, что д. Николаша [2]) был у нее и спрашивал ее мнения относительно моего назначения на эту должность. Я тогда же ответил мама́, что ничего не могу ей ответить, так как считаю, что эти вопросы должны решаться непосредственно между мною и д. Николашей, который мог бы мне об этом сам написать. Ответ мама́ был написан в обиженном тоне, на что я, конечно, поспешил утешить ее, что и в мыслях не имел ее обижать, но что вопросы служебного характера должны следовать своим порядком, а частные переговоры не должны иметь тут места. Весной 1914 г. еще в St. Moritz'e я просил меня уволить от командования батареею по расстроенному здоровью. Через месяц от командира л.-гв. конной артиллерии Н. А. Ораповского я получил письмо, в котором он мне сообщает, что скоро получает новое назначение и спрашивает меня, желаю ли я быть назначенным на его место. Я ему ответил почти как и мама́, что по данному вопросу я отвечать не могу, так как мне никто официально эту должность не предлагал. Затем снова получил от мама́ запрос по тому же делу, и мне пришлось в этот раз ответить отказом. Я не считаю себя в праве, только что отказавшись от командования батареею по расстроенному здоровью, принимать высшую должность. На этом временно вопрос и кончился.

За два дня до мобилизации я был в имении «Беззаботное» у д. Николаши по делу мама́, в предвидении мобилизации, и заявил ему, что в случае войны я готов снова вернуться в строй. Затем уже во время войны я неоднократно видел д. Николашу, и лишь один раз он меня спросил, как мое здоровье. Я в то время страдал головокружением, в чем чистосердечно и сознался ему. После этого от Бориса я узнал, что он понял меня в том смысле, что я не желаю этого назначения.

В январе этого года в Петрограде я был у Сергея Михайловича [3]), который спросил меня, желаю ли я быть назначенным командиром л.-гв. конной артиллерии. Я ему сказал, что если предложат, то не откажусь. Он об этом телеграфировал в ставку, но какой полу-

[1]) Вел. княг. Мария Павловна.

[2]) «Дядя Николаша» т.-е. в. к. Николай Николаевич.

[3]) Сергей Михайлович, вел. кн. — заведывал всей артиллерией.

чился ответ, я не знаю. Слышал, что как будто верховный ему ответил, что сам знает, когда меня назначать или что-то в этом роде. Теперь, на-днях, в Варшаве Безобразов меня тоже об этом спросил. Я ему то же самое ответил, что отказываться не буду, ежели предложат. В воскресение он должен был быть в ставке, и результатом его разговора с верховным и была присланная мне телеграмма.

Теперь жду ответа на обе телеграммы.

21 апреля.

После завтрака, возвращаясь из собрания с Гулевичем домой, мы разговорились. Он мне рассказал про свое столкновение с Безобразовым. Когда он, Гулевич, еще был начальником штаба IX армии, одновременно освободились две вакансии начальника дивизий: 2-й гвардейской и гренадерской. На первую вакансию был представлен Безобразовым ген. Киселевский, а на гренадерскую дивизию Драгомиров[1]. Ген. ад. Иванов[2]) попросил тогда Лечицкого[3]) переменить назначения, а именно дать Драгомирову 2-ю гвардейскую, а Киселевскому гренадерскую[4]). Об этом Гулевич и написал Безобразову с объяснением причин. Безобразов ответил Гулевичу в официальном тоне, несмотря на их дружественное отношение, довольно резко, в том смысле, что он, Гулевич, пользуясь своим положением, протежирует своему другу Драгомирову и игнорирует его, как командира корпуса, через которого всегда шли все назначения по корпусу. С тех пор Безобразов его ругает на каждом шагу и старается при встречах его не замечать.

Гулевич мне еще рассказал про Опатовское дело. Это дело в свое время вызвало много споров и нареканий. Главным образом

[1]) Драгомиров, Влад. Мих., — сперва начальник штаба 3-й армии, затем начальник штаба юго-западн. фронта, командир 8-го армейск. корпуса; был впоследствии отчислен в резерв.

[2]) Иванов, Николай Иудович, — главнокомандующий армиями юго-зап. фронта. Известен своим походом на Петроград для подавления февральской революции.

[3]) Лечицкий, Платон Алексеевич, — командующий IX армией.

[4]) Киселевский, Николай Мих., ген.-л., б. командир л.-гв. Измайловского полка, действительно получил в это время в командование гренадерскую дивизию.

обвиняли самого Гулевича. Но вот что он мне рассказал по этому поводу. Командующий IX армией Лечицкий ничего не смыслит в делах стратегии, но мнит о себе. Когда же возникла мысль об Опатовской операции, то Гулевич предупредил Лечицкого, что из этого выйдет второй Тюренчен [1]). Но Лечицкий настаивал на своем, и дело, как известно, кончилось весьма плохо [2]). Вообще о Лечицком Гулевич невысокого мнения. Характера он прямо невозможного. Груб, резок и невоспитан. Кроме того, у него с Лечицким каждые десять дней были столкновения самого резкого характера. Главным образом это сводилось к тому, что Лечицкий не признавал за Гулевичем предоставленных ему законом прав и упрекал его в умалении его престижа и власти.

Относительно нового ген.-квартирмейстера и ген. Борисова мы сошлись в мнениях, что оба в своем роде не желательны в штабе. Первый — форменный нуль, а второй—зловредный хам. Ему Алексеев поручил дело о пополнении частей, изъяв это из круга ведомства ген. Галкина, который, конечно, очень был обижен. Кроме того, ген. Борисов уже много успел напутать в этом деле и внес много сумятицы. Да, трудно и ожидать от такого человека чего-нибудь путного. Удивительно, что Алексеев, человек безусловно не глупый, притащил таких типов с собой.

22 апреля.

Ген. Гулевич мне рассказывал, что ген. Рузский перед отъездом из армии хотел его непременно представить к производству в полные генералы. Ген. Янушкевич, Данилов (черный) [3]),

[1]) Тюренчен — известная, неудачная для русской армии, битва с японцами 18 апреля 1905 г.

[2]) «Опатовская операция» представляет собою боевую разведку, произведенную во время наступления русских войск на Люблин (в сентябре 1914 г.). Командующий армией ген. Лечицкий, желая выяснить силы противника на левом берегу Вислы, приказал переправиться туда двум стрелковым бригадам и занять оборонительную позицию у г. Опатова, при чем начальнику отряда было предписано держаться до получения распоряжений. Появившиеся превосходные силы противника начали обстрел этих войск из тяжелых орудий и стремились их отрезать. Удалось спастись только остаткам этого отряда, при чем погибло более 3 тысяч человек. Такой результат был следствием требования ген. Лечицкого держаться до получения от него приказаний.

[3]) Данилов, Георгий Никифорович («черный»). — генерал-квартирмейстер при штабе верховного главнокомандующего.

Данилов (рыжий) [1]) все моложе его и уже произведены в полные генералы. Соответственная телеграмма была послана в ставку ген. Янушкевичу. Теперь с Кавказа ген. Рузский написал ему, Гулевичу, что получил ответ от Янушкевича, в котором он ему сообщает, что, хотя он и ценит деятельность ген. Гулевича, но все же не считает себя в праве об этом докладывать верховному. Гулевич, конечно, был очень этим обижен, хотя и старался скрыть это.

Затем еще произошел инцидент с кн. Юрием Трубецким [2]). Он прислал шифрованную телеграмму главнокомандующему, в которой сообщал, что его подчинили ген. Леонтовичу. В виду того, что он старше Леонтовича, он просит это исправить, а ежели нельзя, то просит его отпустить в Петроград. Уже неоднократно писалось, чтоб обращаться по команде. Даже верховный главнокомандующий обратил на это внимание. На эту телеграмму сам главнокомандующий отвечать не пожелал и приказал Гулевичу написать от себя начальнику штаба X армии ген. Попову, что князь Ю. Трубецкой обратился с просьбой уволить его в Петроград, что со стороны главнокомандующего препятствий не встречается, ежели на то последует согласие командующего X армией.

«Конечно, — добавил Гулевич, — Трубецкой будет меня ругать, но что же делать. Ген. Леонтович был назначен старшим, потому что его дивизия была уже на месте, а дивизия Трубецкого лишь подтягивалась. Кроме того, все это лишь временно. Всем кавалерийским корпусом будет командовать ген. Орановский, который пока еще в пути. Конечно, поступок князя Трубецкого антидисциплинарный, ибо обходить инстанции — вещь недопустимая. Но, считаясь с его связями, ген. Алексеев лично не желал в это дело вмешиваться. Политика!

Ген. Пустовойтенко тоже подъехал, кажется, к Гулевичу; очень уж он мелочен.

22 апреля.

Сведения с нашего фронта удовлетворительны. Из Риго-Шавельского района получено два достоверных донесения. Первое достоверное донесение утверждает, что там два германских кор-

[1]) Данилов, Ник. Алекс. («рыжий») — начальник снабжений зап. фронта.
[2]) Трубецкой, кн. Юрий Иван., ген.-лейт., начальник царского конвоя

пуса. Второе достоверное донесение утверждает, что ровно ничего там нет. Кавалерия два дня стоит на месте. Боевых столкновений нет. С южного фронта — неважно. В одном месте был прорыв нашего расположения. Пришлось бросить окопы. Отошли верст на 15 вглубь, а по фронту верст 40.

Много пишут в газетах про выступление Италии, даже писали о состоявшемся письменном соглашении между Италией и державами тройственного согласия. Сегодня из Италии было опровержение относительно этого соглашения. Когда верховный был у нас, то штаб его, под большим секретом, говорил, что выступление Италии—вопрос решенный [1]). Но что-то до сих пор не видать движения на Галлиполийском полуострове. Десант союзников успешно утвердился и подвигается вперед. Флот продолжает бомбардировку.

Вчера я передал ген. Данилову проект, который пришел мне в голову. Не знаю, хорошо ли, дурно ли и выйдет ли вообще из этого что-нибудь или нет, сказать трудно. Суть проекта заключается вот в чем. За все время войны все штабные должности награждались орденами без мечей. Конечно, те, что не были в бою, на мечи не претендовали, но вообще предпочитали лучше вовсе ничего не получать, нежели орден, который ничем не отличается от того, который получается в мирное время. Особенно ярко ненормальность этого бросалась в глаза, когда наш ген.-квартирмейстер получил Владимира 3-й ст. без мечей за успех на фронте. Ведь в будущем, после войны, никто не разберет, за что именно этот орден был дан. Сестрам милосердия дают медали за усердие. Ведь это тоже ничего не говорит. Такую же медаль можно получить и в мирное время. Вот я и предложил, чтобы на орденах и медалях, жалуемых во время войны лицам, работающим на театре военных действий, было сделано отличие. Для крестов это отличие заключается в добавлении на эмали надписи «за войну», подобно той надписи «за 25 лет», как это установлено на ордене св. Владимира 4-й ст. Для медали же это отличие заключается в добавлении на ленте металлической дощечки с той же надписью «за войну». По крайней мере всякий будет знать, что этот орден или медаль пожалован за работу или службу на театре военных действий. Ген. Данилову этот

[1]) Тайный договор «союзников» с Италией, привлекавший ее к участию в войне, был заключен 13-го апреля (26-го апреля н. ст.) 1915 г.

проект понравился, и он его взял у меня и сказал, что доложит об этом главнокомандующему. Я же хотел лично переслать этот проект в ставку, но предоставил Данилову пока инициативу.

24 апреля.

В периоды больших напряжений, подобных тем, которые мы переживаем теперь, всегда наступает тот момент, когда у некоторых лиц нервы не выдерживают длительного напряжения. Наступает временно упадок, во время которого все кажется в черном цвете. Такие колебания за эту войну я видел часто. Особенно резко это заметно в Петрограде. Но и здесь это случается. Не в том размере, конечно, но все же есть. В данный момент именно заметен у многих упадок духа. Как это обыкновенно случается, начинают искать жертв для своих выпадов. Это очень удобно, не требует доказательств и производит на глупых и малодушных всегда огромное впечатление, как будто и в самом деле тут есть истина и что эта истина и есть причина тех неудач, которые всегда бывают на войне. Из нескольких фактов я отмечу следующий. Граф Адам Замойский [1]), состоящий ныне ординарцем у верховного главнокомандующего, известен был тем, что ругательски ругал черного Данилова. Теперь же вдруг он стал его превозносить. Напившись однажды в охотничьем клубе, он поведал, почему стал его хвалить. По мнению графа Ад. Замойского, после войны безусловно будет революция, которая отберет все земли у помещиков. Во главе этого аграрного движения станет Данилов-черный, а потому и надо быть с ним в хороших отношениях: авось он земли не отберет.

Мысли безусловно дикие. Но я прибавлю — и вредные. Ведь естественно, раз лицо, близко стоящее к штабу верховного, так откровенно повествует о будущем и распределяет роли в аграрном движении так щедро, у многих невольно зародится мысль, что ведь может быть это и правда. И пойдут ходить сплетни, толки, пересуды. Вред нанесен. Дух уныния, сомнения посеян. А в эти времена нет хуже этой внутренней критики, всегда так

[1]) Гр. Ад. Замойский — бывший церемониймейстер «высочайшего двора» поступил добровольцем в ставку и постоянно находился при Николае II (см. о нем Лемке, «250 дней в царской ставке», стр. 155, 532 и др.). Гр. Ад. Замойский — видный деятель польской партии «реалистов», играющий и ныне заметную роль в белогвардейской Польше.

мало обоснованной, но бросающей тень на всех. Насколько корни таких сплетен пускаются глубоко, видно из того, что лицо, передававшее мне о вышеизложенном факте, добавило, что уже давно все говорят, что Данилов-черный — главный революционер. — Почему, — спросил я, — это знают?.. — Да, помилуйте, ведь «всем известно», что он держится принципа «чем хуже, тем лучше», а это лозунг всякого революционера.—Да где же,— заинтересовался я,—этот принцип был проведен Даниловым-черным в жизнь, в чем это проявилось?..—Да очень просто, ответили мне, он систематически губит гвардию, губит единственный оплот царя. —Так вот где таится корень всего. Молва решила, что Данилов-черный систематически губит гвардию, и рядом весьма нелогических выкладок пришла к выводу, что он ясный и определенный революционер. Ох! уж эти психологи и логики. Нахватались слов и не умеют их сопоставить. Играют словами, рассудку вопреки, играют опасным орудием.

Легенда о том, как Данилов-черный систематически губит гвардию, имеет свою историю и весьма к тому интересную [1]) Дело в том, что гвардия понесла большие потери без тех успехов, которые оправдали бы эти потери. Причин к тому в действительности было много. Главным образом, это происходило от неправильно поставленной задачи и не всегда сообразного исполнения. Ответственность брать на себя никто вообще не желает. Всякий считает себя правым, а другого — виновным. Но виновным почти всегда оказывается тот, кто несимпатичен и который не может оправдаться. Вот и выбрали именно Данилова-черного, который несимпатичен и прямого отношения к делу не имеет. Так теперь и заведено. Во всем виноват Данилов-черный [1]). Не правда ли, как это удобно и просто? Но бросим эти сплетни. Привел их лишь для характеристики «атмосферы», как обыкновенно называют ту житейскую грязь, в которой многие любят купаться. Но ежели у досужих лиц есть свое уныние и печаль, то и у Даниловых тоже есть свое уныние. Но это уже серьезное, имеющее несомненно свое основание, изучение которого представляет исторический интерес.

Вопрос, который я хочу затронуть сейчас, касается продовольствия армии.

[1]) См. вступительную статью, стр. 4—5.

Все питание мы получаем из России. Организацию сбора продуктов, необходимых для пропитания миллионной армии, взяли на себя министры. Теперь настал момент, когда количество подаваемых в армию продуктов меньше потребности. На неоднократные требования, настойчивые указания, что это ведет к кризису, министерства отвечают весьма просто: сократите потребление. Пусть лошадь кушает не 20 ф. овса, а 10 и вместо 15 ф. сена 5, или и вовсе может не кушать. То же и с мясом. Я много говорил по этому вопросу с начальником снабжения нашего фронта. Он был в ставке на совещании с министрами и вынес убеждение, что они «перестали уже воевать». Они стоят на той точке зрения, что страна уже дала все, и дальнейшее нажатие на выборку из страны повлечет народное волнение. А это нежелательно. Им было указано, что на первом месте теперь стоит война, а войско без питания воевать не может. Но им, повидимому, дела мало до армии—лишь бы сохранить внутреннее спокойствие.

Дело в том, что реквизиция действительно вызвала много толков, но это произошло, главным образом, от того, что вся тягость этой реквизиции падала на неимущий класс.

Например с мясом. От реквизиции освобожден скот: племенной, производители, метисный и занесенный в список союзов. Естественно, что крестьянский скот ни под одну из этих категорий не подходит. У него отбирают последнюю корову, а у богатых ничего не трогают.

С фуражом иная картина. Много зерна хранится в таких местах, о которых правительство не знает. Спекуляторы, искусственно задерживая его у себя, подымают рыночную цену и пользуются этим для наживы. При правильной регистрации всех продуктов в России этого зла возможно было бы избежать. Пока факт остается фактом. Наш фронт почти не получает овса и сена. Что будет?

29 апреля.

В Царском Селе я представлялся государю по случаю приезда. Разговор коснулся военного министра Сухомлинова и, в связи с этим, Мясоедова. Государь сказал, что Сухомлинов теперь совсем оправился после всех этих неприятностей. По поводу Мясоедова Сухомлинов напомнил за одним докладом всю старую историю с Мясоедовым, как покойный П. А. Столыпин сам ему

рекомендовал Мясоедова для контр-разведки, затем все нападки Гучкова в Думе по этому вопросу. В заключение государь сказал, что он глубоко верит Сухомлинову, что это безусловно честный и порядочный человек. На это я заметил государю, что меня это радует, так как я тоже такого же мнения, но что вообще против Сухомлинова ведется страшная кабала. Все его обвиняют, и это крайне несправедливо, так как он все же много сделал для армии. Я спросил государя, слыхал ли он про эту кабалу. «Кому ты это говоришь, знаю и слишком хорошо, но в обиду его не дам и скорее сам восстану за него, но его не тронут. Завистников у него очень много. Хотели его вмешать в дело Мясоедова, но это им не удастся».

Этот маленький разговор очень характерен. Многие говорили, что сам государь им недоволен и что его скоро сменят, но из этого видно, что это вовсе не так. Напротив, государь за него. Странно, что в. кн. Александр[1]) и Сергей Михайловичи, не стесняясь, называют его открыто преступником. Почему это происходит, я решительно не знаю. Не кроется ли причина в том, что эта война показала, как плохо наша артиллерия подготовлена в материальном отношении. Не желая, вероятно, чтобы его обвиняли в этом, он[2]) открыто обвиняет Сухомлинова. Но это совершенно несправедливо. Я знаю документально, что Сухомлинов неоднократно обращал внимание на эти вопросы, но из-за личной неприязни все его благие начинания были парализованы.

Вообще после войны тут многое, что откроется, скорее в пользу Сухомлинова и не в пользу тех, кто его так открыто обвиняет.

Последние события на театре военных действий развиваются при весьма тяжелых для нас обстоятельствах. Отступление всего южного фронта от важных линий, осада Перемышля — все это весьма грустно. Конечно, решающего значения это не имеет, но все же с такими жертвами и усилиями мы достигли Карпат и Дунайца, а теперь стоим опять на Сане, как осенью. Все пошло на смарку. Слабы наши стратеги. Но нельзя никого винить сейчас. Рано да и трудно учесть все, что происходит.

[1]) Александр Михайлович, вел. кн. — младший брат упоминаемого далее Сергея.

[2]) Т.-е. Сергей Михайлович.

6 мая.

События, протекающие теперь в Италии, несомненно указывают, что Италия выступит за нас.

Министерство Саландры, подавшее в отставку, осталось у власти. Король отставки не принял, и вся Италия приветствовала это бурными сочувственными демонстрациями и оскорблением германского посла. Король в походной форме уже разъезжал по улицам Рима. Не сегодня-завтра мы, вероятно, узнаем о выступлении Италии, а за ней, вероятно, и Румынии, Болгарии и Греции. Это будет крупным поворотом для всей войны.

10 мая.

В 11 ч. 6 м. вечера я выехал из Петрограда через Бологое на Седлец.

11 мая.

Весь день в пути. Днем получил от военного министра ген.-ад. Сухомлинова телеграмму, что 7 мая последовал высочайший приказ о назначении меня командующим л.-гв. конной артиллерией, с оставлением в звании флигель-адъютанта. Итак, сбылось то, что началось 21 апреля, когда я по этому поводу ответил ген. Безобразову и телеграфировал верховному главнокомандующему.

12 мая.

В 4 ч. 7 м. я прибыл в Седлец и сейчас же пошел к ген. Гулевичу и затем к главнокомандующему. Главным образом возник вопрос, где мне быть, так как часть моя разбросана по всем фронтам. В общем пришли к заключению, что я должен остаться при штабе фронта, и затем должны утвердить штаты моего управления.

Положение на фронте я застал не в том виде, каким оно было при моем отъезде.

На южном начальник штаба фронта ген. Драгомиров сошел с ума и отчислен. Ген. Радко-Дмитриев [1]) за неукрепление своего фронта

[1]) Дмитриев, Радко — болгарский генерал, после объявления войны оставил болгарскую службу, и добровольно участвовал в войне на стороне русских: командовал последовательно 8 армейским корпусом, III армией, 2-м Сибирским корпусом и, наконец, XII армией.

уволен от должности. Оказалось, что несоразмерный отход южного фронта произошел от потери рассудка ген. Драгомировым. который отдавал несуразные распоряжения [1]. На его место назначен командир 4 Сибирского корпуса ген.... [2]). В риго-шавельском районе дела так себе. Хотя и теснят противника, но, в виду его инициативы, он все же мешает развиваться нашим операциям, и наши части с трудом продвигаются вперед. Настроение бодрое у всех. Это очень много. Уныние губит, в особенности в штабах. Гулевича я нашел в отличном расположении духа. Я с ним обедал у ген. Данилова.

В 11 ч. 55 м. вечера я выехал в Ломжу.

15 мая.

Я приехал в Ломжу. Был у ген. Плеве [3]), а затем у ген.-ад. Безобразова. Я его нашел в очень возбужденном состоянии. Ему все кажется, что все преследуют гв. корпус и все делают ему на зло. Трудно проверить все, что он говорил мне. Но сам он так убежден в этом, что пишет неприятные письма в штаб и вызывает этим все новые недоразумения. Поругался с ген. Гулевичем, а теперь и с Янушкевичем, не говоря уже о Плеве, с которым, как он мне лично говорил, он просто ругался по телефону. Верховный очень любит Безобразова и старается всячески смягчить эти выступления. В последний раз он сцепился с Янушкевичем по поводу назначения начальника штаба. Безобразов просил одного, а ему дают другого. В конце концов верховный просил Безобразова не настаивать на своем кандидате и уступить. С тылом и интендантством он тоже ругается. В конечном результате он со всеми переругался. Конечно, все это его нервирует, и он очень устал. За эти дни у него на фронте было спокойно. Почти не было огня. Из Ломжы я уехал в Ораны и Олиту, где смотрел 1-ю, 2-ю и 4-ю батареи. Доехал до Даугше. 16 мая, при обратном проезде, был снова в Ломже и 17 мая вернулся в Седлец.

[1]) В дальнейшем тексте дневника это опровергается в разговоре с ген. Ивановым (запись от 4 июля).

[2]) Фамилия пропущена автором.

[3]) Плеве, П. А. — с начала войны по май 1915 г. командовал V армией

18 мая.

К нам в штаб приехал Ф. Ф. Палицын [1]). Его последовательное пребывание начальником штаба при генерал-инспекторе кавалерии, затем в комиссии государственной обороны и, наконец, начальником генерального штаба достаточно его зарекомендовало как выдающегося в военном деле человека. Сегодня он был у меня, и мы долго с ним разговаривали. Человек очень интересный во всех отношениях. Очень образован, много знает, много видел. С самого начала войны он внимательно следил издали за ходом событий и, как мне говорили, часто писал верховному главнокомандующему свои мнения по разным вопросам текущей войны. Его мнения по поводу некоторых вопросов очень интересны, и я постараюсь их изложить в некотором порядке.

Ф. Ф. был крайне недоволен, что Николаю Николаевичу дали титул «верховного».

«Это не годится,—говорил Ф. Ф. [2]),—нельзя из короны государя вырывать перья и раздавать их направо и налево. Верховный главнокомандующий, верховный эвакуационный, верховный совет — все верховные, один государь — ничего. Подождите, это еще даст свои плоды. Один государь — «верховный», никто не может быть им, кроме него. И к чему это ведет? А вот к чему. Он политикой занимается [3]), к нему министры ездят, — я бы их не принимал, а армией не командует. Я ему говорил это, говорил, что приказчикам он все роздал, а сам больше не хозяин своего дела. Это нельзя, нельзя заниматься политикой и войной. Это не совместимо и добра не будет. Кроме того, у него и органов соответствующих нет. Мольтке писал, и это останется всегда истиной, что стратегия — сама по себе не сложна. Ее формулы просты и немногочисленны. Но нет стратегии без снабжения. Армия должна жить, питаться, ее надо пополнять, снабжать, она должна все иметь — тогда и даст все. Но, чтобы требовать от армии всего, надо и дать ей все. И тот, кто требует, тот должен

[1]) Палицын, Фед. Фед.—до 1914 г. начальник генерального штаба; с начала войны находился на юго-зап. фронте при ген. Иванове; после перевода в. к. Николая Николаевича на Кавказ, состоял заведующим укреплениями кавказского фронта. — В ставке у Николая Николаевича и ген. Алексеева пользовался большим авторитетом.

[2]) Палицын.

[3]) Говорится про в. к. Николая Николаевича.

позаботиться дать ей все. Теперь же верховный ни снабжением, ни тылом не ведает. Не в его руках все эти нити. Он требует наступления, ему говорят — не готово. Это совершенно недопустимо в технике военного дела. Пока он не будет полным хозяином во всем — он ровно ничего. Он и требовать не может, раз не сам дает. Будь все снабжение в его руках, тогда он бы знал нужды армии, чувствовал бы сильнее недостаток в патронах и винтовках.

«Все положение о полевом управлении войск в военное время не выдерживает ни малейшей критики. Было оно составлено наспех. Даже государь утвердил это положение в черновике со всеми изменениями. С 1908 года я работал над этим положением, но потом забыли, и лишь 15 июля вспомнили и 16 июля повергли государю на утверждение. В один день такую работу сделать, конечно, нельзя. Но главный дефект,— это те принципы, которые были поставлены в основу этого положения. Исходной точкой служило то положение, что государь будет верховным. Я имел случай докладывать государю мое мнение по этому вопросу. Государь лично желал всегда быть верховным главнокомандующим. Я высказывался против этого. Первый период войны, при нашей 18-дневной мобилизации и гораздо меньшей у противников, давал им большое над нами преимущество. Мы должны были быть готовыми в первое время к неуспехам, и государю брать на себя сразу ответственность за все немыслимо. В дальнейшем я предполагал, что государь приедет в армию и тогда станет во главе войск. Теперь государь не принял на себя командования армией, и все положение, приуроченное к нему, перешло в. кн. Николаю Николаевичу. Но это ненормальное положение. Николай Николаевич воспринял с этим и весь государственный механизм — это лишь отягчает его положение и умаляет престиж государя. Я высказывал ему мое мнение. Говорил ему, что он ровно ничего не может сделать. Надо мной смеялись, говорили: помилуйте, да он все может. Нет, он не может. Он может меня возвеличить, повесить, но армией командовать при такой организации не может. Он, конечно, это чувствует, но делает героическое усилие, чтобы скрыть то, что думает и чувствует. Раз он мне только сказал: «Да что я могу, ведь кругом меня люди, которых я не знаю». Ему очень тяжело, но выпутаться из создавшегося положения он не имеет возможности и безропотно терпит все эти невзгоды.

А ответственность его огромна. Но трудно ему еще и потому, что командный состав вовсе не подготовлен или подготовлен весьма слабо. Нет ни единства точек зрения, ни единства принципов, приемов, действий и мышлений. Каждый действует, как ему на душу господь бог положит. И наши офицеры генерального штаба вовсе не подготовлены для своей службы. Они больше обращают внимания на оперативную сторону, на стратегию, чертят карты. Поверьте мне, вся эта стратегия пустяки в сравнении с тем, чем они должны были бы больше всего заниматься. А это именно тылы, снабжение, питание армии. Вот где главное на войне. Любой Хлестаков вам разведет какую угодно стратегию, а вот как обеспечить эту операцию, как удовлетворить все разнообразные потребности армии, это не всякий знает да сможет.

«Ренненкампф мне оправдывался по поводу Лодзинской операции [1]). Я ему говорю, этой операции я не знаю, но вот 21 августа прошлого года я бы вас отчислил в 12 ч. времени. «А почему?»— он меня удивленно спросил.—«Да очень просто. Вы стояли у Инстербурга и не обеспечили свой тыл от возможных случайностей, а это и повело к вашему отступлению».—Часто думают, что тылы это второстепенные вещи. Это глубокая ошибка. Плохо организованный тыл часто ведет к катастрофам. При движении вперед это еще не так заметно, но при отступательных движениях плохой тыл делается паническим. Это и было у Ренненкампфа. Да и вся эта операция в Восточной Пруссии была ошибкой. Я писал не раз Николаю Николаевичу об этом. Ведь надо знать эту часть Германии, ее стратегическую подготовку. Это—ловушка, и я был прав. Там погиб сперва Самсонов, затем Ренненкампф и, наконец, Сиверс. Зачем были эти печальные

---

[1]) Под именем Лодзинской операции разумеются бои с германцами с 12—13 ноября 1914 года до 5-го декабря 1914 г. (у Влоцлавска), закончившиеся взятием немцами Лодзи. Операция эта обнаружила крайнюю бесталанность русского командования (командующего I армией ген. Ренненкампфа и главнокомандующего северо-западным фронтом ген. Рузского). Совершенное непонимание ими боевой обстановки привело к тому, что армия Макензена, будучи окружена превосходными силами русских и, по собственным признаниям германцев, находившаяся в критическом положении, не только смогла дважды выйти из окружавшего ее русского «железного кольца», уводя всех своих раненых и артиллерию, но и забрала массу, свыше 75.000, пленных, сотни орудий и пулеметов.

опыты, когда давно всем известно, что туда нельзя ходить. Николай Николаевич мне сам говорил, что он был против этого плана. «Да как же вы допустили? — спросил я его, — раз вы были против: ведь это преступление!» Да и все первоначальное развертывание армии было ошибочно сделано. Ведь самое важное направление — это южное, у Австрии. Там должно развернуться все, там ключ кампании. Когда на р. Бзуре в январе немцы долбили Варшавскую позицию, я писал и Рузскому и Алексееву, что не надо беспокоиться за это направление. Эта демонстрация имеет целью лишь закопать наши войска в траншеи, а главное — они пойдут на фланги, и самый опасный это—южный, на который и надо обратить все внимание. Теперь уже ясно видно, какие усилия они делают у Перемышля.

«Как часто неблагоприятно складываются события, а все в конце концов образуется. Это господь всевышний нас спасает. Он так хочет. Ведь подумайте, что бы было, ежели бы австрийцы сразу же бросили свои войска на нас. Мы бы не успели сосредоточиться, и они могли бы по частям разбить нас. Но они долго не верили, что Россия объявит войну. Они обратили все свое внимание на Сербию, в полной уверенности, что мы не двинемся. Наша мобилизация, как громом, их поразила. Но было уже поздно для них. Они связались с Сербией. И немцы тоже упустили первые дни. В общем мы выгадали 12 дней. Наш противник сделал колоссальную ошибку в этом смысле, а нам дал такое сразу преимущество, которое ничем не исчислить. Они были так ослеплены своей силой, что ни во что не ставили нашу армию и полагали, что с ней можно скоро справиться. Забыли они одно, что Россия велика. Можно армию скорее разбить, чем раздавить Россию. Вот чего они не знали.

«Есть вопрос, который меня очень интересует. Это нравственный элемент в командном составе. Теперь принята система: как неудача, так вон. Так нельзя поступать. Неудача всегда может быть. Надо, наоборот, приласкать такого начальника, ободрить и сказать ему: «дерзай». Тогда люди будут работать. Теперь всякий боится. Смелости нет. Нет той необходимой в военном деле энергии и инициативы. Иванов отрешил Радко-Дмитриева, а может быть Иванов ему в подметки не годится Радко — человек и с именем и с прошлой боевой славой. Нельзя было так с ним поступать. Без того у нас людей мало. Ни одного

кавалерийского начальника хорошего нет. Я все думаю, не следовало ли бы хоть Ренненкампфа взять в кавалерийские начальники, это его сфера».

Кроме того, Ф. Ф. Палицын высказал довольно интересную мысль, а именно, что слава богу, что война началась в 1914 году, а не в 1915. Естественно, что меня заинтересовало, почему это, и вот что он мне поведал.

«В 1915 году должна была начаться, так называемая, большая программа. Эта программа в конец бы расстроила армию. Предполагаемые в ней развертывания потребовали бы около 16 тыс. офицеров. Да откуда было бы их взять сразу? Получилось бы много новых формирований при отсутствии командного состава. Первый проект был проще и, мне кажется, лучше. Надо было сперва довести роты до 250 — 280 и даже 300 человек. Получился бы большой кадр, что в военное время дало бы около 36 новых корпусов. Кроме того, надо было увеличить артиллерию — довести ее до нормы наших противников. К счастью, все это не было сделано, а то было бы очень тяжело. Да, это все вопросы очень сложные, требуют постоянной над ними работы, и только тогда можно быть хоть немного в курсе дела. Военное дело требует большой подготовки, много работы. Вот в Германии, там Мольтке положил твердую основу всем военным вопросам. Там каждый в своей сфере специалист, все говорят на одном языке. У нас все говорят на разных языках. Друг друга не понимают. Ну, я заболтался».

На этом мы расстались. За завтраком, в собрании, мы снова разговорились. Я спросил Ф. Ф., кто такой ген. Борисов и почему он был уволен в отставку. Ф. Ф. Палицын объяснил дело так. Ген. Борисов был ген.-квартирмейстером виленского округа и стал организовывать разведку. Часть этой разведки, в пограничной полосе, он поручил офицерам дивизии ген. Панагута. Это было в 1905 — 1906 году, когда всюду происходили волнения, и жандармские власти искали в войсках, нет ли там зачатков волнений. Вот как-то раз жандармы произвели в одном из полков дивизии Панагута обыск, не предупредив начальника дивизии, который и заявил жандармскому офицеру, что напрасно его не предупредили, так как он мог бы облегчить им их задачу, и добавил: «Да, кроме того, мы работаем для того же дела». Жандармский офицер донес об этом, и разгорелось дело, как мог ген. Панагут знать о том, что ведется разведка и именно этим жандармом.

Так как Папагут был в хороших отношениях с ген. Борисовым, который единственно был в курсе дел разведывательной службы, решили, что ген. Борисов проболтался ген. Папагуту. Кроме того, только что был издан приказ, строго карающий за болтливость. Вот и решили обоих, как ген. Борисова, так и Папагута, уволить в отставку. Ф. Ф. Палицын находил, что это гнусная несправедливость.

Про ген. Борисова Ф. Ф. отзывался, как про человека с большой эрудицией, хорошего работника и знающего, но добавил, что верхи считают его идиотом, что, по мнению Ф. Ф., совершенно не соответствует истине. Ген. Борисов далеко не идиот.

Между прочим, Ф. Ф. привел разговор Борисова с Николаем Михайловичем [1]) в Холме. Разговор зашел о кухаркиных сыновьях. Ген. Борисов на это заметил Николаю Михайловичу, что встарину князья шли впереди и первые рубились, а в образовавшуюся брешь лезли кухаркины сыновья. Теперь же кухаркины сыновья впереди. Не знаю, был ли тут скрытый смысл или нет, и по какому именно поводу этот разговор состоялся.

18 мая.

Сегодня ночью на южном фронте начнется общее наступление. Положение там за последнее время упрочилось, но надо оттеснить неприятеля от Сана. Наступление поведут все армии одновременно. Завтра напишу, как все будет. Теперь Италия выступила с нами. Общий восторг, перемешанный с уважением к Италии, переполнил все сердца. Не столько здесь учитывается материальная сторона дела, сколько именно нравственная— присоединение еще одной нации к общему делу. Насколько Италия возвысилась в глазах всех, настолько пал престиж Болгарии. Это единственная славянская страна, которая не присоединилась к общему делу. Трудно будет Болгарии в будущем надеяться снова занять место между странами, борющимися против германизма. Еще немного времени, и она своим молчанием покроет себя позорным клеймом изменника славянскому делу. Этого ей не простят — не только мы, славяне, но и остальные союзники. Борьба с Германией стала общим делом, даже общей обязанностью всякого уважающего себя. Очередь за Румынией.

[1]) Николай Михайлович, вел. князь.

и Грецией. Некоторое движение в Румынии было заметно после выступления Италии, но, вероятно, задержка в выступлении Румынии связана с Болгарией. Пока эти страны не сговорятся — им отдельно друг от друга выступить трудно.

Как наша дипломатия виновна в балканском вопросе! Не сделай она в 1912 г. роковых ошибок [1]), и Румыния, и Болгария, и Греция выступили бы заодно с нами. Наши дипломаты умудрились всех перессорить, всякому нанести национальную обиду. Сперва отогнали сербов от Скутари под угрозой посылки даже русского судна. Идея посылки андреевского флага [2]) в помощь Албании, т.-е. Австрии, против сербов, сама по себе чудовищна. Затем, когда болгары хотели взять Константинополь, опять наша дипломатия вмешалась и не пустила их туда. Ведь как Скутари, так и Константинополь были естественными выходами для славянства к морю — их историческое стремление. И на пути к этому их главным врагом явился не кто иной, как именно Россия, в угоду Австрии. Этого, конечно, славяне не простят России. Не напади Австрия на Сербию и Черногорию, трудно сказать, пришли бы они на помощь или нет. Возможно, что они поступили бы так же, как и Болгария. Теперь все клеймят Болгарию, а все же главный виновник — наша дипломатия. Но это мало кто знает. Я лично надеюсь, что Болгария в конце концов выступит. Лучше поздно, нежели никогда.

Сегодня ровно десять месяцев, что война была объявлена.

19 мая.

По сегодняшним сообщениям с южного фронта, вчера австрийцы вошли в город Перемышль, но были выбиты азовским полком. Вчера на фронте Жирардова от удушливых газов, выбыло из строя около 8.000 человек, при чем доктора полагают, что слава богу, если погибнет не более 25%, а то, пожалуй, и больше. Теперь возникает вопрос, не начать ли и нам применять такие же газы. Уже есть соответствующие изобретения.

20 мая.

Наступление южного фронта в районе Перемышля развивается не так успешно, как то можно было ожидать. Вместо

[1]) Автор говорит о времени балканских войн и о действиях русской дипломатии, связанных с образованием балканского союза (1912—13 гг.).

[2]) Т.-е. флота.

того, чтоб нанести удар в одном месте, было приказано наступать всему фронту одновременно. Принимая во внимание сильно растянутое положение всего фронта, нигде удар не может быть силен и решителен. Всюду получатся мелкие удары. В результате весь южный фронт стоит на том же месте и несет большие потери. Все всё больше и больше убеждаются в гибельности кордонной системы, где мы всюду, но всюду и слабы. Никто почти не спорит, что это плохо, но все же ничего не предпринимают для изменения ее. Ведь 10 месяцев войны дали в этом отношении большую практику. Но так-таки ничего не изменили. Почему это происходит, — понять решительно нельзя. Может быть, история найдет, почему, вопреки всему учению, теории и практике, все же держатся кордонной системы, а не сосредоточения сил там, где желательно нанести врагу удар. Много мешает нам перейти к активности это — недохват в снарядах. У нас на фронте в среднем приходится около 200 патронов на орудие, при суточном поступлении в $2^1/_2$ патрона на орудие. Минимум, что нам нужно, это — 5 патронов в сутки. Тогда еще можно жить, не задаваясь слишком обширными планами. Полное обеспечение составляло бы 7-8 патронов в сутки. Но до такой нормы мы вряд ли дойдем. Общее изготовление патронов равно в месяц 450 т., а во Франции $2^1/_2$ миллиона, т.-е. в 5 раз больше. Много вины падает в этом отношении на наше артиллерийское ведомство, которое мало проявляет в этом отошении энергии. Они всех критикуют, а сами ничего не делают.

26 мая.

Петроград. Сегодня я заехал к Д. Д. Кузьмину-Караваеву [1]) и лично от него узнал, что 24 мая он уже уволен от должности начальника главного артиллерийского управления. Он был очень удручен этим и, видимо, переживал тяжелые минуты. Его заместителем назначен ген. Маниковский [2]).

---

[1]) Кузьмин-Караваев, Д. Д. — начальник главного артиллерийского управления, отстраненный от должности 27 мая 1915 г. по обвинению в недостаточном боевом снабжении армии.

[2]) Маниковский, А. А. — 27 мая 1915 г. назначен начальником главного артиллерийского управления, автор книги «Боевое снабжение русской армии в войну 1914 — 1918 гг.» (Москва 1920 г.).

Беседуя по разным вопросам, я узнал от него много интересного, закулисного. Меня лично интересовал вопрос, почему было учреждено особое совещание по артиллерийскому снабжению армии под председательством Сергея Михайловича. Оказалось, что идея этого совещания принадлежит ставке, и первоначально председателем был назначен ген. Маниковский. Когда Сергей Михайлович узнал об этом, то обиделся, что не его назначили председателем. Ставка тогда прислала князя Леонтия Шаховского узнать, как здоровье Сергея Михайловича, и хотя он был еще болен, но, вероятно, желание занять эту должность побудило его настоять на своем, и он был назначен на эту должность, а ген. Маниковский ему в помощники. Теперь, недавно, Сергей Михайлович был в ставке и остался очень доволен, но, как видно, им остались менее довольны. После него туда же поехал председатель Государственной Думы Родзянко и вернулся с большими полномочиями. В результате теперь организовано новое совещание под председательством военного министра, а старое ликвидировано. Таким образом, слухи об устранении Сергея Михайловича от должности председателя особого совещания оправдались. Все это было сделано после его отъезда в Севастополь, куда он поехал лечиться.

Вмешательство Родзянко в это дело имеет свою историю. Дума постоянно указывала на неудовлетворительное состояние главного артиллерийского управления. Рутинное и канцелярское отношение к делу в такое время не могло, конечно, возбудить большого доверия к деятельности гл. артил. упр. С другой стороны, Сергей Михайлович взялся за большое дело, будучи еще больным, лишенный возможности двигаться. Все это казалось для многих не вполне правильным. Малая производительность наших заводов тормозила подачу в достаточном количестве снарядов и патронов, что возбуждало постоянные нарекания.

Изменение нынешнего порядка снабжения армии, с изъятием этого дела из артиллерийского ведомства, имеет скорее целью удовлетворить общественное мнение с привлечением к этому делу общественных сил. С этой точки зрения эту меру следует признать весьма удачной. Результаты мы увидим после.

Через несколько дней я был у военного министра В. А. Сухомлинова. Увольнение Кузьмина-Караваева, как это он сам и думал, было сделано под влиянием Родзянко. В. А.[1] по этому

[1] В. А. Сухомлинов.

поводу ясно указал, что деятельность гл. арт. упр. никого не удовлетворяла. При безусловной честности Кузьмина-Караваева, он был не живой деятель и слишком по-канцелярски относился к своим обязанностям. В такое время, когда нужно напрячь все, он оказался неспособен. Относительно Сергея Михайловича В. А. был очень скептического мнения. Взявшись за огромное дело снабжения, он оказался не на высоте этого положения. Тормозил массу заказов и так неумело вел это дело, что фельдмаршал Френч отказался иметь с ним дело. Сам же Сергей Михайлович открыто обвинял всех во взяточничестве, и в особенности самого военного министра, который, кроме того, по его словам, мешал ему на каждом шагу. Теперь все дело снабжения армий боевыми припасами передано в другую комиссию с представителями Государственного Совета и Думы. Но брошенное Сергеем Михайловичем обвинение во взяточничестве дало свои плоды, хотя и неожиданные для него самого. А именно,—теперь его стали обвинять во взяточничестве и бездеятельности. Сухомлинов был очень огорчен всеми возводимыми на него обвинениями, но черпал силы в беспредельном доверии к нему государя.

11 июня.

В. А. Сухомлинов уволен от должности военного министра, и на его место назначен Поливанов [1]). Почти одновременное увольнение как его, так и министра внутренних дел Маклакова является уступкой общественному мнению, и с этой точки зрения такая мера вполне оправдывается: когда общественное мнение возбуждено против отдельных лиц, ими надо жертвовать. Государь лично написал Сухомлинову письмо, в столь теплых выражениях, что В. А. был вполне удовлетворен нравственно [2]).

Для дела, возможно, что Поливанов будет хорош, но лично я боюсь, что он поведет опасную политику. Он в былое время очень дружил с Гос. Думой, и на этой почве произошли инциденты не вполне хорошие. Выступление Гучкова памятно

[1]) Поливанов, Алексей Андреевич — начальник главного штаба и помощник военного министра до 1912 г., военный министр – с июня 1915 г. до 15 марта 1916 г.; пользовался популярностью у кадетов и октябристов, был вместе с тем в сношениях с председателем союза русского народа Дубровиным.

[2]) Письмо Николая II приведено в «Мемуарах» А. А. Поливанова. М. 1924 г., стр. 141.

всем. Уже теперь поговаривают, что Кривошеин[1] орудует всем и собирает такой кабинет министров, однотипных и одинаково-мыслящих, который был бы послушным орудием у него в руках. Направление, взятое им, определяется народом, как желание умалить власть государя. Об этом очень открыто говорят почти все.

4 июля.

Ровно. — При моем обратном проезде через Ровно, после посещения 3-й батареи, ген.-ад. Иванов зашел в мой вагон. Наше давнишнее знакомство дало возможность поговорить обо многом и очень откровенно. Меня очень интересовало мнение ген.-ад. Иванова об Алексееве, который был при нем начальником штаба, а теперь главнокомандующий северным фронтом. Вот что по этому поводу он мне сказал:

«Алексеев безусловно работоспособный человек, очень трудолюбивый и знающий, но, как всякий человек, имеет свои недостатки. Главный — это скрытность. Сколько времени он был у меня, и ни разу мне не удалось с ним поговорить, обменяться мнением. Он никогда не выскажет свое мнение прямо, а всякий категорический вопрос считает высказанным ему недоверием и обижается. При этих условиях работать с ним очень было трудно. Теперь, занимая ответственный пост, конечно, ему не перед кем скрывать свое мнение, разве перед самим собой. Он не талантлив и на творчество неспособен, но честный труженик. Вот Драгомиров талантливый человек. С ним работать было легко и приятно. И поговорить можно и высказаться. Зря его верховный погубил. На совещании 24 мая верховный наговорил, скорее накричал на него, потому что он советовал сразу отойти за Сан, когда армия Радко-Дмитриева была потрепана. Конечно, верховного натравили; сцена была очень тяжелая, и она сильно подействовала на Драгомирова. 29 мая его сменили. Я сам тоже хотел уходить, но верховный не пустил. Теперь у меня Саввич[2]). Работать можно, но куда ему до Драгомирова. Неправду говорят, что он был болен. Ничего подобного. Все это выдумки.

---

[1]) Главноуправляющий землеустройством и земледелием.

[2]) Саввич, Сергей Сергеевич — в мае 1915 г. назначен начальником штаба юго-зап. фронта.

«Тяжелое время мы переживаем, но во многом сами виноваты. Сколько раз в своих годовых отчетах я обращал внимание на недостаточный кадр в пехоте и на много других мелочей, которые сказались теперь. Не верили, считали утопией такие мысли. Жаль, что еще в мирное время не была учреждена должность инспектора армии. За последние годы военный министр сделался инспектором армии. Сам создает, сам себя и контролирует. Это ненормально. При этих условиях истину знать нельзя. Личный состав не изучается, его не знают, а теперь приходится знакомиться с командующими армиями. Но это слишком поздно. Что они иногда выкидывают — просто ужас. Лечицкий, упрямый, тупой человек, сколько сгубил напрасно людей. Не понимают своей задачи и выполняют ее иногда прямо безрассудно. Мне приходилось писать им уроки самой элементарной тактики. Это, конечно, поздно, но что же делать, когда и этого не понимают. Подготовка мирного времени была очень слаба и мало обдумана. Людей у нас сколько угодно, но запасы так плохо обучены и офицеров так мало, что пополнением надежным это служить не может. Наш офицерский запас был очень слаб, а без них дело не может иметь успеха. Насколько некоторые вопросы мало обдуманы, может послужить следующий пример. 18 июля объявлена мобилизация. 21 июля я телеграфировал главному интенданту, что необходимо заготовить для армии на зиму теплые вещи. В двадцатых числах октября я получил, наконец, ответ, что теплые вещи полагаются только сибирским войскам. Слава богу, что я успел своей властью заготовить необходимое, а то что же мы бы делали на Карпатах. Другой пример. По мобилизационному плану, Киев должен быть укреплен с мобилизацией, и для этой цели был предназначен ген. .... [1]). Когда я потребовал его командировки в Киев для этой цели, то получил ответ из генерального штаба, что он будет командирован, но не для укрепления Киева, а Перемышля. Это более нежели странный ответ. Это они называли вредной тенденцией. А что же мы теперь делаем? Окапываемся. Да еще и как.

«Вредный человек это ген. Борисов, состоящий у Алексеева. Наши неудачи на Карпатах — это всецело его вина. Недели три Алексеев приставал ко мне с этим планом, я все отклонял его, и теперь стыдно сознаться, но совершенно не могу вспомнить,

[1]) Фамилия не указана автором.

как это я согласился, когда произошел у меня этот перелом и почему. Не нравился мне этот план. Это была идея Борисова, сухого доктринера. Вот и поплатились мы теперь за это. Это он у нас напутал с пополнением. Он много еще может повредить своими необоснованными советами. Но Алексеев слепо ему верит, и его не разубедить.

«Меня удивляет, что вы сказали, будто Алексеев хотел возобновить наступление в Восточную Пруссию. Вначале он был большим сторонником этой операции, но, после последующих неудач, отказался от этого плана, — почему же он снова к нему вернулся? По-моему, причина в том, что, когда Алексеев был на южном фронте, ему казалось, по общему принципу критики, что все не так делается как следует. Вот и хотел, вер ятно, сам делать, но, к счастию, во-время отказался от этой мысли. — Это очень возможно. И ген. Борисов был сторонником наступления на Восточную Пруссию, — возможно, что это его влияние».

Отношения свои со ставкой ген. Иванóв характеризовал очень просто.

— «Ни они меня не понимают, ни я их. Мы говорим на разных языках. Сколько раз я говорил верховному: Раз я не понимаю, то назначьте другого на мое место. — Еще до войны, когда возникал вопрос о главнокомандующих, то я просил меня не назначать, так как я вовсе не подготовлен для такой задачи. Вот теперь, когда мы займем прочное положение, я снова попрошу меня уволить. Наверное, другой лучше меня будет.

«Ну я, кажется, засиделся,—сказал ген. Иванов, допивая свой стакан чая, — не взыщите». — На этом мы расстались. Было уже 12 ч. ночи.

Конечно, приведенный мною разговор с ген. Ивановым есть лишь частица двухчасового разговора. Я отметил лишь главное, что представляло интерес, как мнение опытного и честного служаки. Видно было, что он главного не договаривал, что ему очень трудно вести такое ответственное дело, сознавая всю слабость подготовки вообще военного дела и неспособность командного состава. Кроме того, работать с начальником штаба, которого он не знает, трудно, и обидно за Драгомирова, которого убрали ни за что. Уход Алексеева был скорее облегчением для него. С ним ему было трудно. Странно, что общественное мнение, наоборот, считало почему-то именно Алексеева другом Иванова,

и что работа у них шла дружно. А вот, оказалось совершенно противоположное.

Что Иванов устал физически и нравственно,—это несомненно, и отдохнуть ему хочется. Но это и понятно. Скоро год, что он главнокомандующий. Это нелегкая задача и труд огромный.

Про Рузского он выражался немного скептически, хотя и прибавлял, что критиковать его не может. Откровенность Иванова произвела на меня глубокое впечатление. Такое самосознание редко встречается рядом с искренней скромностью.

9 июля.

Вернувшись после поездки на южный фронт вчера вечером, сегодня утром зашел к ген. Гулевичу. Застал его в ужасном состоянии. За последнее время ген. Алексеев проникся идеею отступления и ни о каких бы то ни было попытках не только наступления, но даже о контр-атаках слышать не желает. Многочисленные просьбы командующих армиями о переходе в наступление оставались без ответа. Вчера Алексеев приказал всем отходить. Отчаяние во многих армиях ужасное. При таком отступлении не только мы несем большие потери, но теряем и тот нравственный элемент, без которого войну вести нельзя. Гулевич указывал Алексееву на эту сторону вопроса, но тот и слышать не желает чужого мнения, а считаться с ним и подавно. Гулевич горько жаловался, что Алексеев его совершенно устраняет от дела, все пишет сам и посылает ему телеграммы на подпись — вещь уже совершенно ненормальная. Работает Алексеев много, очень много, но все копается в мелочах и духа армии не знает, не знает ее нравственной силы и, повидимому, и считаться с нею не желает. Не потому, я думаю, он это делает, что не считаться с ней ему хочется, а просто потому, что существование нравственного элемента армии уставом не предусмотрено и не укладывается в узкие рамки канцелярской души. Гулевич прав, говоря, что как родился Алексеев с мелкой душой, так с ней и остался, и ни на какие порывы, подъемы такая душа уже неспособна. И это на каждом шагу сказывается болезненно. Но знал бы Алексеев, как все это болезненно отзывается на войсках, что они переживают — он мог бы понять; но нет, он все же не поймет. И Иванов прав, что Алексеев на творчество неспособен. Копошиться в бумагах он может и хорошо, но

сквозь эти бумаги жизни, обстановки, настроения не увидит. Все больше и больше жалеют Рузского. Будь он здесь, говорят все, не отступали бы мы теперь, не бросали бы даром такую огромную территорию, не попирали бы в грязь тот дух, коим Россия была всегда крепка. Вот настроение штаба. Неудивительно, что после этого и в армиях настроение падает. Я боюсь одного, что это подавленное настроение может перейти в реакцию и спросят: «Да что вы делаете?!» Что ответят тогда типы в роде Алексеева. Пока есть вера — все держится, но рухни вера—рухнет и все остальное. Не дай бог этому совершиться, но, идя такими путями, как теперь, приведут нас эти господа к этому. Тяжелая создается обстановка. Души нет у этих людей. Русской, великой и сильной. Мелочь все, паюсная икра, как выражался Мережковский.

10 июля.

Зашел ко мне Ф. Ф. Палицын. Разговор с ним оставил на мне тяжелое впечатление, от которого я весь день не мог прийти в себя.

Разговор зашел относительно положения Варшавы, сильно выдвинутого вперед в сравнении с флангами у Люблина-Холма и Нарева. Кирилл [1]), который присутствовал при разговоре, заметил, что тяжело будет бросать Варшаву; на это Ф. Ф. возразил, что стратегия с чувствами не считается, и главная задача есть целость государства. Я спросил Ф. Ф.: — «Что же будет теперь делать главнокомандующий?» — «Не знаю», — ответил Ф. Ф. «А мысли есть?»—спросил я.—«Мысли есть, хорошие, прекрасные мысли»,—ответил Ф. Ф. Но как я ни добивался проникнуть дальше и узнать, какие это хорошие мысли, прекрасные мысли, — так таки ничего не добился. Я обошел вопрос с другой стороны и спросил, что же, мы будем наступать? — «Вот, этого нельзя, надо сохранить живую силу».—«Тогда мы будем стоять?» — «Помилуйте, ведь когда мы стоим, то нас могут бить куда угодно.—При этом Ф. Ф. стэком ударял по сапогу со всех сторон. — Вот стояли мы у Цеханова, Прасныша и чем это кончилось!»—«Тогда надо отступать?» — спросил я, и мне казалось, что только это и остается делать.—«Боже упаси, как можно отступать,—теория доказала, что при отступлении теряешь гораздо больше, нежели при наступле-

[1]) Брат автора, в. кн. Кирилл Владимирович.

ции».—«Так что же мы будем делать?—почти с отчаянием спросил я—ни стоять, ни отступать, ни наступать мы не можем, что же осталось делать?» — «Не знаю, но есть хорошие, прекрасные мысли».—Я чувствовал, что голова кружится, что мысли заплетаются в страшный узел, где ни логика, ни сила воли, ни разум не в силах помочь. Что же это за положение, где ничего делать нельзя, а надо сохранить живую силу, при условии, что ни наступать, ни отступать, ни стоять нельзя. Мне всегда казалось, что армия, двигаясь в одной плоскости, может только наступать, отступать или стоять, и вот оказалось, что нет,— есть еще четвертый способ, доселе неведомый, коим сохраняется живая сила, побеждается враг, и этот способ сокрыт для простого смертного. Все, что мог мне объяснить Ф. Ф., — это, что весь секрет таится в «хороших, прекрасных мыслях». Но как армия выполнит эти хорошие, прекрасные мысли, при условии — ни наступать, ни отступать, ни стоять — я узнать не мог. Чувствуя, что я теряюсь окончательно в заколдованном кругу, а помочь мне выйти из него Ф. Ф. не желал, я спросил его:

— Ф. Ф., а где же нравственный элемент?— Он как-то странно на меня посмотрел, как будто я сказал ужасную глупость, помолчал и, наконец, сказал:

— Нравственный элемент?.. хорошая, прекрасная мысль.

— Вот это вы забыли, забыли, что сила армии не в прекрасных мыслях, а в нравственном элементе, и попирать этот элемент нельзя. Правда, элемент этот уставом не предусмотрен и отпуск от казны его не установлен, но это — сила, которая выполняет все недочеты, и понимать его надо. Вот вы удивляетесь, что армии отступают, а сами виноваты — слишком часто указывали всем, что можно отступать, и посеяли такое недоверие всюду, что это пахнет паникой; по крайней мере, я это видел в Холме, плоды игнорирования нравственного элемента.

— Я виноват? Помилуйте, я лишь смотрю, почти не разговаривая.

— Не вас я виню лично, а под словом «вы» подразумеваю вообще атмосферу вокруг Алексеева.

— Напрасно вы так думаете, у него хорошие, прекрасные мысли.

На этом мы кончили, и когда он ушел, я пришел в ужас. Что же это такое? Кошмар, сон или действительность? Хорошие... прекрасные... мысли звучали весь день в моих ушах.

Вечером у Данилова я узнал от Гулевича, что, в виду прорыва на Нареве, главнокомандующий решил отдать приказ об общем отступлении. Гулевич был в отчаянии. Когда Алексеев его призвал и показал написанную директиву, то Гулевич спросил, почему это решено отступать.

— Не будем об этом говорить с тобой, ты посмотри, нет ли ошибок,—сказал Алексеев.

Гулевич все же не отстал и добился изменения директивы, но на это ушел целый час и, как говорит Гулевич, Алексеев зло на него смотрел. В штабе об этом сейчас же узнали, и ликование было большое.

Во всей создавшейся обстановке есть ненормальности очень крупные. Алексеев никогда не разговаривает с Гулевичем и тем более с ним не советуется. Это прямо противоречит всякой нормальной организации штаба и приличным отношениям. Ген.-квартирмейстер в стратегические вопросы вовсе не вмешивается и лишь ведает канцелярией, заводит массу журналов, штампов и ругает офицеров каждый день. Это тоже вряд ли нормально. Все сосредоточено в руках ген. Борисова, который, не будучи ответственным, орудует как хочет. Это чрезвычайно грязная личность в физическом отношении. В нравственном это еще вопрос. Но остается фактом, что, окружив себя людьми безответственными, Палицыным и Борисовым, и советуясь лишь только с ними, он [1]) создал такое положение, при котором штаб нормально работать не может. По закону Гулевич ответствен, а между тем все телеграммы, исходящие от его имени, пишутся самим Алексеевым, и Гулевич не знает, чем руководствовался Алексеев. Сколько он ни старался его расспрашивать, тот никогда не отвечает. Сумбур создался ужасный, и атмосфера крайне тяжелая. Прав был Иванов, когда он мне говорил, что с Алексеевым трудно работать, так как он никогда не разговаривает, своих мыслей не высказывает и всегда обижен. Работать же одному за всех похвально в смысле выносливости, но для дела это не только не похвально, а просто пагубно, тем более, что работа является результатом советов лиц, не ответственных и весьма плохо осведомленных. Что Палицын и Борисов умудрились напутать за это время—прямо поразительно. Сколько лиц оскорбленных, сколько погубленного времени. Недавно Палицын был

[1]) Говорится об Алексееве.

послан в Ковну и донес, что крепость плохо оборудована и надо построить блокгаузы. Алексеев что-то написал резкое коменданту по этому поводу, и тот донес, что ген. Палицын никуда не ездил, ничего не видал и настаивал на постройке таких блокгаузов, которые давно не существуют и не строятся. Алексеев, конечно, был ужасно недоволен этим донесением коменданта крепости Ковно. Подобный же конфуз вышел и в Бресте, куда ездил Палицын, с незнанием им фортификационного дела. Все это, вместе взятое, создало такую атмосферу вокруг личности ген. Алексеева, что, по-моему, скоро войска перестанут ему верить. Нельзя канцелярским способом одухотворять войска. Да и солдата Алексеев в лицо не видал. Сидя всю жизнь за письменным столом над листом бумаги, живого человека не видишь. Это не есть подготовка для командования. Даже поздороваться на улице с солдатом он не умеет, конфузится, когда ему становятся во фронт. Нет, не знает он, что такое нравственный элемент, что у армии, кроме патронов, должен быть дух, который он обязан поддерживать, не знает он этого и не познает своей чернильной душой и погубит армию прекрасными, хорошими мыслями, погубит в ней душу, веру в свою силу, веру в победу. Вот теперь он твердит, что надо сохранить живую силу армии, но, принимая меры для сохранения этой живой силы, он топчет ее дух, и это, по-моему, есть преступление. Пусть история рассудит все, что я писал, и ежели я ошибся, то буду счастлив.

12 июля. Ставка-Барановичи.

Был у обедни, затем завтракал у верховного. После завтрака он меня неожиданно позвал к себе и спросил про инцидент Безобразова с Лешем. Я ему передал то, что знал и видел, когда был в Холме. Повидимому, большое впечатление произвели на Николашу подробности настроения в Холме, когда гвардия должна была отступить без явных причин. Общее уныние и недоумение в войсках гвардии, конечно, повлияло на Безобразова, и он довольно резко это высказал Лешу [1], но так как приказ об отходе исходил не от Леша, а от Алексеева,

[1] Леш, Леонид Вильгельмович—командовал после Радко-Дмитриева III армией сев.-зап. фронта; приобрел себе горькую известность беспощадным преследованием мирных жителей на пути отступления русской армии.

то Леш и не обиделся, отлично поняв, что Безобразов прав фактически. Но обиделся Алексеев, так как он был виновником отступления, и все, что Безобразов ставил в упрек Лешу, косвенно относилось к Алексееву. Вот он и потребовал отчисления Безобразова. Николаша был прямо в отчаянии. Я ему добавил, что для гвардии это будет, несомненно, тяжелым ударом, ибо он всегда стоял на страже ее традиций. На это Николаша мне сказал: «Кому ты это говоришь?— мне его ужасно жалко, жалко и гвардии, но что же делать, раз главнокомандующий требует его отчисления? Я столько раз спасал Безобразова, умоляя его быть осторожнее, но у него невозможный характер. Я его знаю с 1878 года, и всю свою жизнь он был такой же. Нельзя же допускать, чтобы корпусные командиры выходили из дисциплины. Жаль мне его ужасно». Я заметил Николаше, что Безобразов погиб по вине Алексеева, который все давал армиям указания об отходе,— это и связало руки Лешу в тот день 5 июля. Теперь же переход гвардии уже запоздал. — «Я понимаю, — оборвал меня Николаша, — пойди и поговори подробнее с начальником штаба». Чувствовалось, что Николаша понял то, чего я даже не умел высказать, но не хотел слушать, дабы не ставить меня в глупое положение, и предпочел, чтобы я высказал подробнее это дело Янушкевичу. Мне было ужасно жалко Николашу. Он страдал, понимал, но брать решение в такую минуту ужасно трудно.

От Николаши я пошел к Янушкевичу и вылил ему все это еще подробнее. В общем сводилось к следующему:

1. Инцидент Безобразова с Лешем есть результат массы директив об отступлении, данных Алексеевым, что и породило стремление армии скорее к отходу.

2. Атмосфера кругом Алексеева тяжелая. Роль Борисова очень темная, и его влияние весьма пагубное.

3. Ненормальная работа штаба. Ни начальник штаба ни ген.-квартирмейстер не у дела, и с ними Алексеев даже не разговаривает, занимаясь мелочами, в роде рассортировки по повозкам дивизионного обоза гарнизона крепости Новогеоргиевска.

4. Полное непонимание нравственных элементов армии. Никогда он [1]) не видал солдата, не знает его настроения и не может его поднять.

[1]) Т.-е. Алексеев.

Янушкевич говорил мне, что многое, о чем я ему говорил, до него уже доходило, и что многое ему, конечно, не нравилось. Присутствие Борисова и Палицына, лиц безответственных, явление не только ненормальное, но и нежелательное. Отстранение начальника штаба даже вредно во всех отношениях, на что он уже обратил внимание при чтении донесений ген. Алексеева, на которых нет подписи начальника штаба.

Я добавил еще Янушкевичу, что этот разговор для меня очень тяжел, и я вовсе не хотел говорить, но верховный потребовал, и я обязан был ему все сказать, как есть, без утайки. Но, повторяю, говорить все это ужасно тяжело, так как это похоже на донос с моей стороны.

Закончил я разговор общим криком всего фронта: «отдайте нам Рузского». Янушкевич изумленно улыбнулся. «Да, — сказал я, — вот до чего довели весь фронт, что крик отчаяния уже вырывается из груди всех».

Днем я зашел к Кириллу [1]), который только что был в Ивангороде и видел Шварца [2]). Шварц получил приказ вывезти все из крепости. Это привело его в такое отчаяние, что он весь бледный, трясся от злобы. Его маленький гарнизон уже геройски дерется, он издал приказ, что ляжет костьми на развалинах крепости, но не сдаст ее врагу, а тут вдруг приказ Алексеева вывезти всю артиллерию и уничтожить крепость. Что скажет Россия, армия — бросать крепость без защиты? Тяжелое настроение создал Алексеев на фронте. Господь ему судья, но губит он дело своей чернильной душой.— «Отдайте нам Рузского,— еще раз сказал я, — пока не поздно».

Вчера перед отъездом Кирилла из Седлеца, к нему пришел морской офицер, состоящий в оперативном отделении штаба, и просил Кирилла от имени всего штаба передать Янушкевичу их ужас перед теми распоряжениями, которые отдает Алексеев по фронту. Кирилл все это передал сегодня Янушкевичу. До какой степени должно быть доведено отчаяние всего штаба, чтоб дерзнуть обратиться к Кириллу в такой форме и с такими словами. Только на краю гибели люди могут дерзнуть на такой шаг,

---

[1]) Кирилл Владимирович, в. кн., брат Андрея — штаб-офицер для поручений при верх. главноком., позже — контр-адмирал, командир гвардейского экипажа.

[2]) Шварц, Александр Владимирович, инженер-генерал, известен обороной крепости Ивангорода, позднее — комендант карской крепости.

который почти равен бунту. В один день выслушал Янушкевич меня и Кирилла. Интересно, какое впечатление это произвело на него, и что он скажет верховному из всего, что слышал. Я лично думаю, что впечатление все это произвело на Янушкевича и, вероятно, это будет иметь последствия. Дай бог, а то прямо ужасно, чем может все это кончиться.

Характерную мелочь, рисующую Алексеева, мне передал Янушкевич.

Возник проект — четвертые батальоны в полках расформировать, дабы увеличить ими кадр остальных трех. Другой проект был: четвертые батальоны передать ополченским дружинам и тем дать им лучший кадр. Но Алексеев выбрал третий путь: из ополченских дружин сформировать дивизии. Штаб верховного указал ему, что это нежелательно, ибо неоткуда взять командный персонал, и что такие части будут слабы духом. Алексеев настоял все же на своем, указывая, что у него будет больше боевых единиц. Но что его чернильная душа не может понять—это, чем же будет такая боевая единица, составленная из плохо обученных ополченцев, крепка, где она возьмет тот дух, который ведет к победе. И вот рациональная мысль штаба верховного атрофирована Алексеевым вопреки здравому смыслу. Не настаивал Янушкевич на своем, зная обидчивость Алексеева,— по крайней мере, так он мне сказал. Вот результат моего посещения ставки. Случайно попал и случайно был вовлечен в такие разговоры, от которых избави господи. И ответственность огромная, и неприятно брать на себя такую роль. Но так как все это было случайно, то, вероятно, это к добру, ибо судьба руководит людьми и направляет их стопы иногда на пользу дела. Это единственное мое утешение во всей этой грустной эпопее.

1 августа. Ставка-Барановичи.

Утром прибыл в ставку, завтракал там, а днем зашел к Янушкевичу.

Я ему предложил проект создания, как в Германии, особого суда по делам шпионажа и государственной измены. Практика показала, что передача подобных дел в полевые суды не выдержала критики. Полевой суд не имеет ни прокурора, ни защитника, ни хорошего судьи. Судьи, взятые из армии, совершенно не могут орудовать со сложным материалом косвенных улик,

и оправдательные приговоры вызвали со стороны штаба верховного ряд резких выговоров составу суда. Это крайне нежелательно в смысле давления на совесть судьи и несправедливо, ибо такому составу суда не под силу разбирать тонкую паутину косвенных улик.

Идея очень понравилась Янушкевичу, и по его поручению я говорил после с военными юристами, состоящими при штабе, которые тоже сочувственно отнеслись к этой мысли и составят доклад по этому поводу.

Второй вопрос касался сформирования запасной батареи для л.-гв. конной артиллерии. Принципиально и на это согласились.

Кончив этот деловой разговор, я спросил, почему приезжал позавчера ген. Рузский. Приезд его оказался связанным с вопросом о формировании нового фронта, северного. Необходимость этого фронта вызвана тем, что Алексеев мало обращает внимания на крайний правый свой фланг и, как видно из разговора с Янушкевичем, неоднократные указания верховного о необходимости обращать внимание на Ригу и оборону Петрограда не имели не только успеха, но и вызвали некоторую обиду у Алексеева. Дабы покончить с этими трениями и обезопасить Петроград, решено создать новый фронт. Но тыловые учреждения сев.-зап. фронта останутся и для северного, но не во фронтах, а в штабе верховного, который и будет объединять все эти действия.

Кроме того, гвардейский корпус будет переведен весь на северный фронт, в резерв верховного главнокомандующего. Кроме того, этим достигается и основная задача приближения гвардии к столице. На это я заметил Янушкевичу, что это подходящий момент объединить все снабжение в штабе верховного. Он был вполне согласен, но указал, что, к сожалению, верховного настроили против Данилова, а он один мог бы занять эту должность. Маврин, южного фронта, не подходящ. На этом мы и расстались.

2 августа. Волковыск.

В 1 ч. я завтракал у ген. Данилова, около ст. Слоним, в имении гр. Пусловского. Я давно не был в штабе фронта, а потому заинтересовался узнать, в каком настроении штаб. По словам Данилова, настроение было одно время очень скверное. Отношения между Алексеевым и Гулевичем обострились до того, что они больше не разговаривают между собой. Кроме того, все действия ген. Алексеева встретили во всем штабе сильную

критику. Этот вопрос наиболее больной. Прав ли Алексеев или нет, теперь трудно сказать, но факт остается, что все потеряли веру в него. Пока что в штабе беда еще не велика, но проникни такое сомнение в армию — и рушится последний моральный устой Алексеева: потеряв веру в него, войска морально выйдут из-под его управления, последствием чего может быть весьма печальная картина. Генерал Данилов, говоря об этом, указал еще на одну черточку, а именно, что ген. Алексеев сам потерял веру в себя. Это весьма возможно, так как это в первый раз в его жизни, что он на самостоятельном посту. Будучи всю свою жизнь штабным, подчиненным лицом, ему не приходилось брать решения на свою голову. Отсутствие тренировки в волевом отношении теперь и сказалось в упадке духа и большом унынии. Ген. Данилов выражал сомнение, чтоб Алексеев воспрянул духом и вышел победителем из создавшегося тяжелого положения. Мешают ему — отсутствие знания дела (таланта разобраться и взять решение) и общее уныние, т.-е. ему все кажется ужасно, все в мрачных красках. Невольно мы вспомнили Н. В. Рузского — вот он бы вышел героем из нынешнего положения. Он все же гений в сравнении с Алексеевым, он может творить, предвидеть события, а не бежит за событиями с опозданиями. Кроме того, в него верили, а вера в военном деле — почти все. Вера в начальника — залог успеха. В общем картина получилась очень печальная, не столько по ходу военных событий, сколько по безнадежности, что Алексеев правильно поведет дело. Ежедневный отход армии влечет за собой и большие потери, изматывает физически войска, подрывает их нравственный дух. По донесениям войскового начальства, войска уже давно вовсе не спали: днем бой, ночью отход и копание траншей. Все эти донесения еще больше нервируют главнокомандующего, но помочь горю он не знает как. К этому вопросу я вернусь ниже.

Теперь перейду к другому разговору с ген. Даниловым. Начали мы говорить про нового военного министра Поливанова. Ген. Данилов давно знает ген. Поливанова и характеризовал его: не выдающихся качеств. Умный, но не талантлив. Безусловный сторонник конституционализма, кивающий налево — все эти свои качества он ярко проявил, когда был помощником военного министра при своих выступлениях в Государственной Думе. Известный инцидент с запросом Гучкова был им подстроен. Он передал Гучкову необходимые для запроса данные

конфиденциального характера, за что и был удален. Конечно, у него осталась затаенная обида, озлобленность, которая ярко блеснула опять же в Думе, когда возбуждался вопрос о следственной комиссии [1]. Он согласился с выраженным Думой желанием об учреждении следственной комиссии, хотя должен был понять, что не время разбираться в дрязгах, когда существование государства находится в опасности! Его постоянная уступчивость перед Думой не есть по-моему случайность, а план действий. Уступая во всем, он неминуемо ведет к приучению Думы быть все более и более требовательной и сбивает Думу с законодательной колеи на чисто контрольную, что не может быть хорошим прецедентом. Ген. Данилов совершенно правильно выразился, что такая уступчивость разожжет аппетит у Думы, и он выразил при этом опасение, что Дума скоро нападет на Сергея Михайловича, обвиняя его в недостатке вооружения и пополнения патронов. Ежели Поливанов и тут уступит, то они потребуют убрать Янушкевича, а за ним будут метить и дальше.

Вспоминая В. А. Сухомлинова, он ставил его выше Поливанова, но совершенно правильно заметил, что Сухомлинова околпачили благодаря его доверчивости и широкой натуре. Но все же он был предан государю так, как Поливанов никогда не будет. И вред, который нанесет делу Поливанов, будет, может быть, едва уловим, но он будет постоянен, и мало-по-малу вред накопится большой, с глубокими корнями.

Далее мы говорили о проекте создания нового фронта. Говорил он почти то же самое, что вчера Янушкевич. Данилов тоже клонит к созданию общего снабжения для всех фронтов, но сомневается в успехе этого предположения: все личности! прибавил он. Ту же фразу сказал мне и Янушкевич вчера — личности. Казалось бы не время говорить о личностях, когда дело надо делать, но вот, повидимому, бывают и иные мнения.

От Данилова я проехал прямо в Волковыск, в штаб фронта, и пошел прямо к Гулевичу. Нашел его очень усталым. Он мне поведал, что теперь, слава богу, отношения его с Алексеевым установились совсем нормальные. Он с ним советуется, делится впечатлениями, одним словом, Гулевич стал начальником штаба. Но до этого отношения обострились до нельзя—почти не разго-

[1] Говорится о так назыв. «Верховной следственной комиссии» (ген. Петрова), образованной 25 июля 1915 г.

варивали между собой. Много способствовал отъезд Палицына и некоторое сокращение Борисова.

Переходя к делам военным, Гулевич обрисовал их такими мрачными красками, что мне прямо жутко стало. Беспрерывные бои в течение почти двух месяцев переутомили армию. Потери достигают 50%. Пополнение не идет вовсе, и ожидать даже скоро невозможно. Патроны на исходе, винтовок нет. Бессонные ночи, постоянное отступление — все это отразилось на устойчивости войск. Из I армии только что телеграфировали, что армия отступает, некоторые части даже так поспешно, что неизвестно, где их остановят. Прорыв первой армии грозит левому флангу — IV, III и XIII армиям, которые стоят впереди Пинских болот и скоро не могут отойти за полным отсутствием там дорог. Лично Гулевич был очень против бросания Вислы между Ивангородом и Варшавой и считал необходимым там оказать неприятелю серьезное сопротивление. Но у Алексеева была одна идея — выровнять фронт назад, чем сокращался весь фронт, но и неприятелю сократили фронт, который выгадал несравненно больше нашего, массируя еще гуще свою артиллерию против наших измученных корпусов. Но как эта картина ни казалась безнадежной, однако, в оперативном отделении были иного мнения. Полковник Далер указал на следующее обстоятельство. Левый фланг фронта III и XIII армий стоит перед Пинскими болотами. Против них почти никого нет. В случае же прорыва I армии, они могут быть заперты в этих болотах, так как своевременно им отойти будет невозможно, за отсутствием дорог. Поэтому следует из III и XIII армий взять все, что можно, и перебросить на север, оставив для охранения болот лишь легкую завесу, и всеми свободными силами обрушиться против главного кулака неприятеля на Ломжинском направлении. Но это предложение никакого успеха не имело, к великому отчаянию всего штаба, который сомневается в успехе дела при данной обстановке. Каждый день фронт отходит верст на 20 — 30 неудержимо. Последняя сейчас надежда на укрепления на линии Белосток — Брест. Но ежели и эту линию не удержат, то XIII армия может очутиться в критическом положении. За ужином разговор вертелся все на том же. Но снова должен отметить, что главное уныние не в тяжелом положении дела, а в том, что все поголовно убеждены, что Алексеев неспособен вести дело и погубит все.

Мечта всех, что Рузский вернется,— вера в него так глубока, так искренна и так захватила всех, без различия чинов и положения, в штабе, что одно уже его возвращение, как электрический ток, пронесется по армии и подымет тот дух, который все падает и падает благодаря тому, что Алексеев не знает об его существовании. Из этих кратких набросков, кажется, достаточно ясно видно, что настроение штаба скверное, что ген. Данилов был прав, говоря, что в штабе что-то неладно. Прав и Янушкевич, который тоже уже сомневался, все ли благополучно в штабе и так ли работает Алексеев, как это следовало бы.

Завтра днем должен приехать верховный и, кажется, Рузский. У всех блеснула надежда, что завтрашний день принесет свои плоды. Дай бог — увидим.

5 августа. Волковыск.

В 2 ч. прибыл верховный с ген. Рузским. Чем кончилось совещание, я еще не знаю. Длилось совещание до 5 час., когда поезд тронулся в обратный путь. Во время совещания я разговорился с ген. М. Д. Бонч-Бруевичем. Он был очень раздражен против всего того, что делалось на нашем фронте. «Приехали они (Алексеев с приспешниками) к нам на фронт,—сказал М. Д.,— с предвзятой уже идеей, что все мы не так делали и делаем, как надо. Когда я хотел доложить новому главнокомандующему по карте все наши линии укреплений, то получил ответ, «мы это сами разберем», а теперь нашу сильнейшую линию обороны у Нарева бросили в 3 часа времени. Висла одна уже представляла такую линию обороны, которую неприятель не так легко бы одолел, и ее бросают. Зачем? Ведь отходы дают в руки неприятеля богатейшие земли, с урожаем, скотом и продовольствием. Мы им отдали чудную базу. Они все мнят себя Наполеонами и думают повторить тот же глубокий отход, забывая, что в те времена все было иначе. И пути сообщений и способ довольствия, да и вся война была другой. Отдавая им такие большие участки, мы их только усиливаем, а вовсе не затягиваем с ослаблением, как это было в 1812 году. Вот Борисова следовало бы убрать, выгнать вон. Это форменный идиот и скверный человек. Он мне как-то говорит: «Вот до того, что меня выгнали со службы, это меня пугало (отставка), а теперь уж не пугает». Ведь вот как обнаглел человек. Все, что мы ни делали при Рузском, они все нашли скверным. Ведь даже передачи фронта не было вовсе. Все

старое они откинули. Все начали снова, все старое ломают. Да и мыслят они уж как-то скверно. Бросая Ковну, они создадут такое положение, выправить которое будет уже очень трудно. Но они и с этим не считаются. Нет такого положения, из которого выйти было бы нельзя, но надо брать решения, решиться на что-нибудь, а не унывать и кричать, что все пропало. Теперь создадут северный фронт ген. Рузского. Фронт этот приобрел в данное время первенствующее значение. Неприятель накапливает силы, и можно ожидать со дня на день удара. Необходимо принять меры и предупредить события, а не ожидать их. Нам необходимо сейчас получить три-четыре корпуса, но ген. Алексеев не хочет их давать из состава XIII армии, которая может очутиться в тяжелом положении, стоя перед Пинскими болотами. Эта армия охраняет совершенно ненужный район, имея против себя лишь слабый заслон противника. Хорошо, что ген. Рузский успел поговорить с верховным и вполне установил твердый взгляд на необходимость создать твердый кулак в северной армии. Иначе Алексеев был уже готов отдать и Ригу, ставя этим Петроград прямо в опасное положение. Он, повидимому, совершенно не понимает обстановки и не отдает себе отчета о важности некоторых районов. У него опасная мания отхода».

На этом кто-то подошел к нам, и разговор прекратился.

Зашел я к Петюше[1]. Я всегда люблю к нему заходить. Он обходительный, милый и добрый и весьма не глупый. Я ему рассказал, какое бодрящее впечатление на всех, кто бывал в ставке, производит верховный и как это отрадно отзывается на нравственном духе всех. «Я это передам брату,—сказал Петюша,— это его порадует и подбодрит. Интересную вещь я подметил, что когда дела идут хорошо, он получает мало телеграмм, но когда тяжело бывает, отовсюду он получает самые трогательные телеграммы, чтобы он не падал духом, что все постоят за родину и т. д.».

Потом мы разговорились о Ф. Ф. Палицыне. Я ему прямо сказал, что Ф. Ф. морально угнетает Алексеева своими прямо паническими взглядами на текущие события. Петюша подтвердил, что он сам слышал такие фразы у Ф. Ф., и когда только в первый раз Ф. Ф. ехал в штаб фронта, то предупредил брата, что из этого ничего не выйдет, что теперь вполне и подтвердилось.

---

[1] Петр Николаевич, вел. кн., брат Николая Николаевича.

Петюша очень интересовался настроением штаба. Я не мог его особенно утешить, но что прямо уже поразило его, это инцидент, происшедший сегодня утром. Приехал повидать Алексеева гродненский губернатор, свиты его величества В. Н. Шебеко. Выходя от главнокомандующего, он подошел встревоженный ко мне и говорит, что главнокомандующий ему только что говорил, что армии все разбиты, бегут, и что все пропало. Как мог Алексеев такую вещь сказать—прямо непонятно, а Петюша сказал, что это даже преступно так говорить. Я заметил Петюше, что это только характеризует общее настроение, которое может роковым образом отразиться на войсках, раз сам главнокомандующий позволяет себе говорить такие вещи. Мы еще немного поговорили о мелочах, и вскоре, было уже 5 ч., поезд верховного тронулся в путь.

Идя обратно в штаб, Алексеев был как-то пришиблен, а Гулевич сиял. Но что произошло на совещании, я так и не знаю. Я только спросил Гулевича, почему Борисов не был зван на совещание. «А есть люди для внутреннего употребления, а есть и для наружного, как с лекарствами», — ответил, ехидно улыбаясь, Гулевич и зашагал по направлению своего дома.

Вечером я узнал от Гулевича часть результата совещания. Создается новый фронт, северный, до Ковны. Главнокомандующий Рузский. Приказ выйдет 17 августа. Гвардия еще остается пока у Бреста и дня через три-четыре перевозится на Вильну. Радкевичу, командующему X армией, послана телеграмма спасать Ковно, но, кажется, поздно. Гарнизон отошел уже за Неман. Ставка переходит в Могилев, вероятно, дня через четыре. Настроение все же очень скверное. Гулевич говорил мне, что верховный удивительно вел заседание. Так просто и разумно говорил, и решения его были преисполнены большого спокойствия. Общее впечатление отрадное.

5 августа. Волковыск.

За эти дни положение на фронте сильно изменилось, и не в нашу пользу. По только что полученной телеграмме, неприятельский флот прорвался в Рижский залив и, ежели эти сведения подтвердятся, то, вероятно, флот начнет бомбардировать Ригу, и войска, стоящие впереди Риги — к Митаве, будут вынуждены отойти от Риги.

Положение Ковны — критическое. Форты заняты, а атака с юга замедлилась. Комендант крепости Григорьев [1]) отрешен и предан полевому суду. Из штаба фронта туда послан военный судья ген. Абдулов и полковник генерального штаба Попов для следствия. По донесениям коменданта Новогеоргиевска, самые лучшие форты № 15 и 16 совершенно разрушены, и вся артиллерия подбита. Гарнизон фортов заперся в бетонных укрытиях. На выручку посланы войска, но, повидимому, прорыв этой линии, большие потери и разрушения на остальных фронтах создают весьма тяжелое положение, чего не скрывает сам комендант.

Как говорил мне Гулевич, огромную роль во всем этом сыграло то обстоятельство, что неприятель захватил автомобиль, в котором ехали крепостные инженеры со всеми самыми подробными планами. Пленные тоже показали, что эти планы во многом им облегчили задачу. На фронте I армии ночью неприятель прорвал линию и перерезал железнодорожное сообщение Белосток—Брест. По показаниям пленных, неприятель несет огромные потери, но и у нас потери существенны. К сожалению, пополнение идет очень медленно. Снарядов нет, винтовок тоже.

На ген. Алексеева жалко смотреть. Он почти не спит и круглые сутки все работает.

Гулевич мне говорил, что Алексеев говорил по телефону с Даниловым: «Я вас умоляю, я прошу, я приказываю»,—говорил Алексеев в отчаянии, что железные дороги не работают как следует, не подвозят необходимых материалов, не вывозят. Закупорка на всех линиях. В особенности закупорен Брест-Литовск. Крепость спешно приводят в оборонительное состояние, нужно туда подвезти боевые припасы и вывезти все излишки. Но так как Брест был плохо оборудован еще южным фронтом, в чем виноват сам Алексеев, когда он был начальником штаба южного фронта, то естественно критическое положение Бреста его изводит

Вера в Алексеева, к сожалению, рушится с каждым днем. Уже начинают открыто об этом говорить, и некоторые предполагают, что ему это стало известно, почему он на всех злится и ни с кем не разговаривает. Вот второй уже день я с ним завтракаю рядом, и ни одного слова он мне не сказал.

[1]) Григорьев, Владимир Николаевич — комендант Ковенской крепости, которую он, во время ее атаки 3 августа 1915 г., трусливо покинул; за это был присужден к лишению всех прав состояния и к 15 годам каторжных работ.

Днем я был у Гулевича, и он мне рассказал свой разговор с Янушкевичем вчера по телефону. Вот, приблизительно, что сказал Янушкевич.

Некоторое время тому назад он получил от председателя Гос. Думы письмо о том, что в Архангельске находится лицо, которое, по дошедшим слухам, следует сменить. На это Янушкевич ему ответил, что по одним слухам судить нельзя и что верховный не согласен сменить указанное лицо, пока Архангельск находится в районе армии. Через некоторое время по высочайшему повелению Архангельск был выделен из района армии, и лицо, на которое указал Родзянко, было сменено. Через некоторое время последовало второе письмо от Родзянко, в котором тот предупреждал Янушкевича, что, вероятно, и ему придется нести ответственность за плохую подготовку армии, так как он был начальником генерального штаба. Письмо было написано на бланке. На это Янушкевич ему ответил, что он не может допустить, чтобы ему писали официальные угрозы, а потому рассматривает это письмо лишь как дружеское предостережение, но считает долгом присовокупить, что он служит его величеству, который один может решить, годен ли он или нет.

Из этого ясно видно, что те слухи, которые циркулировали о том, что Дума хочет подкопаться под Янушкевича, были основательны. Надо надеяться, что верховный не даст Думе вмешаться в его прерогативы и даст им достойный отпор. Путь, по которому пошла Дума, очень опасный и чреват последствиями.

Вчера у Данилова я видел ген. Курлова, которого сменили с должности прибалтийского генерал-губернатора по требованию члена Гос. Думы Годнева, помощника волостного старшины. За что его сменили, никто решительно не знает. Ни Данилов, ни Гулевич, ни, конечно, сам Курлов. Последний совершенно нравственно убит. Он мне лично говорил: «За что меня позорят после 35-летней службы? Хоть бы сказали, что я сделал. Недавно я был у министра внутренних дел князя Щербатова, который мне выразил свое полное удовольствие по поводу моей деятельности».

Жаль бедного Курлова; по словам Гулевича, последние годы он буквально умирал с голода [1]). Его уволили от должности командира отдельного корпуса жандармов после смерти Столыпина.

---

[1]) На самом деле, в это время пресловутый ген. Курлов занимался различными аферами совместно с «тибетским врачом» Бадмаевым.

без пенсии. Теперь снова его уволили, и снова ему грозит полная нищета. Грустно, что правительство так швыряет своими служащими. 35 лет службы, по навету, в грош не ставятся. Ведь какая может быть уверенность у служащего человека, что его в один прекрасный день с грязью не смешают. Не удивительно, после этого, что все стремятся на частную службу, где хоть суд можно найти, и клеймят то правительство, которое ни во что не ставит долголетнюю преданную службу. Ведь всякий дорожит своей честью.

Днем была получена из Новогеоргиевска радио-телеграмма, что положение крепости критическое. Ф. Ф. Палицын мне сказал, что, по его мнению, крепость уже пала.

Возвращаясь из штаба домой, Ф. Ф. Палицын мне говорил, что когда верховный был у нас, ген. Алексеев просил его уволить. «Несчастливая у меня рука», говорит Алексеев. Но кем его заменить теперь? Никого нет. Ф. Ф. был ужасно пессимистичен. Все мы не умеем, все скверно, ничего не можем, людей нет, всюду беспорядок, неурядица. Послушав Ф. Ф., хочется прямо в гроб ложиться.

6 августа. Волковыск.

Сегодня прилетели из Новогеоргиевска 4 летчика. Всего вылетело 9, об остальных сведений пока еще нет. Летчики привезли штандарт и георгиевские кресты. Они сообщили, что неприятеля положили очень большое количество, и крепость дорого стоит им. По радио комендант сообщил, что надежды удержать крепость уже нет. Неприятель обстреливает уже цитадель, которая взрывается и почти уже вся взорвана. Число защитников тает быстро. Гарнизоны фортов 15 и 16 погибли. Почти все орудия нами уже взорваны. По сведениям от летчиков, управление в крепости было твердое, и комендант ген. Бобырь [1]) проявил много мужества. Участь такой первоклассной крепости, как Новогеоргиевск, ясно указывает, что при современной артиллерии крепости держаться не могут. Большинство склонно думать, что крепости с круговой обороной потеряли свое значение, что лучшим типом являются крепости типа Осовца, имеющие лишь один фас, как форты-заставы. Это не мышеловка и, в случае отступления от данной оборонительной

[1]) Бобырь, Ник. Павлов. — комендант Новогеоргиевской крепости; при взятии ее, попал в плен.

линии, их легче эвакуировать и не является стремления их удержать во что бы то ни стало. Последнее стремление всегда требует оставления гарнизоном довольно большого числа защитников, обреченных или на гибель, или же на пассивную роль. Огромная стоимость современных крепостей не оправдывает таких затрат. Вечером я зашел в оперативное отделение. Видел Далера и Сегеркранца. Настроение у них не потеряно, но совершенно не согласны с общими распоряжениями по фронту. По их мнению, все запаздывает. Ни одно событие не было предусмотрено вперед, и все меры принимаются после того, что факт уже совершился. Одно лишь, что удалось провести, это переброска всей XIII армии на север к Вильне, в новый фронт ген. Рузского. У всех вера, что был бы здесь Рузский—ничего подобного бы не произошло. Эта вера в Рузского прямо живет во всех и с такой силой, что, появись он среди нас, его на руках понесли бы. Одно утешение, что он получил северный фронт. Дай бог ему там полного успеха и славы.

7 августа. Волковыск.

Утром пришла последняя радио-телеграмма из Новогеоргиевска, и с тех пор связь с крепостью прекратилась. Последняя телеграмма от начальника радио-телеграфной станции крепости гласила: «Работаем все время под огнем, который все усиливается, и исправляем повреждения. Думаю, исполнили свой долг, просим нас не забывать». Была еще другая телеграмма, которую расшифровать не удалось.

Участь Новогеоргиевской крепости повлияла на решение Алексеева бросить и Брест-Литовск. Верховный согласился с этим мнением, о чем, как говорил мне Гулевич, верховный донес государю, испрашивая, не будет ли других указаний по этому поводу. Сегодня же были посланы телеграммы об эвакуации крепости, что представляет не мало трудностей. За последнее время туда усиленно везли всякие припасы, а теперь все надо везти обратно. Такую массу грузов вывезти не легко и требует много времени. Неприятель же сильно надавливает в направлении Бреста. Донесений точных, что происходит в Рижском заливе, не поступало. Туман мешает наблюдению. Неприятельская эскадра приближалась, тральщики выходили, но что было дальше—неизвестно.

Ставка верховного переезжает сегодня вечером из Барановичей в Могилев. Штаб северо-западного фронта на-днях переезжает в Минск. Положение Ковны остается непонятным. Что там происходит, понять трудно. Часть фортов еще в наших руках, а неприятель на правом берегу Немана.

8 августа. Слоним.

Обедал я у Н. А. Данилова в Слониме. За этим обедом ген. Л. Э. б. Похвиснев рассказывал нам о слухе, который распространился сегодня в Слониме. Я считаю, что этот маленький факт достоин внимания; он покажет, насколько вера народная велика и как крепко она держится, в особенности в эти тяжелые дни. Когда, кажется, все рушится кругом, народ выдвигает свою веру, свои идеалы. Но вот что произошло. К ген. Похвисневу пришел один из его чиновников и передал, что в народе и среди военных говорят, что приехал ген. Рузский и взял Ковну обратно. Из всего этого слуха одно верно, что Рузский действительно был в Волковыске 3 августа, т.-е. пять дней тому назад, и его могли мельком видеть на вокзале. Что Ковно взято обратно, то это не верно. Конечно, неважно, что верно, а что не верно, важно одно, это—вера, слепая вера в Рузского, и не только народа, но и военных, до штабов включительно. Об этом я уже отмечал раньше, теперь лишь отмечаю народную веру. Перед самым приездом верховного в Волковыск распространился слух, что Рузский приезжает, и многие спрашивали, не останется ли он у нас, и видно было, что это не праздный вопрос, а жажда его видеть снова у дела. Известие, что он получает новый фронт, окрылило всех надеждой, что он на севере достигнет успеха, и затем, даст бог, ему подчинят мало-по-малу и остальные армии, сводя южные фронты на второстепенное значение.

12 августа. Царское Село.

У мама̀ обедал министр иностранных дел С. Д. Сазонов. После обеда вот что он нам рассказал.

«Начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Янушкевич позволяет себе совершенно невероятные вещи. При этих условиях вести дела совершенно невозможно. Для примера приведу лишь несколько инцидентов. Когда союзники решили вести операции на Галлиполийском полуострове, то

они просили и нас принять участие в этой экспедиции. Это являлось не только помощью им, но и имело значение в случае взятия Константинополя, где мы должны воспользоваться наибольшими результатами. После сношения с штабом верховного, в Одессе был собран корпус ген. Ирманова. Я даже получил от штаба список всего командного состава и передал союзникам, что экспедиционный корпус готов и на днях выступит. Через некоторое время я случайно узнаю, что этот корпус двинут в Галицию. На докладе у государя я ему передал об этом, и он мне сказал, что сам об этом лишь случайно узнал от великого князя Георгия Михайловича, которого он назначил шефом одного из пластунских батальонов, входящих в состав этого корпуса. Георгий Михайлович хотел видеть свой батальон в Одессе и телеграфировал туда, но получил ответ, что батальон отбыл с корпусом в Галицию. Вы можете себе представить мое положение в отношении послов союзных держав. Ведь надо принять во внимание, что этот корпус был назначен по повелению государя, и вдруг его увезли в Галицию, не предупредив государя. Его величество мне только ответил, что все войска переданы в распоряжение верховного и что трудно вмешиваться в его распоряжения.

«Второй инцидент произошел еще в марте. Министр финансов Барк получил от Янушкевича телеграмму с указанием, что ему надлежит к 1 января 1916 года внести в Америку 400 милл. руб. золотом за заказанные шрапнели. С Барком чуть удар не случился. Ведь 400 милл. руб. зол. составляет $^1/_3$ всего нашего золотого фонда. Не спрося никого, они подписали уже контракты. При таком отношении к финансам страны можно в конец разорить казну. Бедный Барк и до сих пор не отошел от этого удара. Потом он еще себе позволил совершенно недопустимый выход в вопросе о нашем активном выступлении в Персии. Его величество признал необходимым послать одну дивизию в Персию, где дела наши идут очень плохо, и лишь карательной экспедицией можно восстановить престиж России и навести порядок в стране, где царит хаос. В ответ на это Янушкевич сообщил, что дивизия послана не будет. Такое отношение к высочайшей воле совершенно недопустимо, но главное то, что при таких условиях невозможно вести политику. Получается, что две власти действуют одновременно, действуют, взаимно друг друга исключая. С разрешения государя, я написал Янушкевичу, что вопрос

об экспедиции не есть детский лепет, а весьма важный фактор для нашей внешней политики.

«Янушкевич низкий, грязный человек, совершенно опугавший Николая Николаевича. Его главное наслаждение копаться в перлюстрациях самого низкого качества. Когда я у него был, он мне показал дело о шпионаже графини Постиц [1]) и в деле была вшита фотография графини Постиц, лежащей в постели в голом виде. Документы, вшитые тоже в деле, указывали, сколько раз ее любовник (Лола?) был у нее. С самодовольным видом он меня спросил, как это мне нравится. Я ему ответил, что все это вызывает во мне чувство омерзения и гадливости, так как мне решительно нет дела до того, кто любовник графини Постиц и сколько раз он ее употребил. К счастью, всему этому будет положен скоро конец. Государь сам вступит в командование армией. Государь уже давно этого хотел, но долго колебался и, наконец, решился. Он послал в ставку ген. Поливанова передать Николаю Николаевичу, что он назначается наместником Кавказа и что его величество сам вступит в командование. По словам Поливанова, Николай Николаевич осенил себя крестным знамением и сказал: «Слава богу». Он только спросил Поливанова, может ли взять с собой Янушкевича, на что Поливанов ему ответил, что государь ничего против этого иметь не будет. 15 августа должен был выйти указ по этому поводу, но упросили государя отложить это до конца августа. Начальником штаба будет у государя Алексеев, а на его место назначается Эверт [2])».

Сазонов высказал при этом некоторое опасение, что всякая неудача падет на государя и даст повод его критиковать. В виду этого ему хотелось знать мнение Бориса [3]), какое впечатление это произведет на войска. Борис высказался весьма категорично, что это произведет такой огромный эффект

---

[1]) Постиц, Григорий Иванович, граф, ген.-майор свиты — в начале войны был начальником штаба гвардейского корпуса, позднее состоял в распоряжении начальника генерального штаба и военного министра. Его жена — Магдалина Павловна, урожденная Ботон (американка по рождению), была заподозрена «ставкой» в «шпионаже». Об этом деле упоминается в письмах А. Ф. Романовой к Николаю («Переписка», т. III стр. 183, 194).

[2]) Эверт, Алекс. Ермолаевич, главнокомандующий западным фронтом — после назначения Алексеева начальником штаба верховного главнокомандующего.

[3]) Борис Владимирович, вел. кн., брат автора дневника.

на армию, подымет ее нравственный элемент и будет встречено с большим энтузиазмом. При этом он прибавил, что уход Николая Николаевича пройдет совершенно незамеченным. По моему же мнению, уход Николая Николаевича будет замечен. За год войны он все же, несмотря на ряд крупных неудач, пользовался большой популярностью и честно исполнял возложенные на него обязанности, несмотря на многие трудности, на которые ему пришлось натолкнуться. Главное—это состав всего штаба, который не он выбирал, а был ему дан в готовом виде. Этот штаб был причиной больших и вполне обоснованных нареканий всей армии. Штаб работал очень плохо, что является с одной стороны результатом плохого положения о полевом управлении войск в военное время, которое дает совершенно нежизненные рамки деятельности штаба, с другой стороны — плохого подбора личного состава. Все эти дефекты служили большим тормазом для Николая Николаевича и, конечно, могут и впредь быть тем же и для государя. Несомненно, что замена Николая Николаевича другим генералом была бы неудачной, но принятие государем на себя командования армией исключает всякое соревнование или обиду. Я тоже присоединился к мнению Бориса, что впечатление на армию будет огромное, и это имеет, кроме того, еще и другое преимущество, что армия почувствует ближе своего государя, что, при некотором шатании умов, будет иметь свои плоды. И Сазонов должен был согласиться, что существование двоевластия в России вещь не только нежелательная, но прямо вредная, что уже и доказано целым рядом нежелательных инцидентов [1]). Продолжаться такое положение не могло, и положить конец этому можно лишь принятием государем лично командования.

Мое мнение, которое я и высказал Сазонову, заключалось в том, что в день объявления войны была допущена крупная ошибка тем, что Николаю Николаевичу дали титул верховного. Этот титул присущ исключительно государю и никому другому. Тем, что дали этот титул, государь как бы сложил с себя верховное управление армией и флотом, что было не допустимо,

[1]) Надо заметить, что, признавая в этих словах вредность двоевластия, Сазонов, вместе с тем, был одним из восьми министров, обратившихся к Николаю II с просьбою не принимать на себя верховного командования. Подробно весь этот вопрос изложен в «Мемуарах» Поливанова, (гл. V, стр. 236 и сл.).

так как он всегда есть верховный вождь и должен был оставаться таковым. Ежели он не хотел сразу вступать в непосредственное командование, то Николаю Николаевичу следовало бы дать звание главнокомандующего, что исключало бы необходимость государю, как это теперь происходит, самому вступать в должность своего же подчиненного. При правильной постановке этого вопроса сразу, государю нечего бы было вступать в командование армией при той обстановке как теперь, когда приходится особым рескриптом об этом оповещать, а он просто, как верховный вождь, с приездом в штаб принимал бы все управление в свои руки и, в случае отъезда, передавал временно командование другому лицу. Тогда не пришлось бы Николая Николаевича сменять и делать такую ломку всего штаба и столько шуму в деле, которое принципиально не может вызывать ни споров, ни осуждений и могло бы осуществиться в любой момент простым выражением словесно своего желания государем. Ошибка и заключается в том, что с титулом верховного была дана власть государя, что и приходится теперь изменять. Теперь, конечно, трудно без шума привести все в нормальное состояние, так как приходится уничтожить титул верховного, изменить в церквах ектению, т.-е. придавать всему большое значение, подчеркивать то, что не следует подчеркивать, так как государь ничего особенного не делает, а просто хочет делать то, что ему присуще свыше и что не требует никаких пояснительных рескриптов и упоминаний, что в первом рескрипте было сказано, что Николаю Николаевичу вверяется верховное командование армией и флотом, доколе государь сам не примет это командование. Но за старые ошибки приходится теперь расплачиваться. Но я заметил Сазонову, что следовало бы все это обставить уже более аккуратно и не допускать новых ошибок, которые лишь вводят народ в недоумение. Выбор государем Алексеева начальником своего штаба я лично не могу приветствовать по причинам, о которых выше не раз уже писал. По-моему, Рузский был бы единственным кандидатом на эту должность и по личным своим качествам и по всеобщему уважению, которым он пользуется не только в самой армии, но и в России вообще. Кроме того, ежели Алексеев возьмет с собой и ген. Борисова в ставку, то это будет скандалом. К концу разговора Сазонов согласился с нами, что решение государя правильное. Он колебался раньше, потому что в думских сферах это решение было встречено

с большим опасением. Да и сам военный министр Поливанов был против этого, — по крайней мере он это говорил Сазонову. Не безынтересно отметить, что Сазонов нашел большинство Думы настроенным монархически. Это известие меня лично очень порадовало. За последнее время говорили, наоборот, что Дума настроена очень революционно и что смена кабинета лишь доказала им их власть, которую они хотели еще больше расширить. Ежели Сазонов прав, то это следует приветствовать. Что он вряд ли ошибается, можно судить уже по тому, что ему пришлось видеть много членов Думы и говорить с ними — это дало ему возможность непосредственно воспринять впечатление и судить о царящем в Думе настроении.

Нас всех очень интересовал вопрос, кто надоумил государя принять такое решение. Сазонов уверял, и это вполне вероятно, что императрица настаивала на этом. Ей страшно показалось, — и в этом она права,—что государя лишили власти, устранили совершенно от всех дел. Такое положение не могло продолжаться без существенного ущерба для престижа государя, в частности, и для дел государственных вообще. Ежели это правда, что она на этом настояла, то следует признать, что она поступила правильно, благоразумно и в высшей степени государственно. Мне лично кажется, что командование армией принесет и пользу государю лично. Это его успокоит. Он очень мучился удалением от армии, тяготился неведением, что делалось, и чувствовал, что долг ему велит быть при армии. Это выработает у него твердость воли. В мирной обстановке можно медлить и изменять решение, но в военной это недопустимо. Ему придется брать на себя решения сейчас же, без колебаний, и уже твердо держаться раз принятого решения. Близость его к армии вольет в армию много сил нравственных, и армия иначе взглянет на своего царя, который близко принимает участие в ее жизни, а не сидит вдали, в тени блеска временного верховного, или лишь изредка заглядывает в госпитали. Армия, преданная своему царю, есть сила большая во всех отношениях, и опереться на нее государю будет легче после командования ею непосредственно. Армия научится его знать и любить, а царь оценит ближе огромную и беззаветную храбрость своей армии. И вся Россия, я думаю, будет приветствовать решение своего царя и скажут с гордостью, что сам царь стал на защиту своей страны. Все это дает мне полное основание радоваться решению государя.

и я глубоко уверен, что это принесет обильные плоды, не только тепе,ь, но и в далеком будущем, и подымет престиж царя еще выше.

15 августа.

По поводу решения государя принять командование над войсками оказывается, что против этого решения восстали многие во главе с императрицею матерью. Как я уже писал выше, и министры были против этого решения, и в результате государь колеблется. По словам лица вполне верного (С) [1], государь последние дни был очень расстроен. Он стал чувствовать, что все его надувают, верить ему никому нельзя, и не знал, как выбраться из создавшегося положения. Кроме того, известия с войны не могут служить утешением. Верховный к тому же написал ему письмо панического оттенка, что еще больше его расстроило, и он даже плакал.

Сегодня Кирилл [2]) был у Рузского, который прямо в отчаянии от назначения Алексеева начальником штаба при государе. Рузский считает Алексеева виновником всех наших неудач, человеком, неспособным командовать, и кроме того Рузский обвиняет его в том, что он пренебрег всеми нашими стратегическими линиями, оцененными еще при Николае I (Новогеоргиевск, Ивангород, Брест и т. д.). Такое пренебрежение к истории нашей обороны является уже преступным. Теперь же, в оправдание, он уже обвиняет войска в неустойчивости.

Как при этом мне вспомнился мой разговор с Ф. Ф. Палицыным по поводу стратегического отхода наших армий, когда я ему говорил, что злоупотреблять таким способом рисковано, так как это деморализирует войска. Так оно и вышло. Но как предупредить государя, что Алексеев никуда не годен? Даже ежели и сказать ему всю правду, то не поверит. Да и верить ему нам нет оснований. Кирилл говорил мне, что в морском штабе, где есть выдающиеся люди, Алексеева винят во всем. Бывший при штабе сев.-зап. фронта лейтенант флота.... [3]) записал день за днем все, что происходило в штабе. Говорят, этот ценный материал ярко показывает, как неумело вел Алексеев вверенное ему дело и всю его неспособность в военном деле.

---

[1]) Вероятно — С. Д. Сазонов.

[2]) Кирилл Владимирович, в кн., брат автора дневника.

[3]) Фамилия автором пропущена.

Вот на Кавказе Юденич [1]) одержал блестящую победу с втрое меньшими силами. А тут что делается, прямо стыдно!

Есть надежда, что ген. Эверт, который назначен теперь вместо Алексеева, улучшит тяжелое положение, созданное Алексеевым. У него прекрасный начальник штаба Юзефович. Но все же, ежели вдохновителем всего будет Алексеев, то можно себе представить, что он может натворить. Прямо страшно делается. Уж очень прогневили мы бога, что он нас так наказывает, и уж сколько лет подряд.

17 августа. Царское Село.

Я был у мама [2]) и узнал, что вчера Ники [3]) написал министру внутренних дел князю Щербатову письмо с приказанием немедленно уволить ген. Джунковского [4]).

Подъезжая сегодня к Царскому Селу из Петрограда, я его встретил на моторе. Говорили сегодня, что есть надежда, что он не уйдет. Ники велел его уволить с оставлением в свите, — на это Джунковский ответил, что не желает оставаться в свите.

Причина всего этого кроется в Распутине, который мстит Джунковскому за то, что он, при расследовании московского погрома в мае, раскрыл целый ряд неблаговидных поступков Распутина и донес об этом государю. Молва говорит, что Распутин в пьяном виде публично похвалялся, что прогнал Николашку, прогонит обер-прокурора святейшего синода Самарина, Джунковского [5]) и великую княгиню Елизавету Федоровну. Где тут правда, конечно, сказать трудно. Но что все это создает крайне благоприятную почву для всяких нападок, свидетельствует следующая статья, появившаяся сегодня вечером в «Веч. Времени». Подчер-

---

[1]) Юденич, Ник. Ник. — в начале войны начальник штаба кавказского военного округа, в 1917 г. назначен главнокомандующим кавказским фронтом. — В 1919 г. руководил белогвардейским походом на Петроград.

[2]) Вел. кн. Мария Павловна.

[3]) Николай II.

[4]) Джунковский, Влад. Федор.—товарищ министра внутренних дел и командир корпуса жандармов, был уволен от должности вследствие доклада о Распутине, сделанного им Николаю. Увольнению Джунковского предшествовала энергичная кампания, веденная против него Распутиным, через А. Ф. Романову (см. «Переписка Н. и А. Романовых». Том III).

[5]) Все названные лица были, действительно, уволены по настоянию Распутина; по его приказанию, кампанию против этих лиц вела А. Ф. Романова в своих письмах к Николаю.

кнутые слова ясно указывают, куда метили[1]). Это крайне опасный нападок. Он может принять такие размеры, учесть которые теперь трудно. Но что опасность не за горами, то это вполне ясно.

* * *

Конечно, все это есть нападки, и как всякие нападки, таковые преувеличивают, изменяют, путают. Но все же факт остается отчасти верный. Но кто же станет писать опровержения? Единственный способ теперь—это обелить себя решительным действием, покончить с Распутиным, виновен ли он или нет. Все равно, что он делал, и кто он такой. Важно лишь одно, что, благодаря ему, есть лицо, которое подвержено публичным нападкам весьма гадкого свойства, и этого вполне уже достаточно, чтобы быть осторожным и не возбуждать народного негодования, когда и без того в стране не все очень благополучно.

24 августа. Петроград.

За последние дни снова много говорили о предположении государя стать во главе армии и о назначении Николая Николаевича наместником Кавказа. Начальник его штаба Янушкевич уже назначен на Кавказ. Его место занял Алексеев. Эверт на место Алексеева. Толки по этому поводу делились на две группы. Одни находили, что государю вовсе не следует становиться во главе армии, так как это его отвлечет от дел государственных; другие, наоборот, находили, что это очень хорошо, но при условии, что Николай Николаевич останется на месте. На последнем условии почти все согласились. И, действительно, Николай Николаевич случайно попал на этот пост, после того, что совет министров упросил государя не брать верховное управление армией, в начале войны. Для поднятия престижа Николая

[1]) В дневнике переписана далее статья из «Вечернего Времени» от 17 августа 1915 г. «Опять Распутин». В статье говорится о том, что Распутин ведет пропаганду в пользу заключения мира с немцами. Автор статьи напоминает о ряде судебных дел, числящихся за Распутиным, часть которых заглохла под влиянием Щегловитова. Автором дневника подчеркнуты в статье слова—Распутин, «пользовавшийся всегда покровительством немецкой партии».

Николаевича в церковных службах была установлена для него особая молитва. Государь осыпал его милостями и достиг того, что личность Николая Николаевича была известна всей России, и его популярность не была даже поколеблена последним периодом войны, когда нашей армии пришлось все отступать. Казалось, что результат был блестящий. Но вот именно этот блестящий результат, созданный трудами государя, не понравился А [1]). Тут и причина, почему государь назначает Николая Николаевича на Кавказ. Люди осторожные уверяют, что это вызовет всеобщий ужас и негодование и приведет к тяжким последствиям. Вот вкратце общее настроение.

Был я сегодня у военного министра ген. Поливанова. Он определенно не говорил о желании государя принять командование армией, а выражался о желании государя быть ближе к армии, но когда я его спросил, останется ли Николай Николаевич, то на это он ответил, что это вряд ли будет, так как решения уже приняты. Вообще Поливанов ничего определенного не хотел говорить: или он чего-нибудь не знал, или просто скрывал. Между прочим, разговор коснулся ген. Борисова. Он прямо выразился, что этот человек стоит на границе между гением и сумасшествием. Относительно того, каков он будет в ставке государя, он прямо не ответил, но сказал. «У меня о нем составилось особое мнение, и я стараюсь быть подальше от него».

Днем я был у тети Minny [2]) на Елагином острове. Нашел ее в ужасно удрученном состоянии. Ее волнует больше всего вопрос о Николае Николаевиче. Она считает что его удаление, поведет к неминуемой гибели Н. [3]), так как этого ему не простят. Во всем разговоре она выгораживала Ники, считая Аликс виновницей всего. Когда Ники был перед отъездом у нее, она долго его молила подумать обо всем хорошенько и не вести Россию на гибель. На это он ей ответил, что его все обманывают, и что ему нужно спасти Россию,—это его долг, призвание. Напрасно тетя его уговаривала, что он мало подготовлен к этой трудной роли, что дела государства требуют его присутствия в Петрограде; он остался неумолим и даже не обещал пощадить Николая Николаевича [4]).

---

[1]) Т.-е. Alix — Александра Федоровна Романова.

[2]) Мать Николая II — Мария Федоровна Романова.

[3]) Ники — Николай II.

[4]) Т.-е. оставить при ставке.

Во время этого разговора Аликс сидела в другой комнате с Ксенией [1]), которая спросила ее, неужели Николашу сменят: он так популярен теперь.

«Опять про Николашу, все только о нем и говорят,—ответила Аликс,—это мне надоело слышать; Ники гораздо более популярен, нежели он, довольно он командовал армией, теперь ему место на Кавказе».

Тетя Minny, передавая мне эти разговоры, так волновалась, так возмущалась, что мне страшно стало. Она все спрашивала: «Куда мы идем, куда мы идем? Это не Ники, не он,—он милый, честный, добрый,—это все она».

Я спросил тетю, есть ли надежда, что хоть Николай Николаевич останется. «Нет, — ответила тетя, — уже все кончено. Alix только что мне телеграфировала», — и она прочла телеграмму: «Все идет превосходно. Перемена произошла. Он уезжает через два дня» [2]). Итак, это сделано. От Ники была тоже телеграмма, что приехал, очень доволен встречей. Завтра мы, вероятно, прочтем об этом в газетах. Одно остается непонятное — это, что Ники к 1 сентября возвращается обратно сюда. Кто же будет в это время командовать армией? Никто не знает. Тетя на этот вопрос ответила: «Ничего больше не понимаю». Тетя Minny мне еще говорила, что у нее был дядя Алек [3]), который молил ее уговорить Ники не ехать в армию. Он предвидит ужасные последствия до народных волнений включительно. Дядя был прямо в отчаянии. «Он катался по полу [4])»,—так выразилась тетя Minny.

Увольнение Джунковского и Влади Орлова [5]), двух самых преданных людей, о которых Ники всегда выражался самым теплым образом, ее тоже огорчило. «Это сделал не мой дорогой мальчик. Он слишком добр, чтобы сделать подобную вещь. Он очень любил их обоих. Это все она! Она одна ответственна

---

[1]) Ксения Александровна — вел. кн., сестра Николая II.

[2]) В подлиннике по-английски: «All went on brilliantly, the changement is done, leaving in two days».

[3]) Принц Александр Петрович Ольденбургский, верховный начальник санитарной и эвакуационной части.

[4]) В подлиннике по-английски: «He rolled on the floor».

[5]) Орлов, Влад. Никол., заведывал походной канцелярией Николая II; позднее был помощником наместника на Кавказе. Отмечаемое здесь увольнение его от должности (начальника военно-походной канцелярии царя) произошло под влиянием Распутина. А. Ф. Романова много постаралась для этого в своих письмах к Николаю.

за все, что сейчас происходит. Это слишком ужасно! Кто будет около него? Он останется совершенно один с этим ужасным «Кувакой» [1]). Ни одного преданного друга около него. Я ничего не понимаю. Я не могу понять... Это слишком ужасно, чтобы это можно было выразить словами» [2]).

Когда мама [3]) была у нее, она еще прибавила, что это ей напоминает времена императора Павла I, который начал в последний год удалять от себя всех преданных людей, и печальный конец нашего прадеда ей мерещится во всем своем ужасе.

Мы, действительно, переживаем в эти дни очень тревожное время. Малейшая ошибка может создать огромные события, непоправимые по тем впечатлениям, которые они оставляют. Удаление Николая Николаевича на Кавказ есть уже одна огромная ошибка. Он сам по себе мало причастен к той популярности, которой он пользуется в России. Как я писал выше, это было создано самим государем, и это его огромная заслуга, ибо только человек популярный, который пользуется доверием массы, способен эту массу двигать и одухотворять.

Что скажут теперь в России? Как объяснить народу и армии, что Николай Николаевич, который был покрыт всеми милостями царя, вдруг сменяется? Естественно спросят, что же он сделал, чтобы заслужить такую немилость. Хорошо, если правительство так обставит этот вопрос, что государь сам становится во главе армии, и, естественно, верховный должен свой пост покинуть. Но он мог бы у него остаться помощником. А молитва за ектенией? Что с ней делать? С уходом Николая Николаевича народное впечатление будет задето глубоко. Во всех судах его фотографии, все за него молятся,—и в один день херь всё. Да за что, невольно спросит себя всякий. И, не найдя подходящего ответа, или скажут, что он изменник, или, что еще может быть хуже, начнут искать виновников выше. Еще одно соображение.

---

[1]) «Кувака» — дворцовый комендант В. Н. Воейков, занимавшийся фабрикацией минеральной воды, носившей такое название.

[2]) В подлиннике по-английски: «It is not my dear boy, he is to good to such a thing, he liked them both very much. It is all she, she, alone is responsible of all, that is happening now. It is to awful! Who will be now near him, he will be quite alone with that awful «Кувака». Not a single devoted friend at his side». I understand nothing. I cannot understand.... it is to awful for words».

[3]) В. кн. Мария Павловна.

С принятием государем командования армией, естественно, все взоры будут устремлены на него с еще большим вниманием. И ежели на первых порах на фронте будут неудачи, кого винить? Еще соображение. Ежели дела государства потребуют его присутствия в Петрограде, на кого он оставит армию? Возможно, что обо всем этом уже подумали и предусмотрели все эти вопросы, которые так всех волнуют. Насколько я мог понять, не все эти вопросы окончательно решены. Один уже предположенный приезд государя в сентябре в Царское Село как-то мало вяжется с принятием им верховного управления армией, ибо отъезд из штаба немыслим даже на сутки, когда минуты иногда решают судьбу кампании. Сама идея, что государь лично становится во главе своей армии, прекрасна и подымет нравственный элемент в армии, но, по-моему, все же следовало бы эту прекрасную идею обставить более тщательно и не возбуждать народ лишними тревогами и опасностями.

Тетя Minny мне говорила, что Ники написал графу Воронцову [1]) на Кавказ о предполагаемой смене его и получил от него по ее словам, в ответ длинное, чудное письмо, где старый граф на склоне дней своих умолял государя не брать на себя командование армией. Он выставил ярко всю опасность этого для него, для дела, для принципа.

В истории не было примера со времен Петра I, чтобы цари сами становились во главе своих армий. Все попытки к этому, как при Александре I, в 1812 г., так и при Александре II, в 1877 г., дали скорее отрицательные результаты. Главным образом вокруг ставки создавалась атмосфера интриг и тормазов. Памятна всем идея Пфуля при Александре I, и он тогда покинул армию, дабы не стеснять главнокомандующего. Старики хорошо помнят турецкую кампанию, и я сам читал в письмах графа Адлерберга к императрице Марии Александровне его критику наездам государя в армию. Хорошего ничего не выходило,—наоборот, многие распоряжения запаздывали; спорили, интриговали. И в те времена государя отговаривали ездить в армию и вмешиваться непосредственно в дела главнокомандующего. Во всем этом много верного. Государь должен быть вне возможных на него нападок. Он должен стоять высоко, вне непосредственного управления. Как в Германии, так и в Италии, монархи сохранили за собой верховное упра-

[1]) Воронцов-Дашков, Илар. Иван., граф — наместник кавказский.

вление армиями, т.-е. сохранили то, что им присуще по закону, но ни один из них непосредственно не командует, а имеет ответственных главнокомандующих. Это ничуть не мешает им руководить всеми делами военными, сохраняя свои прерогативы, но не неся ответственности и не подвергая себя возможной критике.

Вот в этом духе, мне кажется, следовало бы и у нас поступить. Боюсь, что сделают не так, как следовало бы.

1 сентября.

Итак, совершилось то, о чем так много все говорили, судили, волновались и беспокоились [1]). Одна группа лиц осталась недовольна, а именно, мне кажется, та группа, для которой всякое усиление власти нежелательно. Естественно, что государь, опираясь непосредственно на свою армию, представляет куда большую силу, нежели, когда во главе армии был Николай Николаевич, а он сидел в Царском Селе. Большинство же приветствовало эту перемену и мало обратило внимания на смещение Николая Николаевича. Отмечают лишь, что рескрипт Николаю Николаевичу холоднее рескрипта графу Воронцову.

Как теперь выясняется, все, что я писал раньше о ген. Данилове (черном), просочилось в массу и создало атмосферу недоверия не лично к Николаю Николаевичу, а к его штабу [2]). Смена штаба и вызвала общее облегчение в обществе. В итоге все прошло вполне благополучно. В армии даже все это вызвало взрыв общего энтузиазма и радости. Вера в своего царя и в благодать божию над ним создала благоприятную атмосферу. Военные действия пошли как-то лучше. Есть стремление наступать, неприятель кое-где разбежался, и за одну неделю набрали до 40.000 пленных. Сообщения из штаба пишутся как-то аккуратнее, и в конце появляются фразы в роде «общее положение улучшается», или «инициатива постепенно переходит в наши руки». Эти фразы произвели наилучшее впечатление и способствовали тому, что вот прошла неделя — и все, кажется, вошло в норму и от бывших треволнений и следа не осталось.

Некоторое волнение вызвало известие, что министр иностранных дел Сазонов хочет уговорить переехать в Москву императрицу,

---

[1]) Речь идет о смене в. к. Николая и вступлении в командование Николая II, приказы о чем были опубликованы в газетах.

[2]) См. здесь стр. 29 — 30.

весь двор, министров и послов. Такое переселение, конечно, вселило бы тревогу за судьбу Петрограда и уныние в деловом мире, так как переезд всех министров будет тормозить дело, ибо трудно и все канцелярии везти с собой. Пока я знаю об этом, как слух, а потому на эту тему распространяться не буду.

6 сентября. Петроград.

На-днях Аликс заехала к мама̀ в Царском Селе с двумя старшими дочерьми чай пить. Следует отметить, что за двадцать лет это первый раз, что Аликс без Ники приезжает к мама̀. Но самое интересное — это разговор, который происходил. Аликс горько жаловалась, что всё, что бы она ни делала, все критикуется, в особенности в Москве и Петрограде. Все восстают против нее и связывают ей этим руки. «Приехали теперь из Германии сестры милосердия, для пользы дела мне следовало бы их принять, но я этого не могу сделать, так как это снова будет истолковано против меня». Мама̀ спросила, правда ли, что она и весь двор переезжают в Москву? «Ах, и до тебя это дошло! Нет, я не переезжаю и не перееду, но «они» этого хотели, чтобы самим сюда переехать (тут она дала ясный намек, кто это «они»: Николай Николаевич и черногорки)[1], но, к счастью, мы об этом во-время узнали, и меры приняты. «Он» теперь уедет на Кавказ. Дальше терпеть было невозможно. Ники ничего не знал, что делается на войне; «он» ему ничего не писал, не говорил. Со всех сторон рвали у Ники власть. Урывали все, что было возможно. Это недопустимо в такое время, когда нужна твердая и непоколебимая власть среди этого развала во власти. Я умоляла Ники не гнать Горемыкина в такое время. Это верный и преданный человек, твердых убеждений и правил. Нельзя же ему гнать от себя людей, ему преданных. Кто же тогда останется у него?» Мама̀, передавая мне этот разговор, говорила, что Аликс производила глубокое впечатление искреннего горя по поводу текущих событий. Большое впечатление производило ее негодование относительно «черногорок» и их замыслов; она не передала,

---

[1]) «Черногорки» — это великие княгини Анастасия и Милица Николаевны; первая — жена великого князя Николая, вторая — его брата Петра. «Черногорок» Александра Федоровна подозревала во всех козиях против ее самой и Николая II.

в чем было дело, но ясно сквозило, что она узнала нечто важное, угрожавшее не только ей лично, но и самому Ники. Это дает ключ к тому загадочному, как тогда казалось, ее поведению у тети Минну, когда она говорила с Ксенией. Мама несколько раз повторяла, что Аликс произвела на нее глубокое впечатление. Тут было действительное отчаяние; Аликс смотрела на вещи именно так, как мы смотрим, и все, что она говорила, было ясно, положительно и верно.

Относительно пребывания Ники во главе армии она говорила, что он чувствует себя теперь отлично. Будучи в курсе дел, он подбодрился, воспрянул духом. Начальник штаба ген. Алексеев его вполне удовлетворяет своей «скромностью».

Этот эпизод в нашей семейной жизни важен в том смысле, что дал нам возможность понять Аликс. Почти вся ее жизнь у нас была окутана каким-то туманом непонятной атмосферы. Сквозь эту завесу фигура Аликс оставалась совершенно загадочной. Никто ее в сущности не знал, не понимал, а потому и создавали догадки, предположения, перешедшие впоследствии в целый ряд легенд самого разнообразного характера. Где была истина, трудно было решить. Это было очень жалко. Фигура императрицы должна блестеть на всю Россию, должна быть видна и понятна, иначе роль сводится на второй план, и фигура теряет необходимую популярность. Конечно, приведенный выше разговор Аликс с мама не может восстановить все то, что было потеряно за 20 лет, но для нас лично, конечно, повторяю, этот разговор очень важен. Мы увидели ее в новом освещении, увидели, что многое из легенд не верно, что она стоит на верном пути. Ежели она и не сказала больше, нежели она это сделала, то, надо думать, причин к тому у нее было достаточно. Но видно все же, что у нее накипело много на душе, и потребность хоть часть вылить побудила ее приехать к мама.

11 сентября. Царское Село.

Сегодня у нас обедал великобританский посол Sir George Buchanen [1]), который рассказал мне следующее по поводу Балканских событий и болгарской мобилизации. По существующему

[1]) Бьюкенен, Джордж, английский посол в России. Его мемуары, в переводе на русский язык, выпущены Государственным Издательством — «Мемуары дипломата». (М. 1924 г.).

между Сербией и Грецией договору, последняя обязалась, в случае нападения Болгарии на Сербию, прийти ей на помощь всеми своими вооруженными силами, при чем Сербия должна выставить против Болгарии 120 тысяч. С объявлением в Болгарии мобилизации и ее угрожающего поведения по отношению к Сербии, греко-сербский договор должен войти в силу, но Сербия, в силу войны с австро-германцами, не может выставить предусмотренные договором силы (120 т. штыков) на болгарскую границу, а Греции не под силу одной вести войну с Болгарией. Такое положение задерживало фактическое выполнение Грецией своего договора с Сербией и ставило судьбу Сербии в критическое положение. Sir Ed. Grey[1]) нашел выход из этого положения и запросил Грецию, выполнит ли она свой договор с Сербией, ежели союзники выставят вместо сербов требуемую силу на сербско-болгарскую границу. Греция согласилась. Buchanen говорил мне, что от Франции уже получен ответ, что она согласна послать экспедиционный корпус в Сербию и что ответ Англии он ожидает сегодня вечером, который безусловно будет тоже утвердительный. Тогда через несколько дней войска (англо-французские) будут высажены в Салониках. Греция уже объявила всеобщую мобилизацию. От Румынии нет еще официальных сообщений, но, по имеющимся данным, она безусловно присоединится к коалиции против Болгарии. Вопрос в том — будет ли Болгария продолжать итти по рискованному пути авантюры, указанной ей из Берлина, или же под угрозой коалиции повернет в сторону согласия. На этой неделе все эти вопросы будут окончательно выяснены.

Судя по газетам, греческая мобилизация произвела сильное впечатление в Софии и в Берлине. План немцев зиждился на том предположении, что ни Греция, ни Румыния не двинутся против Болгарии, которая может в этом случае занять Македонию и надавить с тыла на Сербию. Угрожающее поведение Греции и энергия союзников в корне подорвали и сразу весь немецкий план и ставят существование Болгарии в критическое положение. На-днях увидим, как все это развернется.

По поводу нашей политики на Балканах Sir G. Buchanen выразился: «Ваша политика не всегда была особенно тактичной.

---

[1]) Грей, Эдвард, — английский статс-секретарь по иностранным делам, с 1905 по 1916 гг.

Your policy on the Balkans was not always very tactful». Это мнение английского посла о нашей балканской политике является очень интересным. Я уже неоднократно отмечал то же самое, находя, что наша дипломатия совершила ряд непозволительных ошибок. В данное время, конечно, Болгария несет всю ответственность за свое поведение, но все же наша дипломатия во многом виновата. Она создала недоверие к России на Балканах, она поколебала лучшие чувства балканских государств и главное — она никогда не знала, чего хотела, и держала заграницей представителей — о боже! — ниже всякой критики. G. Buchanen вспомнил при этом балканскую войну и приезд Николая греческого в Петроград, который в беседе с ним утверждал, что великие государства должны принять меры к ослаблению Болгарии и понудить Турцию выступить заодно с Грецией и Сербией против Болгарии [1]. Это было еще во время почти войны (перемирие) и, как правильно выразился G. Buchanen, ежели союзники так задумывают против своих же союзников, то это свидетельствует о низком уровне их развития и весьма нечистоплотных способах действовать. По мнению Buchanen'а, сербо-болгарский конфликт 1912 г. был вызван именно закулисной интригой союзников против Болгарии. Для публики весь позор остался за Болгарией, но, в сущности, он по справедливости падает в гораздо большей степени на союзников, которые вызвали этот конфликт, а вину свалили на Болгарию.

Кирилл [2]) писал на-днях из ставки Dacky [3]), что Алексеев действует все хуже и хуже. Его приказы один глупее другого. Ники начинает это видеть, но неизвестно, как он поступит.

У мамà был недавно гр. Пален [4]). Он передавал о возмутительных преследованиях, которым подверглись «бароны» в бал-

[1]) Об этом Бьюкенен говорит также и в своих «Мемуарах», стр. 96—98.

[2]) Кирилл Владимирович, вел. кн., брат автора.

[3]) Dacky — семейное прозвище жены в. к. Кирилла, Виктории Федоровны, урожденной принцессы Саксен-Кобург-Готской.

[4]) Пален, Константин Иванович, граф — бывший министр юстиции.

тийских провинциях. Он уверен, что главная цель этих преследований направлена против Аликс. Преследуя немецкий дух, метят выше. Удивительно, как непопулярна бедная Аликс. Можно безусловно утверждать, что она решительно ничего не сделала, чтобы дать повод заподозрить ее в симпатии к немцам, но все стараются именно утверждать, что она им симпатизирует. Единственно, в чем ее можно упрекнуть,—это, что она не сумела быть популярной.

12 сентября. Петроград.

Ники все еще из армии не вернулся. Говорят, что его ожидают здесь около 15 числа с. м. на несколько дней для решения неотложных дел государственных.

16 сентября. Петроград.

Мобилизация в Болгарии вызвала взрыв негодования во всей России. Та Болгария, которую мы спасли от турецкого ига, ценой 200 тысяч солдат, за освобождение которой мой отец рисковал своей жизнью, та Болгария, которая всем обязана исключительно великодушию России, взялась за оружие — против нашей союзницы Сербии. Действие неслыханной дерзости, и Фердинанд мог бы, как некогда граф Андраши при Николае I, сказать: «Я удивлю мир неблагодарностью».

Дополнение [1].

Sir G. Buchanen по поводу балканской политики добавил еще одну мелочь, довольно хорошо характеризующую политический облик главных руководителей. Разговор зашел о том, что премьеры в Болгарии далеко не выдающиеся лица и мало проникнуты истинными интересами своей родины. На это Buchanen заметил: «Неудивительно, — мы все их совращали деньгами». Из дальнейшего разговора на эту тему выяснилось, со слов Buchanen'a, что это довольно обычное явление в политике Англии платить политическим деятелям, и он лишь сожалел, что мы

[1]) К предыдущей записи (от 11 сентября) — беседе с Бьюкененом.

не делали то же самое. Результаты, по его мнению, были бы блестящие. На мое замечание, что, может быть, и Фердинанду следовало бы дать известную сумму, раз итти таким путем, Buchanen ответил, что это было бы очень хорошо. По его мнению выходит, что раз человек берет деньги за известные услуги, то и следует платить. Меня лично это мнение посла Великобритании очень заинтересовало, как один из несомненных их способов достигать результатов верным способом. Человек, взявший раз деньги, уже во власти давшего.

17 сентября. Петроград.

Сегодня доктор Зандер мне говорил, что, по последним слухам, как результат поездки всего совета министров в ставку, Государственная Дума будет созвана 25 сентября. Кроме того, министром внутренних дел будет назначен член Гос. Думы Хвостов [1]). Он хотел еще рассказать про Р — а [2]), но, к сожалению, не успел.

Интересный инцидент произошел с епископом Варнавой тобольским. Он канонизировал, без ведома святейшего синода, местного епископа. Синод его вызвал в Петроград для дачи объяснений. Он прибыл и был спрошен митрополитом Владимиром и обер-прокурором Самариным. Через несколько дней он должен был давать объяснения уже всему синоду, но на заседание не прибыл. Послали за ним, но не нашли на квартире. Там объяснили, что Варнава выбыл неизвестно куда. Кто говорил, что он уехал обратно в Тобольск, кто уверял, что он скрылся у Р — а. Поручили полиции его разыскать и, ко всеобщему удивлению, его нашли — в Царском Селе. Но все же в синод он отказался прибыть, ссылаясь на то, что канонизация тобольского епископа совершена им по желанию высших сфер. Что это значит, и на кого он кивает?

На-днях я разговаривал с Алекс. Викт. Осмоловским [3]), который, страдая сердечным пороком, проводил каждый год сезон

---

[1]) Хвостов, Алексей Никол., назначенный министром внутренних дел 27 сентября 1915 г. по рекомендации авантюриста кн. Андроникова и с согласия Распутина.

[2]) Г. Распутин.

[3]) Осмоловский, Алекс. Викторович — чиновник особых поручений министерства земледелия.

в Nauheim'е и часто встречался там с покойным С. Ю. Витте. Последний сезон 1914 г. застал его, Осмоловского, как и графа С. Ю. Витте, в Nauheim'е во время начала политических осложнений. По этому поводу граф Витте говорил Осмоловскому, что есть один лишь человек, который мог бы помочь в данное время и распутать сложную политическую обстановку. На естественный вопрос Осмоловского, да кто же этот человек, граф Витте назвал, к его большому удивлению, Гр. Е. Р—а [1]). Осмоловский на это возразил, как может Распутин быть опытным дипломатом, он, человек совершенно неграмотный, ничего не читавший, как может он знать сложную политику и интересы России и взаимоотношения всех стран между собой. На это граф Витте ответил: «Вы не знаете, какого большого ума этот замечательный человек. Он лучше, нежели кто, знает Россию, ее дух, настроение и исторические стремления. Он знает все каким-то чутьем, но, к сожалению, он теперь удален». Это мнение графа С. Ю. Витте о Р—е меня прямо поразило. Я всегда считал и до сих пор считаю С. Ю. за из ряда вон выдающегося человека, какого в России давно не было. Думаю, что многие того же мнения. Но каким образом С. Ю. мог прийти к такому страшному выводу в отношении Р—а, остается пока для меня загадкой. Никогда и никто не говорил об его отношениях к Р—у. Их имена даже заядлые сплетники не могли сопоставить. Знал ли С. Ю. Р—а, не знаю. Вряд ли. Может быть, в будущем эта загадка и разъяснится, пока же решительно ничего не понимаю. Одно знаю, что С. Ю. словами не шутил. Что хотел он этим сказать?

20 сентября. Петроград.

Итак, Россия накануне разрыва с той самой Болгарией, которую она своей кровью создала 38 лет тому назад.

Теперь мы ждем ответа Болгарии [2]). Что она ответит?

22 сентября.

До сих пор ответ Болгарии не опубликован. По газетным сведениям, сегодня в Салониках высадились французские войска.

---

[1]) Г. Е. Распутин.

[2]) 20 сентября была опубликована ультимативная нота русского правительства Болгарии, с угрозой разрыва сношений.

22 сентября. Петроград.

На-днях высочайшим приказом ген.-ад. Куропаткин назначен командиром гренадерского корпуса [1]). Об этом я уже много писал, как был возбужден этот вопрос, как в то время его желание было встречено несочувственно государем и отклонено [2]). Теперь, повидимому, все изменилось. Почему это произошло — не знаю, но лично я приветствую это назначение и желаю ген.-ад. Куропаткину полного успеха.

23 сентября.

Как и следовало ожидать, Болгария дала неудовлетворительный ответ на нашу ноту, в виду чего дипломатические сношения с Болгарией прерваны. За нами последовали представители остальных держав, т.-е. Англии, Франции, Италии, Сербии, Бельгии, Черногории — и выехали из Софии. Трудно даже писать, какие чувства мы все переживаем при виде предательства Болгарии. Одно безусловно — это, что Болгария вычеркивается из славянской семьи, а Фердинанд Кобургский навеки покрыл себя несмываемым позором.

24 сентября.

В виде справки прилагаю этот документ [3]). Интерес не столько в его содержании, а в том, что он подписан 23 августа.

Дело в том, как это передал д. Павел [4]) мамà, Ники говорил д. Павлу, что он разрешил Николаю Николаевичу ехать к себе

[1]) Куропаткин, Алексей Николаевич, главнокомандующий манчжурской армией во время русско-японской войны, был теперь назначен командиром гренадерского корпуса, после длительных просьб его о каком-либо назначении в армию.

[2]) Об этом автор, очевидно, писал в других тетрадях дневника.

[3]) Далее переписаны приказы о смене верховных главнокомандующих (от 23 августа 1915 г.). Затем идет текст приказа о вступлении в. к. Николая Николаевича в должность кавказского наместника. Датирован этот приказ: Тифлис. 23 сентября 1915 г.

[4]) Вел. кн. Павел Александрович — брат Александра III.

в имение «Першино» Тульской губ. на 5 дней для отдыха. Николай Николаевич был уволен от должности верховного главнокомандующего 23 августа с. г. Уехал на следующий день и, вместо 5 дней, пробыл в имении более 3-х недель [1]). По этому поводу Ники выразился в разговоре с д. Павлом, что терпеть дольше нельзя было. Последний раз, что он был в ставке, Ники охарактеризовал: «была большая мерзость». Долгое пребывание Николая Николаевича в деревне его тоже раздражало, как говорил д. Павел, ужасно. Аликс же говорила д. Павлу, что «ставка» хотела разлучить ее с Ники [2]). Эти слова подтверждают отчасти то, что было мною записано [3]) из разговора мамà с Аликс. Можно пока лишь строить догадки о том, что Ники стали известны какие-то сведения относительно Николая Николаевича, и эти сведения побудили его сменить Николая Николаевича и выражаться крайне резко про «ставку». Но в чем дело — мы не знаем. Можно сделать одно заключение. Ники всегда очень сдержан, никогда резко про кого бы то ни было не говорит и в принятии коренных мер всегда нерешителен. Ежели теперь он принял такие серьезные меры, как это было 23 августа, и выражается так откровенно про Николая Николаевича, можно с уверенностью сказать, что причины должны быть серьезны, и его долготерпению пришел конец.

---

[1]) Автор немного ошибается в сроке: в. к. Николаю Николаевичу было предоставлено на отдых и сборы в Першине не 5, а 10 дней, но пробыл он там действительно больше трех недель. Эта медлительность чрезвычайно раздражала Николая II, а, в особенности, его жену: «Милый мой,—писала она мужу, — прикажи ему скорее ехать на юг. Всякого рода дурные элементы собираются вокруг него и хотят использовать его, как знамя. Господь этого не допустит. Но было бы безопасней, если б он скорей уехал на Кавказ. Ты дал ему 10 дней, а завтра уже будет три недели, как он покинул ставку. Будь тверд и в этом, прошу тебя» (письмо от 14 сентября). На другой день А. Романова со свойственной ей настойчивостью вновь напоминает: «Милый, нельзя ли обратить внимание на то, что происходит в Першине? Дурные слухи идут оттуда». («Переписка Н. и А. Романовых», т. III, стр. 348, 352.)

[2]) 10 сентября 1915 г. А. Романова в письме к мужу жаловалась: «М(илица) и С(тана) распространяют в Киеве всякие ужасы про меня, что меня собираются запереть в монастырь». («Переписка Н. и А. Романовых», т. III, стр. 231).

[3]) См. здесь стр. 81 — 82, запись от 6 сентября о разговоре А. Ф. Романовой с в. к. Марией Павловной относительно в. к. Николая.

26 сентября.

Правление о-ва «Пулемет», недавно только создавшегося для изготовления ружей, прислало мне для ознакомления целый ворох документов для уяснения целей этого общества. Между прочими документами была копия их письма военному министру от 1 августа с. г. Там сказано следующее:

«К сожалению, ходатайство правления относительно постройки оружейного завода до настоящего времени не получило разрешения .... [1]). Изложенные обстоятельства позволяют нам заявить, что указания некоторых лиц на кажущееся им бездействие о-ва «Пулемет» не имеют оснований как потому, что оно учреждено лишь в сентябре прошлого года, уже во время войны, так и потому, что все его предположения, касавшиеся изготовления снарядов и различных других предметов военной необходимой потребности, отклонялись главным артиллерийским управлением. Так, 24 октября 1914 г. правление обратилось к господину помощнику военного министра с предложением о поставке шрапнелей, на каковое ходатайство гл. артил. упр. 2-го ноября, сообщением за № 58678, уведомило правление, что «надобности в снарядах не встречается». 8 ноября 1914 года таковое же ходатайство было представлено на имя господина военного министра, на что 3 декабря 1914 года, за № 66357, главное артил. упр. ответило, что ходатайство о-ва отклоняется. На предложение правления об изготовлении черных стволов для винтовок и на целый ряд других предложений от 2, 7, 31 марта и 13 апреля 1915 г., касавшихся постройки оружейного завода для изготовления трехлинейных винтовок, последовал ответ от 28 апреля 1915 г. за № 32859: «Главное артиллерийское управление сообщает, что решение вопроса о постройке в России частного оружейного завода отложено на неопределенное время, в виду чего прошение о предоставлении заказа на винтовки принято к сведению». Далее правление о-ва не получило никакого ответа на ряд предложений военному министру: о поставке 400 тыс. ружейных гранат для трехлинейных винтовок, 1 милл. взрывателей различных марок, 500 тыс. штыков к трехлинейным винтовкам, 500 тыс. стволов для вин-

[1]) Многоточие в рукописи.

товок, санитарных повозок, военно-походных кухонь и проч. За все время войны и своей деятельности правление о-ва лишь в самое последнее время получило заказы гл. военно-технического управления на ножницы японского образца, на сумму 275 тыс. руб., и на прицелосконы, на сумму 42½ тыс. руб., и только 22 июля с. г. от гл. артил. упр. — заказ на бронебойные пули, на сумму 2¼ милл. руб.»

Я привел здесь лишь выдержки, характеризующие отношение гл. артиллерийского управления к вопросам снабжения. Ежели можно признать еще спорным вопрос о постройке частного оружейного завода, то совершенно непонятен ответ гл. артил. упр., «что надобности в снарядах не встречается». Это писалось 2 ноября 1914 года, т.-е. именно в то время, когда из армии посыпались требования на снаряды. Настойчивые телеграммы из ставки, конечно, были известны всем, кому ведать надлежит, но, повидимому, все это не разбудило главарей нашего артил. упр., и они спокойно отвечали, что снарядов не надо. Я в это время, т.-е. в ноябре 1914 г., был в штабе сев.-зап. фронта и знал, какой уже недостаток ощущается в снарядах. Из армии сыпались мольбы прислать снарядов, которых не хватает. Об этом из штаба писалось прямо в Петроград. Нам было тогда отвечено, чтобы были поэкономнее. Надо надеяться, что следственная комиссия ген. Петрова[1]) разберет все это и вынесет свой справедливый приговор над теми, кто писал, что снарядов не надо, когда армия вопила от недостатка в снарядах. Кто виновен — безразлично, лишь бы дух косности вышибли из канцелярских генералов и не дали в будущем канцелярской пыли душить свою же армию не хуже удушливых газов германцев[2]).

---

[1]) Член Гос. Сов. инж.-ген. Николай Павлович Петров, профессор высших технических учебных заведений. Следственная комиссия под его председательством была образована 25 июля 1915 г.

[2]) Приведенное выше уведомление главн. артил. управления о том, что «надобности в снарядах не встречается», сообщенное Поливанову 1 августа 1915 г., было известно и предшественнику его, Сухомлинову. Еще 9 мая он писал Янушкевичу: «Сейчас я узнаю о таком факте: 9 сентября 1914 г. я собрал заводчиков и просил их приняться за изготовление снарядов. «Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов» предложило свои услуги, и 25 октября 1914 г. гл. артил. управление ответило им: «... заказ этот не может быть принят за отсутствием надобности

27 *сентября.*

В газетах опубликовано об увольнении министра внутренних дел князя Щербатова и обер-прокурора св. синода Самарина [1]. Министром внутренних дел назначен Хвостов, член Гос. Думы. Вторая должность не замещена. Об этих переменах уже давно говорили, как о первом предвестнике ответственного перед палатами министерства. Хотя оба министра, и в особенности Самарин, были облечены доверием народа, но что-то случилось. Самарину не повезло в деле еп. Варнавы. Вероятно, Гришка заступился за Варнаву и выжил Самарина [2].

Здесь уместно привести один разговор, который произошел однажды между мама́ и Фердинандом. Последний жаловался на русское правительство, которое, по его мнению, третирует его. В заключение Фердинанд сказал: «Моя месть будет ужасна» [3]. Мама́ мне неоднократно об этом говорила до последних событий, и мы не сомневались со дня начала войны, что он ищет удобный момент отомстить России за все те неприятности, которые он лично испытал. Несомненно, что последние события ничего общего с интересами Болгарии не имеют; все это личная политика Фердинанда, политика мести мелкого авантюриста.

Я мог бы очень много написать про Фердинанда. Судьба меня сталкивала с ним очень часто, что дало мне возможность хорошо изучить его, его характер, взгляды и приемы. Два раза я был в Болгарии. Первый раз с отцом [4]) в 1907 году на открытии памятника Александру II и затем в 1911 г. — на праздновании совер-

---

в шрапнелях». «Вот это сотрудники, — замечал Сухомлинов, — жаль, что они не работают на германскую армию» («Красный Архив», т. III, стр. 60). Гл. Артил. управл. состояло, как известно, под главным ведением в. к. Сергея Михайловича.

[1]) Самарин и Поливанов были назначены накануне созыва Думы, в июле 1915 г., в качестве уступки «общественному мнению». А. Ф. Романова и Распутин с самого начала отнеслись к этим назначениям, сделанным без их ведома, резко отрицательно и в результате настояли на том, что оба эти лица были вскоре уволены.

[2]) Далее следует переписанный Андреем Романовым текст «ответной ноты Болгарии» и правительственный к ней комментарий (тоже из газеты).

[3]) В подлинниках по-французски: «Ma vengeance sera terrible».

[4]) В. кн. Владимир Александрович, брат Александра III.

шестилетия Бориса, его старшего сына и крестника нашего государя [1]). Лично Фердинанд относился ко мне всегда очень хорошо; был приветлив, ласков, и мы были с ним на «ты». Это в силу родственных отношений его к мама́. Он приезжал на похороны папа́ в 1909 г., как раз после объявления себя царем. Он воспользовался этим случаем, чтобы Россия признала за ним этот титул. Ему были оказаны царские почести, чем он остался очень доволен и польщен. Характерная черта его характера, это — болезненная щепетильность. Ему все кажется, что все недостаточно с ним вежливы, проявляют к нему некоторое пренебрежение, подчеркивая, что он «ничего». Хотя ничего подобного я не видел, но он зачастую об этом жаловался мама́ и мне лично. Всякую мелочь он всегда истолковывал именно в этом смысле. Как пример, приведу следующий факт. Во время пребывания папа́ в Софии, папа́, отвечая на речи, говорил, обращаясь к Фердинанду, «ваше высочество». По этому поводу он спросил, что папа́ имеет против него, именуя его «ваше высочество» вместо «ваше королевское высочество». Мама́ с трудом его разубедила, что папа́ вовсе не хотел умалить его достоинство, а просто не обратил на это внимания. Папа́ говорил всегда без подготовки и не обратил внимания на пропуск «королевского». Когда мама́ сказала об этом папа́, то он ответил: «если это может доставить ему удовольствие я готов с радостью» [2]). Инцидент был исчерпан. Подобных инцидентов был целый ряд. В то же время, когда я был с папа́, при мне состояло дежурство из двух офицеров. Фердинанд просил, чтобы я без одного из них не выезжал из дворца. Однажды утром я решил прогуляться с Кубе [3]) по улицам Софии. По дороге встретили Фердинанда, который пришел в негодование, что я гуляю по улицам один, хотел посадить мое дежурство под арест и имел по этому поводу крупное объяснение с мама́, жалуясь, что я не подчиняюсь его требованиям и т. д. Мама́ мне, конечно, сейчас же об этом передала. Папа́ от души смеялся. И вот, я задумал, как бы отомстить Фердинанду. Надо помнить, что в то время он был лишь князем болгарским, вассалом турецкого султана. Фердинанд очень не любил, когда ему об этом напо-

[1]) Болгарский царь с 1918 г.

[2]) В подлиннике по-французски: «Si ça peut lui faire plaisir — avec joie».

[3]) Адъютант Андрея Романова.

минали. И вот, я решил одеть турецкую звезду к парадному обеду. Фердинанд заметил это, но ограничился лишь следующим замечанием: «я счастлив видеть, что мой повелитель тебя так украсил» [1]). Придворные чины в отчаянии бросились ко мне, умоляя снять турецкую звезду; на это я им заметил, что удивляюсь им, так как нахожусь в турецкой провинции, и что это даже с моей стороны известное внимание верховному покровителю Болгарии, турецкому султану. На следующий день Фердинанд излил целые потоки упреков мама́ по поводу моего скандального поведения. На это мама́ ему очень разумно ответила, что он сам виноват тем, что наговорил про меня много нехорошего, и я имел полное право обидеться. Папа́ был в восторге от всего этого инцидента и от души хохотал. Через несколько дней Фердинанд спросил мама́, приму ли я от него в знак примирения перстень. В виду положительного ответа, он мне подарил платиновое кольцо с тремя разноцветными камнями, цветами Болгарии.

В 1911 г. я был послан в Софию, как представитель государя, на торжество по случаю совершеннолетия Бориса. Относительно политических разговоров я поговорю ниже, приведу пока подробности одного инцидента, который там произошел. Однажды вечером у меня сидел ген. Марков и спросил, когда я думаю выехать обратно и не собираюсь ли остаться здесь еще несколько дней. На это я ему ответил, что собираюсь выехать после окончания торжеств, как это предусмотрено в присланном мне печатном расписании торжеств. Оставаться лишнее время я не предполагал, тем более, что царь мне ничего об этом не говорил. На следующий день Фердинанд мне сказал: «Ты меня очень обидел тем, что сказал, что не останешься лишний день у меня и что я тебе ничего об этом не говорил». Я ему ответил, что разговор у меня был по этому вопросу частного характера с ген. Марковым, но никакой обиды я не хотел ему нанести, а руководствовался печатным расписанием торжеств, где указан даже час отхода поезда. Относительно дальнейшего пребывания в Софии, то, действительно, я не имел с его стороны никаких высказанных пожеланий, а потому и не мог ответить, что останусь. Фердинанд ответил, что он всегда рад, когда я у него бываю, и я мог бы это знать. После этого я передал ген. Маркову,

---

[1]) В подлиннике по-французски: «Je suis heureux de voir, que mon suzerin t'a si amplement décoré».

что удивляюсь, как он мог передать мой частный с ним разговор Фердинанду, да еще исказил смысл моих слов. Он стал уверять, что он ничего не говорил, но в виду того, что, кроме него, никто посторонний при разговоре не был, я ему сказал, что ответственность за все происшедшее падает на него, и просил переговорить с царем и избавить меня от грязных сплетен и нареканий Фердинанда, что он успешно и исполнил.

Через несколько дней произошел новый инцидент, но еще крупнее. В Софии строился грандиозный собор под руководством русского архитектора, который очень просил меня осмотреть работы. Этот собор был заложен в 1907 году папа́, который очень интересовался работами. Я и поехал осматривать собор утром. Перед завтраком Фердинанд мне заметил, что он крайне обижен, что я поехал без него. На это я ему довольно резко ответил, что, как царский посол, я не терплю над собой опеки и волен делать то, что хочу. В противном случае, я покину немедленно страну, ежели мне придется еще хоть один раз выслушивать от него замечания, и прошу его впредь не забываться. Это, кажется, на него сильно подействовало, так как в тот же день он меня пригласил прокатиться на моторе в «Врану», имение верстах в восьми от города. Я воспользовался этим случаем, чтобы завести с ним разговор на политическую тему. Он сразу ухватился за эту тему и спросил прямо, почему в России к нему так враждебно относятся и упрекают в австрофильстве. Действительно, в то время газеты его в этом обвиняли и подчеркивали слишком частые поездки его в Вену. Я ему ответил, что нападки на него в России происходят именно по поводу поездок в Вену [1]) . . . . . .

Подъезжая к Софии, за одну станцию, меня встретил наш посланник Неклюдов и военный агент Романовский, который передал мне, что Фердинанд дал ему понять о его желании назначить нашего государя шефом одного полка, но хотел знать, будет ли это в принципе принято. Я передал Романовскому, при каких условиях можно будет согласиться на желание Фердинанда, и мы условились выведать истинное настроение Фердинанда. Перед самым отъездом из Софии я спросил Романовского, были ли сделаны новые попытки узнать, как будет принято предложение о шефстве. Оказывается, что никаких намеков

[1]) Далее в рукописи вырваны две страницы.

за время моего пребывания сделано не было. Я тоже ничего не слышал. Так это и не состоялось. Вот почему мне пришлось доложить государю, что Фердинанд мне ничего не говорил о своем желании, да я бы и не принял их, — в виду его скорее отрицательного отношения к России. Государь вполне разделил мою точку зрения. Наш посланник Неклюдов тоже был того мнения, что Фердинанд ведет политику, далеко не доброжелательную к России. Я далек от мнения, что вся вина на стороне Фердинанда. Наша дипломатия делала очень много ошибок грубых и непростительных. Она выпустила из своих рук инициативу на Балканах и совершенно не отдавала себе отчета, что там происходило. Ежели будет время, я об этом напишу многое интересное из своего опыта.

27 сентября.

Мамá пила на-днях чай у Ники и Аликс. Она мне передала, что Ники выглядит очень бодро. Доволен своим новым положением и тем, что в курсе дел. Мамá ему напомнила, как ему хотелось в самом начале войны стать во главе армии, и ему отсоветовал это совет министров. «Да, — ответил Ники, — как я этого тогда хотел, и мне помешали», — при этом две крупные слезы сверкнули в его глазах. Потом разговор коснулся гвардии и предположения оттянуть ее в тыл на отдых, после понесенных больших потерь. «Это была большая ошибка, — сказал Ники, — моих предшественников, и это не одна — много ошибок сделала «черная армия»: я им дал свежие войска, а мне сдали что?» Что он точно хотел сказать под словами «черная армия», осталось тайной. Намекал ли он на время Данилова, прозванного «черным», или это относилось к черногоркам, которых тоже попросту называют «черными» — неизвестно [1]). Одно лишь чувствовалось в его разговоре, как это заметила мамá, это много горечи к бывшему верховному. Тут, повидимому, кроется неизвестная для нас причина. Что-то произошло между ними, и произошло что-то нехорошее. Иначе он так бы не выражался каждый раз про Николая Николаевича, которого осыпал всякими милостями.

---

[1]) Возможен общий намек и на «черногорок» и на ген. Данилова («Черного»), который усердно поддерживал план трагического наступления русской армии в Восточную Пруссию.

29 сентября — Петроград.

Сегодня мне пришлось беседовать с князем В. Волконским, товарищем министра внутренних дел и бывшим товарищем председателя Гос. Думы. Первым долгом я его спросил, правда ли то, что пишут в газете об его уходе.

Кн. В. — Я сам о своем уходе прочел в Москве, где одновременно узнал о смене министров и о назначении Хвостова. Приехав сюда, мне передали, что у нового министра есть определенный кандидат на мое место. Я заехал к нему и прямо спросил, когда ему угодно, чтоб я подал прошение об отставке, сегодня или завтра. На это он мне ответил, что не только у него нет определенного кандидата, но, напротив, он умоляет меня остаться. Я просил его повторить и затем изложил ему свою точку зрения, которая заключалась в том, что я могу быть ему полезным, пока мы работаем в одном направлении, но, если наши пути будут расходиться, то я уйду, чтобы ему не мешать.

— А какого он направления?

— Он правый, но разумно, к обстоятельствам умеет применяться.

— А князь Щербатов (бывший министр внутренних дел)?

— Очень умный, но не на месте.

— Жаль Самарина, столько про него хорошего говорили.

— Жаль не Самарина, а тех причин, по которым он ушел, ушел кн. Щербатов и Джунковский. Конечно, вам все эти причины известны лучше меня, но о них говорит вся Россия. По последнему делу (Варнавы) весь св. синод единогласно, с оберпрокурором во главе, сделал постановление, которое было отвергнуто. Ведь постановления св. синода не подлежат обсуждению, это равно буллам папы римского, это есть веление церкви, с ним невозможно не считаться. Или это есть синод, или ровно ничего. Но нельзя же так топтать церковь. Или она есть, или нет. Вся Россия заговорила об этом. Во всех церквах священники говорят народу, и говорят такие вещи, о которых я во сне лишь шопотом могу себе говорить. Настроение очень поднятое всюду, и недолго ждать, когда народ спросит: или мы, или он. И тогда скверно будет.

Сколько сделали ошибок за последнее время; без ужаса я не могу думать о роспуске Гос. Думы[1]). Именно в этот

[1]) 3 сентября 1915 г.

момент, когда дело налаживалось и установилось известное доверие к правительству. Зачем это? Кому нужно? У меня был один из крайне левых кадетов. Дай бог, от правого слышать такую горячую патриотическую речь. Он мне прямо сказал: «Мы немногого просим, просим лишь порядочного к нам отношения. Мы все любим Россию, готовы все отдать ей, но относитесь к нам порядочно». Он был глубоко прав. Нельзя пренебрегать общественным мнением. Им страна сильна, им она побеждает. У нас же принято на это говорить про общественное мнение или «наплевать», или «все равно». Это большая ошибка. Общественное мнение в России за последние годы окрепло и имеет влияние на дела. Говорят, необходимо ввести военную диктатуру. Я понимаю диктатуру, как власть, опирающуюся на армию. Но, когда вся армия на боевой линии, и в России ничего не осталось, на что может опереться власть? Это—фикция. Я понял бы только власть, опирающуюся на общественное мнение. Вот это сила и сила реальная. В Италии правительство год целый подготовляло общественное мнение и так удачно, что объявление войны вылилось как всеобщее желание. В Англии было то же самое перед объявлением войны. Правительство подготовило общественное мнение и лишь потом объявило войну, которая, конечно, и была встречена с большим подъемом и всеобщим одобрением в Англии. А у нас ни во что не ставят общественное мнение. Это может повести к весьма нежелательным результатам. К сожалению, но весьма скоро станет нехорошо. Я получаю из армии, от командующих армиями, такие письма, что просто ужас берет. Я у себя таких вещей не могу говорить, а они пишут.

— А почему Джунковский ушел? — спросил я.

— Да все из-за того же дела (кн. Волконский ни разу не сказал, что за дело, но все же ясны были намеки на Гришку и Варнаву). Он не на месте был. Это человек глубоко порядочный, но этого мало. Надо знание и умение, чего у него не было. Он наделал много административных ошибок. Теперь на его место назначается Белецкий [1]) (сенатор). Он уже был директором департамента полиции. Это человек знающий, и он единственный, кто может в данное время справиться с этим

[1]) Белецкий, Степ. Петров., товарищ министра внутренних дел при А. Н. Хвостове.

целом. Я давно его считал лучшим кандидатом. Тут главное не мешать людям порядочным жить и смотреть, чтобы никто им не мешал, а людей непорядочных, мешающих другим жить — хватать. В этих границах полиция только и должна действовать.

— Вы только что говорили про значение общественного мнения — нельзя ли было бы для этой цели лучше использовать печать? В умелых руках хорошо руководимая печать может оказать огромные услуги правительству.

— Конечно, печать это дивный орган для правительства. Будь я во главе ведомства, я бы все новые мероприятия изучал печатью. Пускал бы статьи, слушал возражения, оспаривал бы их, подготовлял бы общественное мнение, и тогда всякое мое мероприятие встретило бы сочувствие большинства, что уже создает известное доверие к данному мероприятию. У меня на-днях побывали редакторы газет, и все заявили, если я их по телефону попрошу о том или другом не писать, то и не напишут; но когда им приказывают, как Катенин [1]) это делает, то они будут писать. Они сами сознавались, что врут, но публика требует новостей, а их, редакторов, никуда на порог даже не пускают. Где же собрать сведения, с кем поговорить, обсудить вопрос? При таком отношении к печати их только озлобляют, а услугами их не пользуются.

— Но почему же Горемыкин не улучшает все эти вопросы?

— Да где ему. Он старого поколения, ему невозможно приспособиться к новому времени. Даже в нашумевшем деле Варшавы) он не видит серьезных последствий. Ему, конечно, следовало бы вместе с председателями Гос. Совета и Думы сделать доклад, но он на это неспособен.

— Когда ожидается открытие Государственной Думы?

— Этот вопрос не решен. Насколько я был противником роспуска Гос. Думы и сторонником ее скорейшего созыва — настолько теперь я нахожу невозможным созыв. Дума не может не предъявить правительству запросы по «этим вопросам» — что же может оно ответить? Дебаты в Думе, при нынешнем настроении, прямо опасны. Необходимо сперва успокоить общественное мнение. Горемыкину даже говорить не дадут — засвищут. Ему и вообще в Думу лучше не ходить.

— А есть ли подходящий кандидат?

---

[1]) Начальник главн. управления по делам печати.

— Я не знаю, но это безразлично; кто бы то ни был — будет лучше. Горемыкину необходимо уйти. Ему совершенно невозможно оставаться на этом посту.

— Правда ли, что многие министры подали прошение об отставке?

— Нет, это совершенно неверно.

На этом наш разговор кончился.

29 сентября.

Вечером в Царском Селе мамà мне говорила, что m-me Нарышкина, состоящая при императрице Александре Федоровне [1]), будто говорила Alix, что нельзя итти против синода. На это она ответила, что по закону государь правит церковью, а не синод. Весьма вероятно, что такой разговор был [2]). Дело Варнавы показало, как третируют его [3]). Митрополит петроградский заболел (дипломатически) и уезжает лечиться на Кавказ, откуда хочет прислать прошение об увольнении.

5 октября. Петроград.

Митà (Д. А. Бенкендорф) на-днях был в Москве и рассказывал нам о тамошнем настроении. Он беседовал с извозчиками, которые ему довольно откровенно говорили, что вся Россия знает, что генералы изменники, а то бы русские войска давным давно были бы в Берлине. До конца войны они все будут сидеть смирно, но п о с л е придется рассчитаться со всеми изменниками и предателями отечества. Кроме того, из этих разговоров с извозчиками Митà вынес впечатление, что все вопросы, которые волновали Петроград, не менее волнуют и народ, хорошо осведомленный обо всем, что происходит. Все это подтверждает слова кн. Волконского что народ волнуется [4]).

[1]) Е. А. Нарышкина — «статс-дама».

[2]) Это, действительно, вполне соответствовало взгляду А. Ф. Романовой. По поводу «величания», без согласия синода, Иоанна Максимовича и разыгравшегося, в связи с этим, инцидента, А. Ф. писала Николаю: «Как преступны слова Самарина насчет величанья, что ты не имеешь права разрешать такой вещи, — на что В(арнава) благоразумно ответил, что ты главный покровитель церкви. Когда Петр Великий, по собственному почину, приказал величание,—это было немедленно исполнено» («Переписка Н. и А. Романовых», т. III, письмо от 7 сентября 1915 г., стр. 324—325).

[3]) Т.-е. синод.

[4]) См. предыдущую запись от 29 сентября, на 97 и сл.

Популярное имя Самарина, в связи с делом Варнавы и св. синода, даст обильную пищу для волнения. Многим, может быть, кажется, что народ далек от всего этого, но нет — ему все известно. Его интересует судьба России и все, что клонит не к ее величию—его оскорбляет и возмущает. Будущее, конечно, покажет, что из всего этого может произойти.

7 октября. Петроград.

Итак, свершилось то, чего ни мой дед, ни отец, ни все те, кто в 70-х годах так ратовали за освобождение Болгарии, а затем своею кровью ее освободили—не могли предвидеть. Россия, освободительница Болгарии, обнажила меч против Болгарии, которая восстала против своей освободительницы. Кошмарность этого явления не поддается описанию. Хотя и привыкли считать, что в политических вопросах сантиментальности нет места, но все же минимум некоторых принципов все же допускается. Принцип единокровия, единой веры, те принципы, которые руководят расами, соединяя их для противостояния иным расам, всегда были священны. Теперь и эти последние принципы попраны. Стыдно, глубоко стыдно должно быть ныне человечеству за все, чему свидетелем ему пришлось быть. Последние идеалы рухнули. Перед престолом всевышнего да вопиют все те русские солдаты, на полях Болгарии за ее освобождение свою душу положившие. Вопием и мы, их потомки, в единой надежде, что те, кто виновны в этом, понесут свою кару и, ежели народ болгарский был введен немцами в заблуждение,— да уразумит его господь.

10 октября. Петроград.

Днем я заехал к тете Елизавете [1]), которую, в сущности, с детства мы зовем тетей Маврой. В первый раз после смерти дяди [2]) я вновь был в Мраморном дворце, где все так живо напоминает покойного. Обстановка его комнат не имеет стиля, но все предметы, по своему подбору, так ясно говорят о настроении этого выдающегося человека, что сразу вдыхаешь ту атмосферу, в которой он всю жизнь прожил. Тетя приняла меня в его ком-

[1]) Вел. кн. Елизавета Маврикиевна, вдова великого князя Константина Константиновича.

[2]) Вел. кн. Константин Константинович,— президент Академии Наук, автор стихотворений («К. Р.»).

нате, где она разбирала оставленный им обильный архив. По завещанию, все его дневники могут быть вскрыты только через 99 лет. Дядя часто при жизни дразнил тетю, что она не будет читать дневников, на что она ему, шутя, отвечала, что, вероятно, он ее критикует в своих дневниках, почему и не желает, чтобы она их читала. Кроме дневников, дядя хранил свою обильную переписку, которая, согласно его воле, должна быть возвращена писавшим. Весь архив хранится в образцовом порядке. В Академию Наук он завещал кольцо Пушкина. Относительно смерти дяди тетя мне говорила, что главная причина была смерть Олега [1]): «Он редко высказывался и больше таил в себе переживания, скрывал под внешним спокойствием душевные тревоги. Когда после похорон Олега в Осташеве мы раз гуляли в лесу, он сказал мне, что не следует предаваться отчаянию о смерти Олега, это недостойно его памяти. Олега он очень любил и считал, что он будет продолжать его работу, как талантливый поэт с чуткой и нежной душой. Со смертью Олега рухнула эта надежда, которая и ускорила его болезнь. Когда мы были в Египте, один из его адъютантов раз спросил его, кто из сыновей душой больше на него похож. Он ответил—Иоанчик [2]), а как поэт —Олег. С детьми он почти не говорил, и они этим часто печалovались. Я его уговаривала говорить с ними, он так хорошо говорил с кадетами, но он всегда отговаривался, что не может говорить со своими детьми, как он откровенно говорил: я не умею высказаться. И это отчасти верно. Говорить с ним было трудно. Он редко мог высказать, что думал. Это как-то мало вяжется с его поэтическим талантом, но это было так. И это ужасно жалко. Какое он мог бы иметь влияние на детей! Они для меня большое утешение. Больше всего сердечности выказал за это время горя Гаврилушка [3]). Одно, о чем я сожалею, что никто из них не на войне. Это нехорошо. Хотя мне и тяжело сознание, что они воюют против моих же родственников, но я стою на принципе, что Константиновичи должны быть на своих местах, как бы это ни было тяжело для меня лично. Тебе, может быть, это покажется странным, что мать

[1]) Олег Константинович, князь (не «великий» — вследствие дальности родства с царем) — единственный из романовской фамилии, активно участвовавший в боях и убитый 29 сентября 1914 г.

[2]) Князь Иван Константинович.

[3]) Князь Гавриил Константинович.

так говорит, но поверь, что это их личный долг, а долг на войне превыше всего. Они, слава богу, отлично служат, но боюсь, что измайловцы балуют Костю [1]). Видишь, есть разница во взглядах в полках. Гусары считают, что мои дети должны почитать за честь служить у них, а измайловцы считают, что для них честь, что Костя у них служит, и этот последний взгляд я считаю неправильным. Я не знаю, как выполнить волю моего бедного Олега. Перед отъездом на войну он просил меня вернуть Надежде Петровне [2]) обручальное кольцо. Я написала Милице, что хочу сама вернуть эти вещи, на что получила ответ, что Костя может завезти. Мне это было ужасно больно. Но что было еще тяжелее — это письмо Надежды, — она мне написала как самое малое дитя. Я только потом узнала, что мать ей диктовала это письмо и запретила плакать об усопшем. Они нежно любили друг друга, это была чистая любовь. Хотя Надежда была и молода, ей всего 16 лет, но Олег решил ждать сколько угодно. Мы их благословили и свадьбу отложили после войны. Мне говорили, что Милица так круто поступила, не желая, чтобы Надежда начала свою жизнь «у гроба»! Но мне она могла бы более сердечно писать и отнестись к воле покойного хоть немного сердечнее. Нет, это было ужасно для меня. Бессердечная Милица. Бог с ней. Теперь они все на Кавказе и, говорят, не хотят возвращаться и даже думают распродать свои дома в Петрограде.

Милая Ольга [3])—это прямо ангел небесный. Она так сердечно ко мне относится. Всю ласку и любовь после смерти Кости перенесла на меня. Она его ужасно любила. Это все, что у нее было хорошего в России. С Митей [4]) у нее не было таких сердечных отношений, как с Костей».

Потом тетя рассказала последние минуты Олега. Они приехали в Вильно часа три спустя после моего отъезда. «Было совсем темно, когда мы приехали. Мотор, который должен был показывать путь, шел очень быстро, и мы потеряли его из вида. Довольно долго путались по улицам, это было ужасно тяжело, когда каждая минута так дорога. Потом эта беско-

---

[1]) Князь Константин Константинович.

[2]) Надежда Петровна — дочь вел. кн. Петра Николаевича и его жены Милицы Николаевны.

[3]) Ольга Константиновна, вдова греческого короля Георга, сестра вел. кн. Константина Константиновича.

[4]) Вел. кн. Дмитрий Константинович, брат Ольги Константиновны.

нечная лестница в госпитале. Казалось, никогда не доберусь до верха. У постели Олега все стояли на коленях. Ждали кончины с минуты на минуту. Он был в полном сознании и крепко, крепко меня обнял и так радостно говорил: «Наконец! наконец!» Дядя Костя дал ему георгиевский крест его дедушки, что его очень обрадовало: «Дедушкин крест! дедушкин крест!» все повторял Олег. Потом он отрывистым голосом передал как был ранен: «Была атака... лошадь занесла... я был ранен... упал...» Потом он как будто заснул, снова открыл глаза и изумленно спросил, зачем кругом него стоят. Доктор объяснил, что родители давно его не видели и хотят побыть около него и стал уговаривать заснуть. Он закрыл глаза и пролежал спокойно несколько минут. Потом приподнялся в постели и, устремив взор вдаль, стал нервно говорить: «Смотрите, вон лошадь... скачет, смотрите — вон она, вон здесь, там... скачет...» Потом выпрямился — потянулся и свалился на подушки, заснув вечным сном. Всего мы пробыли у него, — продолжала тетя, — не более получаса. Памяти покойного издана книжка. Содержание взято из его дневника. Там есть чудные рассказы, в особенности последние. Я сама не знала, что он писал, и многое я узнала из этого дневника. Он, как и отец, мало говорил, а все больше доверял своему дневнику, их вечному спутнику».

Простился с тетей и уехал домой. Тяжело было на душе. Вся жизнь ее была в дяде Косте, он был все для нее. Теперь у нее ничего нет. Дети, хотя и тепло к ней относятся, но это уже не то. Кроме того, чувствуется, что многое осталось у них недоговоренного. Есть вопросы, на которые он ей при жизни ответа не давал. И это ее мучает больше всего. Что думал он тогда? В дневниках, вероятно, нашлись бы ответы на эти мучительные вопросы, — но их откроют через 99 лет. История лишь узнает, а ей придется окончить жизненный путь без ответа. Бедная тетя. Жаль ее бесконечно. Такая чистая душа, столько благородства. Все в жизни, с внешней стороны, ей улыбалось, а на душе так бесконечно пусто, уныло.

14 октября.

Тетя Елизавета передала мне, что в продажу поступила книга под названием «Князь Олег». В ней помещено жизнеописание Олега и выдержки из его дневников. Я купил эту книгу. Издана

она отлично, но не в том дело. Интересно содержание. Составлено заботливой рукой, говорят, одним из его воспитателей. Тут много воспоминаний лиц, окружавших его с первых дней детства. Тут и его рисунки, и рассказы, и воспоминания. Много интересного. В конце книги есть описание смерти Олега в Вильне 29 сентября 1914 г., составленное по данным разных лиц. Многое из этого я видел сам. Сожалею, что мои показания не были тоже помещены в этой книге. Героем умирал юный мученик . . . . .[1].

10 июля из ставки была получена телеграмма, чтоб я сдал корпус старшему, и могу ехать в деревню. Но не успел я еще уехать, как из ставки вернулся полк. Энгельгардт [2]) и сообщил мне, что ген. Леш и ген. Алексеев подали в ставку рапорты, из коих вытекало, что, хотя я и подчинился приказу Леша о ночной атаке, но шепнул своим подчиненным, чтобы они не лезли вперед. Это меня окончательно взорвало, и тут я совершил большую ошибку. Я телеграфировал Алексееву, что с грустью покидаю доблестный гвардейский корпус, но рад выйти из-под подчинения б е з д а р н ы х н а ч а л ь н и к о в. Когда я писал, то думал лишь о Леше, а не о нем и Алексееве вместе, и по описке вместо «бездарного», т.-е. в единственном числе, написал в множественном — «бездарных». Конечно, это задело Алексеева, который и донес в ставку рапорт Леша.

Когда я был у Николая Николаевича, он меня внимательно выслушал и попросил переговорить с ген. Даниловым. Но я отказался с ним говорить и уехал в деревню. По окончании отпуска я вернулся в ставку; государь уже вступил в командование. Однажды ко мне в комнату зашел ген. Олохов, мой заместитель, и долго говорил [3]). Я ясно видел, что он вертит кругом, но не говорит то, что хочет. Мне это показалось странным, и я стал внимательно следить, что он делал в ставке. Однажды, по случайной фразе государя, я, наконец, догадался о цели приезда ген. Олохова. Оказывается, что возник проект о назначении великого князя

[1]) После этого две страницы вырваны. — Далее следует рассказ ген. Безобразова. Речь идет о том же эпизоде его с ген. Лешем, о котором уже говорилось ранее в дневнике (стр. 52 — 53).

[2]) Посланный ген. Безобразовым в ставку с докладом.

[3]) Олохов, Влад. Апол. — командовал последовательно гвард. дивизией 23 армейским корпусом; затем сменил Безобразова.

Михаила Александровича [1]) командиром гв. корпуса, а ген. Олохов должен был быть его помощником. Одновременно с этим я также узнал, что меня отчислили по обвинению в неповиновении начальству. Так как это задело мою честь, то я решил представить в свое оправдание все документы по красноставской операции и просить о назначении расследования. Я был у Алексеева, передал ему все документы, мою просьбу о расследовании и доложил подробно всю красноставскую операцию [2]). Из этого разговора я убедился, в чем и Алексеев мне сознался, что он был введен в заблуждение рапортом Леша и очень сожалеет о случившемся. Мой доклад был передан государю, который вскоре принял меня в своем кабинете и сказал: «В ответ на вашу просьбу о назначении расследования, я назначаю вас начальником гвардейского отряда, куда будут собраны все гвардейские части». Я заметил государю, что этот проект встретит большое несочувствие в штабах. На это государь хлопнул кулаком по столу и сказал: «Это моя воля!». После этого мы перешли к примерной разработке проекта гвардейского отряда, и я намекнул государю, что возможно ли будет назначить великого князя Павла Александровича командиром 1-го гв. корпуса. По моему мнению, гвардией могут командовать или люди одной с ними среды, или выше, но не ниже, как это было с Лечицким и другими. Гвардия страдает от таких назначений. На это государь мне ответил: «я и сам об этом думал». Я обещал найти для великого князя Павла Александровича хорошего начальника штаба, и тогда можно быть спокойным. В 1-й гвардейский корпус войдут 1-я и 2-я гвардейская пехотная дивизия и 1-я гвардейская кавалерийская дивизия. Во 2-й гвардейский корпус, под командой ген. Олохова — 3-я гвардейская пехотная дивизия, гвардейская стрелковая бригада, развернутая в 4 батальонный состав и 2-я гвардейская кавале-

[1]) Брат Николая II.

[2]) Под названием «красноставской операции» разумеются бои III армии с 6 по 17-е июля 1915 года, закончившиеся отходом по направлению Бреста. Командир гвардейского корпуса, входившего в состав III армии, ген.-ад. Безобразов был против отхода гвардии с красноставских позиций, во время которого они понесли большие потери, и на этой почве у него произошли крупные недоразумения с ген. Лешем, командующим армией, который настаивал на отходе, согласно директивам, данным ему главнокомандующим фронтом ген. Алексеевым. В результате, гвардия жестоко пострадала, а ген. Безобразов, по требованию Алексеева, был отстранен от командования корпусом.

рийская дивизия. Вероятно, через месяц отряд будет уже сформирован. О назначении в. кн. Михаила Александровича командиром одного из гв. корпусов я ничего не слыхал. По крайней мере, государь мне ничего об этом не говорил. Также и кавалерию не собираются объединять в корпус, а распределяют по корпусам. Теперь я объеду по высочайшему повелению всю гвардию и сделаю его величеству доклад. По этому поводу произошел маленький курьез. Когда государь мне приказал осмотреть гвардию, я доложил ген. Алексееву, но он меня попросил представить ему бумажку за подписью графа Фредерикса [1]). Это меня прямо поразило. Неужели он мог заподозрить, что ген.-ад. его императорского величества может самостоятельно выдумать такую вещь. Пошел я к графу Фредериксу, который был еще более меня изумлен требованием Алексеева и не знал, что ему делать. После обеда во дворце Фредерикс подошел одновременно с государем ко мне и передал его величеству о требуемой Алексеевым бумаге. Государь, со свойственной ему добротой и нежеланием кого-либо задевать, ответил, что сам скажет Алексееву, и ежели нужно, то и подпишет эту бумагу. Бумагу я получил за подписью ген. Алексеева (Безобразов мне эту бумагу показал) и сегодня собираюсь ехать. Дней через 10 думаю быть в Петрограде, для осмотра запасных частей.

Как неузнаваем штаб теперь. Прежде была нервность, известный страх. Теперь все успокоилось. И ежели была бы паника, то государь одним своим присутствием вносит такое спокойствие, столько уверенности, что паники быть уже не может. Он со всеми говорит, всех обласкает; для каждого у него есть доброе слово. Подбодрились все и уверовали в конечный успех больше прежнего.

На этом мы попрощались, и я уехал к себе в вагон.

23 октября. Петроград.

В Могилеве 19 октября с. г. граф Адам Замойский, передавая мне общую картину политических комбинаций, особенно остановился на вопросе о Румынии. Из всех балканских государств, не вошедших в коалицию, Румыния, как сила, представляет особый интерес. По его мнению, следовало бы обратить особое внимание на Румынию и не упускать случаев, когда можно было

[1]) Министр двора.

бы на нее воздействовать. Агитация Германии в Румынии приняла широкие размеры, и неудивительно, что общественное мнение еще не высказалось в пользу России, которая пока ничего не сделала, дабы склонить Румынию на свою сторону. Кроме того, немцы посылали своих принцев в Румынию и этим поддерживали как внешнюю, так и внутреннюю связь. По мнению графа Ад. Замойского, следовало бы и России предпринять шаги, дабы завоевать симпатию Румынии и не дать немецким принцам возможности свободно туда ездить. Как меру, он предлагал послать в Румынию Кирилла и Dacky[1]. Одним своим присутствием они бы уже помешали свободному приезду немцев. Идея мне лично очень понравилась, и я об этом говорил третьего дня с мама̀. Граф Ад. Замойский тоже ей говорил об этом, и она также признала проект не только выполнимым, но и крайне своевременным. Мама̀ поговорила об этом с Кириллом и Dacky, которые оба в принципе были согласны и обрадованы. Вчера мама̀ была у Ники, и Аликс и сообщила им этот проект. Ники и Аликс были вполне согласны, и Аликс, в особенности, нашла, что это крайне своевременно и необходимо. Ники добавил, что он сам об этом уже думал. Теперь мы ждем, что будет. Мама̀ советовала Кириллу ехать к Ники и переговорить с ним об этом. Но он что-то не желает сам начинать этот разговор.

---

[1]) Dacky — семейное прозвище Виктории Федоровны, жены в. к. Кирилла; она — сестра румынской наследной принцессы (теперь королевы) Марии. Викторию и Кирилла, действительно, предполагалось послать в Румынию, но, после совещания Николая с Алексеевым и Сазоновым решено было, — по словам Николая, — Румынию пока «оставить в покое и не посылать Кирилла» («Переписка Н. и А. Романовых», т. III, стр. 428, 429, 432).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
ЛЕНИНГРАД, ДОМ КНИГИ, Проспект 25 Октября, 28. Телефоны 1-32-44, 5-70-14;
МОСКВА, Тверская, 51. Телефоны 3-92-07, 4-92-31.

ВОСПОМИНАНИЯ и ИСТОРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ.

данных в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства (в 1917 г.). Томы I — VI. Редакция П. Е. Щеголева. Том I — Допросы Хвостова, А. Н., Климовича, Протопопова, Хабалова, Васильева, Штюрмера, Бурцева, Наумова, Андроникова. Стр. XXX+432. Ц. 2 р. 75 к.

Палеолог, Морис. — Царская Россия накануне революции. Перевод с франц. Д. Протопопова и Ф. Ге. Стр. 472. Ц. 1 р. 60 к.

Памятники агитационной литературы Росс. Соц.-Демокр. Раб. Партии. — Т. VI. (1914 — 1917.) Период войны. Вып. I. Прокламации 1914 г. Стр. 345. Ц. 2 р.

Первая русская революция в Петербурге. 1905 г. — Сборник I. Статьи, воспоминания, материалы и документы. Под редакцией Ц. Зеликсон-Бобровской. („Ленинградский Истпарт") Стр. 170. Ц. 60 к.

Переписка Николая и Александры Романовых.—1914 – 1915 г.г. Т. III. С предисл. М. Н. Покровского. Стр. XXXIV + 524. Ц. 5 р.

Победоносцев, К. П., и его корреспонденты. Письма и записки. С предисловием М. Н. Покровского. Том I. Novum Regnum. Полутом I. Стр. XIV+ +439. Ц. 4 р.

Победоносцев, К. П., и его корреспонденты. Письма и записки. С предисловием М. Н. Покровского. Том I. Novum Regnum. Полутом II. Стр. 445—1147. Ц. 5 р.

Прибылев, А. В. — В дни митной мастерской и Карийская политическая тюрьма. Из воспоминаний народовольца. Стр. 79. Ц. 60 к.

Рталес, гр. — Между миром и войной. Воспоминания бывшего германского посла в России. Перевод с немецкого М. Алексеева. Предисловие В. Кряжина. Стр. 80. Ц. 50 к.

Революционное юношество. — Сборник I. Из истории революционного движения учащихся средне-учебных заведений Петербурга. 1905—1917 г.г. („Ленинградский Истпарт".) Стр. 227. Ц. 1 р. 25 к.

Сверчков, Д. — На заре революции. Изд. 3-е. Стр. 314. Ц. 2 р.

Сверчков, Д. — Г. С. Носарь-Хрусталев. (Опыт политической биографии.) Стр. 50. Ц. 35 к.

Титлинов, Б. В. — Молодежь и революция. Из истории революционного движения среди учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений. 18[illegible] — 1905 г.г. С предисловием и под редакцией Э. Э. Эссена. („Ленинградский Истпарт") Изд. 2-е. Стр [illegible]. Ц. 70 к.

Уорд, Джон. — Союзная интервенция в Сибири 1918—1919 г. Записки начальника английского экспедиционного отряда. С предисловием И. Майского. Стр 172. Ц 1 р. [illegible]

Чернин, О. — В дни мировой войны. Мемуары. Перевод с немецкого М. Константинова. С предисловием М. П[illegible]вича. Стр. 296. Ц. 1 р. 40 к.

Черный передел. — Орган социалистов федералистов 1880—1881 г.г. Предисловие В. Невского. Вступит. статья О. В. Аптекмана. Стр. 355. Ц. 75 к.

Шейдеман, Ф. — Крушение Г[illegible] Империи. Перев. с немецкого. С предисловием М. Павловича. Стр. [illegible]. Ц. 75 к.

Шелгунов, Н. В. — Воспоминания. Ред., вступит. статья и примеч. А. Шилова. (Серия „Библиотека мемуаров".) Стр. 317. Ц. 1 р.

Эрцбергер, М. — Германия и Антанта. Мемуары. Перевод с немецкого Е. [illegible]товой. Вводная статья В. Кряжина: „Крушение германского империализма". Стр. 353. Ц. 1 р. 50 к

Цена 85 к.

